

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

М. В. Сенцова (Карасева), д-р юрид. наук

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

А. В. Красюков, д-р юрид. наук; *А. Г. Пауль*, д-р юрид. наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

М. Б. Обухова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Я. Абрамчик – канд. юрид. наук, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь); *С. В. Агиевец* – канд. юрид. наук, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Беларусь); *М. О. Баев* – д-р юрид. наук; *П. Н. Бирюков* – д-р юрид. наук; *Т. М. Бялкина* – д-р юрид. наук; *Ш. К. Гаюрзода*, д-р юрид. наук, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Таджикистан); *Д. В. Зотов* – канд. юрид. наук; *Л. С. Коробейникова* – канд. экон. наук; *А. Г. Кудрявцев* – канд. юрид. наук; *С. Н. Махина* – д-р юрид. наук; *В. А. Мачехин* – канд. юрид. наук, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина; *С. П. Мороз* – д-р юрид. наук, Каспийский общественный университет (г. Алматы, Казахстан); *Е. И. Носырева* – д-р юрид. наук; *В. А. Оганесян* – д-р юрид. наук, Российско-Армянский (Славянский) университет (г. Ереван, Армения); *С. В. Передерин* – д-р юрид. наук; *Е. В. Порохов* – д-р юрид. наук, Каспийский общественный университет (г. Алматы, Казахстан); *О. С. Рогачева* – д-р юрид. наук; *Ю. Н. Старилов* – д-р юрид. наук; *Г. В. Стародубова* – канд. юрид. наук; *Л. Б. Хван* – канд. юрид. наук, Ташкентский государственный университет (Узбекистан); *Т. Т. Шамурзаев* – д-р юрид. наук, Киргизско-Российский славянский университет (г. Бишкек, Кыргызстан)

Адрес редакции и издателя: 394018 г. Воронеж, Университетская площадь, 1.
Воронежский государственный университет.
Редакция журнала «Публично-правовое обозрение».
e-mail: review@law.vsu.ru
тел./факс: 8 (473) 255-84-79

© Воронежский государственный университет, 2025
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2025

PUBLIC LAW REVIEW

FOUNDER:

**Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Voronezh State University»**

CHIEF EDITOR:

Marina V. Sentsova (Karaseva), Doctor of Legal Sciences

DEPUTY CHIEF EDITOR:

Andrey V. Krasnyukov, Doctor of Legal Sciences; Aleksei G. Paul, Doctor of Legal Sciences

EXECUTIVE SECRETARY:

Marina B. Obukhova

EDITORIAL TEAM:

Liliya Ya. Abramchik, Candidate of Legal Sciences, Grodno State University Yanka Kupala (Belarus); Svetlana V. Agievets, Candidate of Legal Sciences, Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Belarus); Maxim O. Baev, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Pavel N. Biryukov, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Tatyana M. Byalkina, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Shukrullo K. Gayurzoda, Doctor of Legal Sciences, Tajik National University (Tadzhikistan); Denis V. Zotov, Candidate of Legal Sciences (Voronezh State University); Larisa S. Korobeynikova, Candidate of Economic Sciences (Voronezh State University); Andrey G. Kudryavtsev, Candidate of Legal Sciences (Voronezh State University); Svetlana N. Mahina, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Victor A. Machehin, Candidate of Legal Sciences (Kutafin Moscow State Law University); Svetlana P. Moroz, Doctor of Legal Sciences, Caspian Public University, Almaty (Kazakhstan); Elena I. Nosyreva, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Vladimir A. Oganessian, Doctor of Legal Sciences, Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Armenia); Sergey V. Perederin, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Evgeny V. Porokhov, Doctor of Legal Sciences, Caspian Public University, Almaty (Kazakhstan); Olga S. Rogacheva, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Yury N. Starilov, Doctor of Legal Sciences (Voronezh State University); Galina V. Starodubova, Candidate of Legal Sciences (Voronezh State University); Leonid B. Khvan, Candidate of Legal Sciences, Tashkent State Law University (Uzbekistan); Taalaibek T. Shamurzaev, Doctor of Legal Sciences, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Editorial committee address: 394018 r. Voronezh, Universitetskaya pl., 1.
Voronezh State University.
Editorial committee «Public law review».
e-mail: review@law.vsu.ru
tel./fax: 8 (473) 255-84-79

© Voronezh State University, 2025
© Design, original-model.
Publishing House of the Voronezh State
University, 2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Издается с 2023 г.
Выходит 4 раза в год

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ, 2025, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Кудрявцев А. Г., Белоконь Г. Г. К 50-летию кафедры уголовного права
Воронежского государственного университета 7

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Маркунцов С. А. Изменяемость уголовно-правовых запретов в контексте современных
уголовно-политических решений 14

Мирошниченко Д. В. Символизм уголовного права 23

Маслов А. Е. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности в период СВО ... 27

Ходусов А. А. Новеллы уголовно-правовых запретов современности как фактор формирования
уголовной политики государства в Российской Федерации 32

Мелюханова Е. Е. Значение категоризации преступлений 38

Чирков Ф. В. Приоритеты криминологической безопасности в контексте защиты традиционных
ценностей 42

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Спиридонова О. Е. Пропаганда нацистской символики в разрезе уголовной и административной
ответственности (ст. 282⁴ УК РФ и ст. 20.3 КоАП РФ) 50

Забавко Р. А. Экологические преступления и административные правонарушения
в области охраны окружающей среды: проблемы систематизации 57

Машкова А. В. Проблемные аспекты уголовной ответственности за незаконное проведение
искусственного прерывания беременности 62

Трибуна молодых ученых

Багаев В. В. Актуальные направления трансформации квалифицирующих признаков составов
преступлений 69

Васюков В. В. Использование социальных процедур в преступных целях (по материалам судебной
практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ) 74

Сенюков А. Н. Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): некоторые вопросы
законодательной регламентации 80

Ханджян К. А. Виды наказаний, применяемых в зарубежных странах, за незаконные организацию
и проведение азартных игр в сети «Интернет» 85

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Любимов Л. В. О возможности признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом преступления: в поиске ответа на поставленный вопрос	90
---	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Маслов А. Е. Памяти товарища доцента кафедры уголовного права ВГУ Александра Владимировича Заварзина	95
--	----

ИНФОРМАЦИЯ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей	98
--	----

CONTENTS

ISSUE TOPIC: CRIMINAL LAW

Kudryavtsev A. G., Belokon G. G. Dedicated to the 50th anniversary of the criminal law department of Voronezh State University	7
---	---

GENERAL THEORY OF CRIMINAL LAW

Markuntsov S. A. The modifiability of criminal law prohibitions in the context of contemporary criminal-polical decisions	14
Miroshnichenko D. V. The symbolism of criminal law	23
Maslov A. E. Special grounds for exemption from criminal liability during a special military operation.....	27
Khodusov A. A. Modern novelties in criminal law prohibitions as a factor in shaping the state's criminal policy in the Russian Federation	32
Melyukhanova E. E. The importance of crime categorization	38
Chirkov F. V. Priorities of criminological security in the context of protecting traditional values	42

SPECIAL ISSUES OF CRIMINAL LAW

Spiridonova O. E. Propaganda of nazi symbols in the context of criminal and administrative liability (article 282 ⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation and article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)	50
Zabavko R. A. Environmental crimes and administrative offenses in the field of environmental protection: problems of systematization	57
Mashkova A. V. Problem aspects of criminal liability for illegal induced abortion	62

SCIENTIFIC REPORTS

Bagaev V. V. Current directions of transformation of qualifying features of crimes	69
Vasyukov V. V. The use of social procedures for criminal purposes (based on the materials of judicial practice in cases of crimes provided for in article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	74
Senyukov A. N. Violation of labor protection (article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation): requirements some issues of legislative regulation.....	80
Khandzhyan K. A. Types of punishments applied in foreign countries for illegal organization and conduct of gambling on the Internet.....	85

SCIENTIFIC REPORTS

Lyubimov L. V. On the possibility of recognizing artificial intelligence as an independent subject of crime: in search of an answer to the question posed.....	90
--	----

MEMORIES

Maslov A. E. In memory of Comrade Associate Professor of the Criminal Law Department at VSU Alexander Vladimirovich Zavarzin.....	95
---	----

INFORMATION

Requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	100
---	-----

УДК 343.2

К 50-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Г. Кудрявцев, Г. Г. Белоконь
Воронежский государственный университет

DEDICATED TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL LAW DEPARTMENT OF VORONEZH STATE UNIVERSITY

A. G. Kudryavtsev, G. G. Belokon
Voronezh State University

Аннотация: представлен обзор Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовой запрет в меняющемся мире: направления трансформации и способы повышения эффективности», посвященной 50-летию кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, состоявшейся 11–12 октября 2024 г. на юридическом факультете ВГУ. Участниками мероприятия были представители научных школ известнейших юридических факультетов и вузов страны. Рассказывается об основных вехах истории кафедры-юбилера.

Ключевые слова: кафедра уголовного права, Воронежский государственный университет, уголовно-правовой запрет, конференция.

Abstract: an overview of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Criminal Law Prohibition in a changing world: directions of transformation and ways to increase efficiency», dedicated to the 50th anniversary of the University's Department of Criminal Law, held on October 11–12, 2024 at the Faculty of Law of Voronezh State University, is presented. The event was attended by representatives of scientific schools of the most famous law faculties and universities of the country. It tells about the main milestones in the history of the jubilee department.

Key words: Criminal Law Department, Voronezh State University, criminal law prohibition, conference.

На юридическом факультете Воронежского государственного университета (далее – ВГУ) 11 и 12 октября 2024 г. проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-правовой запрет в меняющемся мире: направления трансформации и способы повышения эффективности», посвященная 50-летию кафедры уголовного права университета. В юбилейном мероприятии участвовали представители научных школ известнейших юридических факультетов и вузов страны.

Кафедра уголовного права по праву относится к числу опорных на юридическом факультете ВГУ. И несмотря на то, что за время своего ста-

новления и развития она претерпевала различные преобразования и трансформации, кафедра неизменно оставалась одним из ведущих структурных подразделений юрфака главного вуза Черноземья, обеспечивая не только непрерывное осуществление учебного процесса на факультете, но и проведение научных исследований в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии.

История, или справедливее будет сказать предыстория, существующей в настоящее время кафедры ведет отсчет с начала 60-х гг. прошлого века. Уже в 1960–1961 гг., т. е. почти сразу же после возобновления в 1958 г. деятельности юридического факультета ВГУ, на базе его кафедры отраслевых правовых наук, являвшейся изначально одной из двух первых кафедр вновь заработавшего факультета, создаются кафедра

гражданского права и процесса и кафедры уголовного права, процесса и криминалистики. Заведующими последней в разные годы были известные ученые-юристы, доктора юридических наук, профессора *Владимир Евгеньевич Чугунов* (1923–1974) и *Геннадий Федорович Горский* (1934–1977)¹.

Более десяти лет летопись становления и развития не только прообраза отмечающей юбилей кафедры, но и всего юридического факультета ВГУ были связаны с именем *Виктора Васильевича Труфанова* (1924–1987), который возглавлял кафедру уголовного права, процесса и криминалистики с сентября 1967 по июнь 1974 г., активно работая над усилением ее кадрового состава. Именно это и обусловило создание в результате переименования ранее существовавшей кафедры в структуре ВГУ нового подразделения – кафедры уголовного и исправительного трудового права. Соответствующее положение содержалось в подп. 6.1 п. 6 приказа от 22 мая 1974 г. № 236 Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР «О структурных изменениях в высших заведениях Главного управления университетов, экономических и юридических вузов».

И уже с 24 июня 1974 г., после соблюдения всех необходимых формальных процедур, в ВГУ появилась кафедра, возглавляемая В. В. Труфановым, которая начала свою деятельность в формате отдельной научной специальности, обеспечивая реализацию учебного процесса для студентов уголовно-правовой специализации. С того самого далекого 1974 г. и по настоящее время кафедра проводит занятия по всем обязательным, базовым для студентов-юристов дисциплинам – «Уголовное право (общая и особенная части)», «Криминология», «Уголовно-ис-

полнительное право», а также по спецкурсам и дисциплинам по выбору, перечень которых расширяется в зависимости от изменений требований образовательных стандартов; именно с 1974 г. кафедра осуществляет руководство учебной и производственной практикой, а также прием государственного итогового экзамена у выпускников уголовно-правовой специализации (профилизации).

Отдавая дань уважения формально первому заведующему кафедрой-юбиларом в ее максимально близком профиле научной специальности наименованию, нельзя не упомянуть того факта, что В. В. Труфанов был участником Великой Отечественной войны, призванным в армию в 18-летнем возрасте. Воевали также В. В. Чугунов и работавшие на кафедре в разные годы кандидат юридических наук, доцент *Семен Иоганович Сирота* (во время войны – председатель трибунала корпуса и армии) и старший преподаватель *Дмитрий Николаевич Перов*. Память о них, настоящий герой, отстоявших нашу Родину в самый сложный для нее период истории, как и воспоминания о других сотрудниках факультета, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, коллектив кафедры и юридический факультет ВГУ бережно хранят.

Возвращаясь к исторической ретроспективе, отметим, что с 1979 по 1986 г. обязанности заведующего кафедрой уголовного и исправительного трудового права исполнял *Анатолий Петрович Кондусов* (1932–2009), начинавший свою трудовую деятельность в должности следователя прокуратуры Коминтерновского района г. Воронежа, но в 1974 г., уже будучи кандидатом юридических наук, принятый на работу на кафедру в качестве доцента.

В 1987 г. происходит очередное преобразование кафедры, вернувшее ее в определенном смысле к комплексному формату функционирования – на ее базе создается *кафедра уголовного права и криминалистики*, которую вплоть до 1994 г. возглавлял Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, доктор юридических наук, профессор *Олег Яковлевич Баев* (1941–2017). Выпускник юридического факультета ВГУ 1964 г., до поступления на работу в университет в 1973 г. О. Я. Баев работал следователем прокуратуры в Калужской и Воронежской областях. Свою научно-педагогическую

¹ Здесь и далее для краткого экскурса в историю кафедры уголовного права были использованы материалы, опубликованные в юбилейном издании, посвященном 100-летию юридического факультета ВГУ, где соответствующие сведения представлены максимально подробно, а также информация с официальной страницы кафедры уголовного права на сайте юридического факультета ВГУ: (См.: 100 лет юридическому факультету ВГУ: глубокие традиции, притягательность, основательность, признание / под ред. Ю. Н. Старилова; Воронежский государственный университет. Воронеж, 2022. С. 419–486; Официальная страница кафедры уголовного права юридического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ». URL: <http://www.law.vsu.ru/structure/crimlaw/index.html> (дата обращения: 12.10.2024).

деятельность Олег Яковлевич, известнейший ученый-криминалист, автор более 280 научных работ, начинал в качестве младшего научного сотрудника.

В 1994 г. кафедра уголовного права и криминалистики проходит новый этап реформирования: теперь она разделяется на два самостоятельных структурных подразделения, одним из которых и становится *кафедра уголовного права*, получившая свое нынешнее наименование и возобновившая работу в формате, в точности соответствующем профилю своей научной специальности, как это и было в период с 1974 до 1987 г. Новым заведующим кафедрой уголовного права становится Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор *Константин Александрович Панько* (1938–2004), возглавлявший ее вплоть до 2004 г.

К. А. Панько входил в число первых студентов возобновившего в 1958 г. свою образовательную деятельность юридического факультета ВГУ. После окончания обучения и вплоть до 1970 г. К. А. Панько работал народным судьей в суде Коминтерновского района г. Воронежа, а с 1970 г. он уже сотрудник юридического факультета ВГУ, сохранив верность которому до конца, прошел здесь свой жизненный и профессиональный путь. Сферу научных интересов К. А. Панько составляли проблемы общей части уголовного права, вопросы квалификации преступлений; он был автором более 70 научных публикаций и научно-методических работ. Вероятно, самое важное наследие для кафедры, которое оставил после себя К. А. Панько, – это его ученики, в разные годы подготовившие и защитившие диссертации под его руководством. Некоторые из них в настоящее время входят в состав преподавателей кафедры.

В новейшей истории кафедры-юбиляра ее заведующим с 2005 по 2020 г. являлся доктор юридических наук, профессор *Вадим Викторович Трухачев*, выпускник юридического факультета ВГУ 1985 г., в прошлом – прокурор отдела следственного управления прокуратуры Воронежской области, первоначально поступивший на работу в 1987 г. на кафедру тогда еще уголовного права и криминалистики; уже в 2001 г. В. В. Трухачев защитил докторскую диссертацию на тему «Преступное воздействие на доказательственную информацию».

Наконец, с 2020 г. и по настоящее время кафедрой уголовного права руководит еще один выпускник ВГУ, закончивший юридический факультет в 2000 г. – кандидат юридических наук, доцент *Андрей Геннадьевич Кудрявцев*, при этом возглавляемый им профессорско-преподавательский состав кафедры – это настоящие единомышленники, в разное время связанные с кафедрой свою профессиональную деятельность и теперь обеспечивающие ее поступательное развитие, пользующиеся заслуженным уважением коллег по факультету и искренней любовью студентов, с неподдельным интересом занимающихся уголовно-правовой наукой. Активность и увлеченность последних в исследовании актуальных проблем общей и особенной частей уголовного права, живой интерес в изучении самых разнообразных вопросов криминологии и положений уголовно-исполнительного права – все это и позволяет кафедре с уверенностью смотреть в будущее. И молодому поколению есть на кого равняться! Поэтому, завершая краткий исторический экскурс в прошлое нашей кафедры и ее предшественницы – кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, – хочется вспомнить наших легендарных коллег, в том числе уже ушедших от нас.

Так, в первые годы деятельности кафедры уголовного права, процесса и криминалистики в ее составе непродолжительное время работал крупный специалист в области уголовного права профессор *Николай Николаевич Паше-Озерский* (1889–1962), преподававший в Воронеже с 1959 г. Выпускник юридического факультета Киевского университета (1911), а в последующем и его профессор, он затем работал ректором, заведующим кафедрой, профессором Львовского университета, а до переезда в Воронеж – профессором Ростовского государственного университета.

На кафедре уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ в период с 1960 по 1963 г. начинал свою научную, а затем и трудовую деятельность Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, доктор юридических наук, профессор *Эдуард Филиппович Побегайло* (1937–2022), никогда не обрывавший научных и личных связей с кафедрой-юбиляром.

Долгое время на кафедре также работал *Владимир Михайлович Тарарыкин* (1946–2009). Выпускник юридического факультета ВГУ 1972 г., перед поступлением на кафедру В. М. Тарарыкин в течение трех лет работал следователем прокуратуры района г. Воронежа, а с 1975 г. его жизнь была неразрывно связана с кафедрой-юбиларом, где работал сначала преподавателем, затем старшим преподавателем.

Нельзя не отметить, что за последние два года скорбный список ушедших преподавателей кафедры пополнили кандидаты наук, доценты *Иван Семенович Ретюнских* (1937–2023) и *Александр Владимирович Заварзин* (1946–2024).

И. С. Ретюнских проработал на кафедре уголовного права более 40 лет. Выпускник первого набора студентов дневного отделения юридического факультета ВГУ 1959 г., И. С. Ретюнских с 1964 по 1970 г. работал следователем, а затем прокурором следственного отдела прокуратуры Липецкой области. В 1970 г. И. С. Ретюнских поступил в аспирантуру по кафедре уголовного права, процесса и криминалистики, а с 1973 по 2012 г. прошел путь от преподавателя до доцента кафедры; в 2004 г. И. С. Ретюнских некоторое время исполнял обязанности заведующего кафедрой.

С Воронежским госуниверситетом и кафедрой уголовного права была связана вся трудовая жизнь и А. В. Заварзина. Сразу после окончания юридического факультета ВГУ в 1971 г. А. В. Заварзин более 50 лет работал здесь, пройдя путь от научного сотрудника криминалогической лаборатории до доцента кафедры уголовного права.

Продолжительное время на кафедре работала кандидат юридических наук, доцент *Долгова Наталья Леонидовна*, которая почти сразу после окончания юридического факультета ВГУ в 1975 г. начала здесь свою трудовую деятельность в качестве старшего лаборанта кафедры уголовного и исправительно-трудового права. Затем с 1983 г. и вплоть до осени 2016 г. Н. Л. Долгова работала на кафедре сначала в качестве преподавателя, затем – доцента, активно занимаясь исследованием проблем криминологии.

Заочное участие в работе конференции принял сохраняющие теплые отношения с кафедрой уголовного права и юридическим факультетом ВГУ его выпускник 1972 г., еще один легендарный преподаватель кафедры-юбилара, работав-

ший здесь именно в этом качестве в период с 1975 по 1981 г., доктор юридических наук, профессор *Сергей Федорович Милюков*, защитивший свою кандидатскую диссертацию в 1980 г. под руководством В. В. Труфанова.

Информацию о действующем профессорско-преподавательском составе кафедры, сфере научных интересов преподавателей, направлениях научного поиска, мероприятиях, реализуемых кафедрой уголовного права ВГУ, а также дополнительные сведения из истории кафедры, можно найти на ее странице в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: <http://www.law.vsu.ru/structure/crimlaw/index.html>.

Состоявшаяся 11 и 12 октября 2024 г. Всероссийская научно-практическая конференция является важной слагаемой успеха в развитии научного потенциала кафедры. Это мероприятие позволило в рамках научной дискуссии обсудить ряд актуальных проблем современного уголовного права и послужила площадкой для укрепления связей с сильнейшими научными школами страны.

Первый день конференции проходил в актовом зале юридического факультета ВГУ. Открывая работу конференции 11 октября 2024 г., с приветственным словом к ее участникам обратился проректор по науке, инновациям и цифровизации ВГУ, доктор физико-математических наук, доцент *Дмитрий Владимирович Костин*. Поздравляя коллектив кафедры-юбилара и весь юридический факультет с прекрасным праздником, Д. В. Костин говорил о чрезвычайно значимой роли, которую кафедра уголовного права, являющаяся одной из старейших на факультете, играет и сегодня в процессе подготовки высококвалифицированных юридических кадров для Воронежского региона и страны в целом.

Далее теплые слова в адрес преподавателей кафедры прозвучали от декана юридического факультета ВГУ, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации *Юрия Николаевича Старилова*, говорившего о действительно важном ее значении для всего факультета, значении во многом структурообразующим, так как кафедра является выпускающей. При этом заявленные в обширной программе конференции проблемы, предлагавшиеся ее участниками для обсуждения на научном мероприятии, были охарактеризованы

Ю. Н. Стариковым как чрезвычайно актуальные для современной уголовно-правовой науки и правоприменительной практики.

Об истории создания кафедры, ее традициях, учителях-основателях, о современном кадровом составе и его научном потенциале говорил заведующий кафедрой уголовного права, кандидат юридических наук, доцент *Андрей Геннадьевич Кудрявцев*. Было отмечено, что преподаватели кафедры реализуют важнейшие для будущего юриста базовые и специальные дисциплины по всем образовательным программам, на всех направлениях и уровнях подготовки.

Особые слова благодарности звучали в ходе приветственных выступлений в адрес многочисленных участников – гостей нашего университета, которые нашли возможность поздравить кафедру-юбилера лично. Им и всем участникам научно-практической конференции выступавшие на ее открытии пожелали плодотворной и интересной работы.

В ходе работы конференции состоялись выступления с пленарными докладами, первым из которых был доклад профессора департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктора юридических наук, доцента *Сергея Александровича Маркунцова* на тему «*Изменяемость уголовно-правовых запретов в контексте современных уголовно-политических решений*». В докладе были развернуто охарактеризованы актуальные основания корректировки уголовно-правовых норм (запретов).

С докладом на важнейшую для текущей ситуации проблему – «*Военные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания*» – выступил профессор кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук *Алексей Григорьевич Кибальник*. Присутствующим напомнили об истории появления соответствующих норм и корректировке первоначального подхода законодателя к регламентации анализируемых оснований освобождения.

Декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор *Светлана Викторовна Шевелева* в своем докладе «*Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту алко-*

гольной продукции» коснулась проблем охраны соответствующей сферы от преступных посягательств, а также сложностей, возникающих при квалификации совершаемых деяний.

Особый интерес у присутствовавших вызвало выступление на тему «*Санкции норм УК РФ с административной преюдицией в аспекте достижения целей уголовного наказания*» доцента кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова *Виктора Вячеславовича Степанова*. В качестве подарка кафедре-юбилеру В. В. Степанов передал интереснейшие издания с результатами кропотливой работы своих коллег по специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, завершенной в декабре 2022 г. (научным редактором всех книг выступил известнейший специалист в области уголовно-исполнительного права страны – профессор Вячеслав Иванович Селиверстов).

Поздравительный адрес от коллектива ученых Ярославской уголовно-правовой школы с подписью ректора Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктора юридических наук, профессора *Артема Владимировича Иванчина* был зачитан заместителем декана юридического факультета вуза, кандидатом юридических наук, доцентом *Ольгой Евгеньевной Спиридоновой*, выступившей также с докладом на тему «*Пропаганда нацистской символики в разрезе уголовной и административной ответственности*».

Вопросам сущности уголовно-правового запрета и особенностям его восприятия был посвящен доклад заместителя заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева, кандидата юридических наук, доцента *Даниила Викторовича Мирошниченко* на тему «*Символизм уголовного права*».

Необходимо отметить также выступления доцента кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидата юридических наук, доцента *Максима Викторовича Феоктистова* на тему «*Уголовное право в цифровом измерении*» и доцента кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Пятигорского института (филиала) Северо-Кав-

казского федерального университета, кандидата юридических наук, доцента *Константина Вячеславовича Чемеринского*, выступившего с докладом на тему «*Криминализация (декриминализация) в предписаниях Общей части Уголовного кодекса РФ: пределы проблемы*». Докладчики коснулись важных вопросов теории и практики уголовно-правовой охраны общественных отношений на современном этапе развития общества и уровня законодательной техники.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент *Анна Михайловна Разогреева* в рамках своего доклада «*Признание вины и его учет при назначении наказания в судебной практике*» поделилась своим видением проблемы, коснувшись в выступлении не только материально-правовых, но и процессуальных ее аспектов.

Острая научная дискуссия развернулась после доклада на тему «*Субъект преступления в XXI веке: в поиске ответов на предстоящие метаморфозы*», с которым выступил один из представителей кафедры-юбиляра, кандидат юридических наук, доцент *Леонид Вячеславович Любимов*. Доклад был посвящен проблеме, интерес к которой возрастает на фоне внедрения в нашу жизнь искусственного интеллекта, текущих и ожидаемых успехов в сфере медицины, генетики.

Возможность выступить с трибуны конференции была предоставлена также представителям всех юридических вузов Воронежа. Так, например, с докладом на тему «*Особенности применения уголовного законодательства на территории новых субъектов РФ*» выступила старший преподаватель Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук *Маргарита Юрьевна Пучнина*.

Завершили работу первого дня конференции доклады, посвященные актуальным проблемам ответственности за экономические преступления. Так, заведующая кафедрой финансового права ВГУ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России *Марина Валентиновна Сенцова (Карасева)* выступила на тему «*Квалификация преступлений при незаконном возмещении НДС из бюджета: ст. 159, 198, 199 УК РФ*», а доклад заведующего кафедрой международного и евразийского права ВГУ, доктора юридических наук, профессора *Павла Николаевича Бирюкова* был по теме «*Не-*

которые виды мошенничеств в сфере виртуальных активов».

Не ограничиваясь сугубо научными сообщениями, все перечисленные участники и другие выступавшие желали кафедре-юбиляру и ее сотрудникам процветания, достижения новых научных и педагогических вершин, талантливых студентов, успеха во всех начинаниях.

На второй день научно-практической конференции ее работа продолжилась в формате обмена мнениями и общей дискуссии по теме «*Уголовное право России в периоды исторических вызовов для страны*». Дискуссионная площадка была реализована в рамках выездного заседания конференции, совмещенного с экскурсией по дворцу и территории парка великолепного архитектурного памятника Воронежского региона – дворцового комплекса Ольденбургских (рабочий поселок Рамонь Воронежской области).

В общей сложности в качестве участников научно-практической конференции зарегистрировались более 80 ученых, как известнейших метров – исследователей проблем различных отраслевых наук и в первую очередь наук уголовно-правового цикла, так и аспирантов, только начинающих свой научный путь. Участники состоявшегося мероприятия – очные и заочные – представляли 31 вуз, включая федеральные, государственные, ведомственные университеты и институты и их филиалы, а также судебные органы и органы прокуратуры из 19 регионов нашей страны. Часть прозвучавших на конференции пленарных докладов и ряд докладов заочных участников в виде подготовленных научных статей составили содержание данного номера журнала «Публично-правовое обозрение», редакция которого любезно согласилась посвятить его отдельный номер прошедшему 50-летию юбилею кафедры уголовного права ВГУ.

Коллектив кафедры-юбиляра искренне благодарит всех участников и гостей конференции за активное участие и надеется на продолжение научного сотрудничества!

Библиографический список:

100 лет юридическому факультету ВГУ : глубокие традиции, притягательность, основательность, признание / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. 622 с.

Воронежский государственный университет
Кудрявцев А. Г., кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой уголовного права
E-mail: kudryavtsev@law.vsu.ru

Белоконь Г. Г., старший преподаватель кафе-
дры уголовного права
E-mail: belokon@law.vsu.ru

Voronezh State University
Kudryavtsev A. G., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of Criminal Law Department
e-mail: kudryavtsev@law.vsu.ru

Belokon G. G., Senior Lecturer of Criminal Law
Department
e-mail: belokon@law.vsu.ru

УДК 343.2/.7

ИЗМЕНЯЕМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

С. А. Маркунцов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

THE MODIFIABILITY OF CRIMINAL LAW PROHIBITIONS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CRIMINAL-POLICAL DECISIONS

S. A. Markuntsov

*National Research University
Higher School of Economics*

Аннотация: выделены общие подходы к определению понятия уголовно-правового запрета, обоснована целесообразность использования указанного понятия в одном из его значений в контексте характеристики современной уголовно-правовой политики. Даны определения уголовно-политических и уголовно-правовых решений, обоснована их взаимосвязь, предложен достаточно детальный анализ изменяемости уголовно-правовых запретов как по количественным, так и по качественным (содержательным) аспектам.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, уровни действия уголовно-правового запрета, уголовно-политическое решение, уголовно-правовое решение, изменяемость уголовно-правовых запретов.

Abstract: general approaches to the definition of the concept of a criminal law prohibition are highlighted, and the expediency of using this concept in one of its meanings in the context of the characteristics of modern criminal law policy is substantiated. Definitions of criminal policy and criminal law decisions are given, their interrelation is substantiated, and a fairly detailed analysis of the variability of criminal law prohibitions is proposed, both in quantitative and qualitative (substantive) aspects.

Key words: criminal-legal prohibition, levels of action of criminal-legal prohibition, criminal-political decision, criminal-legal decision, changeability of criminal-legal prohibitions.

Понятие «уголовно-правовой запрет» в специальной научной и учебной уголовно-правовой литературе зачастую используется в различных значениях. В доктрине уголовного права категория «уголовно-правовой запрет» применяется в качестве метода (средства) уголовно-правового регулирования, типичной уголовно-правовой нормы («нормы-запрета») или уголовно-правового предписания, основного средства криминализации. В настоящее время соответствующая

категория активно употребляется в научном дискурсе, при этом лишь немногие авторы предлагают определение понятия «уголовно-правовой запрет». Такая смысловая полифония данного понятия «с одной стороны, объясняется тем, что даже в теории права однозначно сущность запретов не определена, с другой стороны, отсутствием комплексного исследования данной проблемы в контексте уголовного права»¹. Понятие уголовно-правового запрета является многоаспектным, и в настоящее время оно про-

© Маркунцов С. А., 2025

¹ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография. М., 2015. С. 33.

должает неоднозначно восприниматься учеными как в уголовном праве, так и в криминологии, часто в него вкладывается различное смысловое значение. Ученые-криминологи либо отказываются от понятия запрета, полагая, что преступление существует как таковое независимо от «договоренности о запрете»², либо рассматривают уголовно-правовой запрет значимым криминогенным (девиантогенным) фактором, который порождает многочисленные «теневые» последствия, расширяет поле коррупции, организованной и экономической преступности³, либо пытаются определить его по существу с уголовно-правовых позиций, указывая, что «наиболее общим критерием качества для всех преступных проявлений может служить следующее: социально обусловленное, но в то же время виновное нарушение уголовно-правового запрета, представляющее собой наивысшую степень общественной опасности по сравнению с иными негативными социальными отклонениями»⁴.

В доктрине уголовного права активно используются устоявшиеся понятия преступления, состава преступления, противоправности (уголовной противоправности), запрещающей уголовно-правовой нормы и др. Вследствие этого некоторым ученым может показаться, что введение понятия «уголовно-правовой запрет» будет излишним, отчасти дублирующим. В свое время проведенный нами социологический опрос среди лиц, имеющих ученую степень доктора или кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» (всего 119 респондентов)⁵, выявил неоднозначное понимание категории «уголовно-правовой запрет». На вопрос «К какому понятию ближе термин “уголовно-правовой запрет?”» примерно 38 % респондентов, в том числе немногим

более половины всех опрошенных докторов юридических наук, указали, что к категории «запрещающая уголовно-правовая норма Особенной части УК», еще примерно 12 % – к «диспозиции этой запрещающей уголовно-правовой нормы». Примерно 23 % респондентов ответили, что термин ближе к категории «предписание уголовного закона»; около 5 % указали, что к понятию «юридическая конструкция»; 2 % – к понятию «состав преступления». Около 5 % респондентов выбрали несколько вариантов ответа из числа предложенных (в частности были сочетания: запрещающая уголовно-правовая норма Особенной части УК и диспозиция этой нормы; запрещающая уголовно-правовая норма Особенной части УК и предписание уголовного закона; один респондент, выбрав вариант «юридическая конструкция», также указал дополнительно все другие варианты из перечисленных). Примерно 15 % респондентов выбрали иной вариант ответа. Несколько респондентов указали, что уголовно-правовой запрет – это метод или способ уголовно-правового регулирования, один доктор и один кандидат юридических наук обозначили его как «запрещающую уголовно-правовую норму», уточнив, что норм в частях УК нет и «уголовно-правовая норма об ответственности за конкретное преступление» соответственно (отметим, что данный ответ в целом близок к первому варианту ответа). Среди наиболее интересных иных ответов были пояснения о том, что уголовно-правовой запрет – это «мера, определяющая границу между дозволенным и недозволенным поведением», «одна из форм выражения воли законодателя», «уголовно-политическое понятие, охватывающее описание запрещенного поведения и предусмотренность наказания за его совершение» и др.

Нам представляется, что использование понятия уголовно-правового запрета позволит во многом по-новому взглянуть на некоторые институты уголовного права и, очевидно, обогатить уголовно-правовую теорию.

Уголовно-правовой запрет имеет двойственную социально-правовую природу. С одной стороны (в первом значении), это формальное государственно-властное веление нормативного характера, содержащее обязанность лица не совершать (воздержаться от совершения) общественно опасного деяния, признаваемого уголовным законом противоправным, которое,

² Подробнее об этом см.: Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011. С. 8–19.

³ Подробнее об этом см.: Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009. С. 37–44.

⁴ Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 57, 79.

⁵ См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: монография. С. 457–467. Среди респондентов примерно 30 % – доктора юридических наук и около 70 % – кандидаты юридических наук по указанной специальности.

будучи воспринятым адресатами как «отрицательная обязанность», интерпретирует общественные отношения сквозь призму механизма уголовно-правового воздействия. С другой стороны (во втором значении), это нормативно-правовое предписание, законодательная конструкция, закрепляющая все возможные варианты (модели) преступного поведения, признаваемого в соответствии с уголовным законодательством противоправным в конкретно-исторический период, являющееся элементарной, самостоятельной, цельной, логически завершённой ячейкой в контексте уголовного права⁶.

Относительно недавно Н. Т. Идрисов, давая оценку предложенным определениям, отметил, что «по сути, автор сводит данный правовой феномен к нормативному явлению, которое непосредственно связано с текстом законодательного акта... определение уголовно-правового запрета только через призму его нормативности раскрывает данное явление лишь с одной стороны, сужает его функциональность, не раскрывает природы данного явления»⁷. Основной вывод, к которому приходит Н. Т. Идрисов, это то, что один из уровней действия уголовно-правового запрета в наименовании автора – индивидуальный (хотя и это, судя по ссылкам автора, нельзя считать чем-то новым): «...индивидуальный уровень уголовно-правового запрета не является единственным уровнем механизма уголовно-правового запрета. Предполагается, что при недостижении целей механизм уголовно-правового запрета прибегает к его публичному уровню, который гармонично сочетается с индивидуальным уровнем. Оба уровня располагают разным инструментарием одного правового явления – уголовно-правового запрета»⁸.

Безусловно радует, что категория уголовно-правового запрета не только стала активно использоваться в научном сообществе, но и предложенные нами соответствующие сугубо теоретические, доктринальные разработки являются востребованными. Вместе с тем представляется не вполне корректным дискутировать о столь

глобальных материях, ссылаясь на автореферат диссертации, хотя даже в нем нами было отмечено, что «система функций уголовно-правового запрета обусловлена спецификой его правовой природы как сложного социально-правового феномена. Уголовно-правовой запрет выполняет различные функции на разных уровнях действия уголовного права. Первая группа его функций отражает *информативное и ценностно-ориентационное действие права* (курсив наш. – С. М.), хотя полностью к нему не сводится. Она связана с его действием в качестве элемента *объективного права на психическом (идейно-мотивационном) уровне, и с пониманием его как “отрицательной обязанности”* (курсив наш. – С. М.), то есть на уровне субъективного права, а также с пониманием запрета как метода правового регулирования в контексте наиболее ценных для личности, общества и государства общественных отношений... Вторая группа функций уголовно-правового запрета отражает его институциональную составляющую...»⁹. Даже исходя из предложенных групп функций очевидно, что ни о какой ограниченности функциональности уголовно-правового запрета речи не идет, тем более что автор статьи вообще не предлагает систему функций феномена уголовно-правового запрета. Тот факт, что в силу объективных причин (ограниченности рекомендуемого объема квалификационных работ) нами действительно не был детально исследован механизм действия уголовно-правового запрета на психическом (идейно-мотивационном) уровне (прежде всего с позиции индивида, воспринимающего этот запрет, на чем по всей видимости настаивает Н. Т. Идрисов), вовсе не свидетельствует о сужении нами его функциональности и тем более о нераскрытии природы данного явления.

Представляется, что наличие уровня восприятия уголовно-правового запрета, как бы мы его ни называли («индивидуального уровня механизма уголовно-правового запрета» – в формулировке Н. Т. Идрисова), для нас, как для человека, защитившего кандидатскую диссертацию на тему «Осознание уголовно-правового запрета в структуре уголовной ответственности

⁶ См.: Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 11–12.

⁷ Идрисов Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 76.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : автореф. ... С. 18–19.

несовершеннолетних»¹⁰, это в сущности истина, не требующая глобальных доказательств, тем более освещения этого факта («автором обосновывается существование (курсив наш. – С. М.) индивидуального уровня механизма уголовно-правового запрета»¹¹) в рамках отдельной публикации и, по всей видимости не одной. Однако рассмотрение этого уровня в рамках науки уголовного права должно происходить, на наш взгляд, прежде всего и главным образом с позиции актора (создателя) уголовно-правового запрета, т. е. государства (даже этот аспект указанного уровня действия уголовно-правового запрета в науке не исследован надлежащим образом, здесь еще много интересных проблем и «подводных камней», в том числе, например «фикция среднего человека» и др.). Рассмотрение указанного уровня действия уголовно-правового запрета исключительно и только с позиции адресатов запрета, их восприятия (идеализация такого подхода) как минимум представляется не вполне целесообразным – в таком случае мы местами откровенно выходим за пределы уголовного права и криминологии.

В этом смысле в контексте данной публикации уголовно-правовой запрет будет рассматриваться нами во втором его значении – в качестве нормативно-правового предписания. Даже в этом значении уголовно-правовой запрет проявляется прежде всего на уровне реального функционирования права и рассматривается как с точки зрения догматики уголовного права, так и с позиции социологии уголовного права и уголовной политологии.

Исследование уголовно-правовых запретов с позиции уголовной политологии является не менее перспективным, чем с позиции социологии уголовного права, а исходя из утверждения о том, что «уголовно-правовой запрет – это уголовно-политическое понятие», возможно, и более перспективным. По мнению А. Э. Жалинского, «уголовная политология исходно рассматривается как отрасль знаний, отражающая уголовную политику; она понимается как результат преобразования общей политологии и смежных с нею наук в правовую дисциплину,

развиваемую в нуждах разграничения преступного и не преступного поведений и борьбы с преступностью. Уголовная политология должна исследовать уголовную политику как процесс, ее формирование, влияние и как некоторый постоянно меняющийся результат политических процессов...»¹².

В контексте характеристики механизма принятия решений в сфере уголовно-правовой (уголовной) политики А. Э. Жалинский предложил ввести категорию уголовно-политического решения. О механизме принятия решений в сфере уголовной политики и необходимости оценки уголовно-правовой ситуации в этом процессе в настоящее время пишут даже в учебниках¹³. Собственно категория «уголовно-политическое решение» употребляется не часто, и при этом не вполне очевидно ее содержательное наполнение¹⁴. Тогда как более оправданным с позиции характеристики механизма реализации определенных уголовно-политических решений видится их отграничение от решений уголовно-правовых, посредством которых они и претворяются в жизнь. В обозначенном контексте А. Э. Жалинский писал о том, что «уголовно-политические решения принимаются и должны приниматься в системе иных политических решений, в структуре социальной политики... особенность взаимодействия политики и права определяется тем, что правовые решения по форме отличаются от политических. Общество вынуждено передавать профессионалам технико-юридическую разработку уголовного законодательства, предрешив на политическом уровне требования к его легитимности, справедливости

¹² Жалинский А. Э. Уголовная политология : становление и развитие // Избранные труды : в 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А. Э. Жалинский ; отв. ред. О. Л. Дубовик. М., 2015. С. 8.

¹³ См. например: Ревин В. П., Жариков Ю. С., Ревина В. В. Уголовная политика : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2024. С. 56–59.

¹⁴ Так, в частности Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов, К. А. Цай в Дорожной карте уголовной политики (2017–2025 гг.) среди прочего дважды используют словосочетание «законодательные (курсив наш. – С. М.) уголовно-политические решения». (См.: Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М., 2017. С. 26). Как представляется, в данном случае авторы не разграничивают собственно уголовно-политические и уголовно-правовые решения.

¹⁰ Маркунцов С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних.

¹¹ Идрисов Н. Т. Указ. соч. С. 74.

и эффективности и распределив компетенции...»¹⁵. В этом смысле представляется, что уголовно-политическое решение – это государственно-властное веление (позиция), в своей основе отражающее определенное направление уголовно-правовой политики. Уголовно-политические решения реализуются путем их юридизации, посредством принятия определенного (но чаще всего нескольких) уголовно-правового решения. Уголовно-правовые решения можно классифицировать в зависимости от реализуемых методов уголовно-правовой политики, применяемых в контексте его воплощения в жизнь. Исходя из понимания того, что криминализация – базовый метод уголовно-правовой политики, то принятие уголовно-правового запрета – одно из простейших базовых уголовно-правовых решений. Одно уголовно-политическое решение может реализовываться как посредством одно-, так и разнородных решений. В то же время отнюдь не каждое уголовно-правовое решение является выражением определенного уголовно-политического решения. Не все уголовно-правовые решения обязательно отражают содержание решения уголовно-политического, некоторые из них носят уточняющий, юридикто-технический характер.

Возникает вопрос, как соотносятся уголовно-политические и уголовно-правовые решения. При самом общем подходе представляется, что это соотношение может быть следующим:

1) одно уголовно-правовое решение является отражением одного уголовно-политического решения (это идеальный вариант);

2) одно уголовно-политическое решение выражается в нескольких уголовно-правовых, но носящих пакетный характер (например, поправка № 12, вносящая изменения в Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР), направлена на усиление противодействия коррупции, что проявилось в частности в распространении действия положений ст. 165 (злоупотребление служебным положением) и ст. 166 (кумовство) на должностных лиц организаций частного сектора¹⁶, отметим, что за по-

следние несколько лет это первое изменение в данной сфере);

3) одно уголовно-политическое решение выражается в нескольких уголовно-правовых, «растянутых» во времени (например, решение о «повышении» уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств при наличии квалифицирующего признака – совершения деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения. Усиление ответственности за нарушение правил дорожного движения, как представляется, реализовывалось до современного, относительно идеального состояния на протяжении более десяти лет начиная с Федерального закона от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации», в пояснительной записке к которому как раз была озвучена суть уголовно-политического решения об «усилении уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств водителями, находящимися в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения»¹⁷, заканчивая изменениями, внесенными в ст. 264 УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹⁸). Подобных решений у нас, к сожалению, достаточно.

Следует иметь в виду, что по мере реализации содержание уголовно-политического решения может трансформироваться, расширяясь или сужаясь.

Оперируя понятием «уголовно-правовой запрет», можно наглядно проиллюстрировать тенденции криминализации или декриминализации в рамках современной уголовно-правовой политики. Вместе с тем динамика изменчивости российского уголовного закона такова, что представить актуальную характеристику его новеллизации является крайне сложной задачей и в

¹⁷ Абзац 2 Пояснительной записки к Проекту федерального закона № 93181-5 «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/93181-5> (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁸ Подробнее об этом см.: Маркунцов С. А. Транспортные преступления : правовое регулирование, понятие, система и юридический анализ : учеб. пособие. М., 2024. С. 53–56.

¹⁵ Жалинский А. Э. Уголовная политология... С. 8, 15.

¹⁶ Антикоррупционный портал Высшей школы экономики. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_kitae_vneseny_popravki_v_ugolovnyy_kodeks (дата обращения: 18.11.2024).

определенном смысле даже бесперспективной в силу того, что этот процесс носит перманентный характер.

Представляется, что изменяемость (новеллизация) уголовного закона должна определяться по нескольким параметрам.

По состоянию на сегодняшний день в УК РФ изменения и дополнения были внесены 323 вступившими в силу федеральными законами (по годам: 1998 г. – 2; 1999 г. – 7; 2001 г. – 8; 2002 г. – 8; 2003 г. – 7; 2004 г. – 5; 2005 г. – 2; 2006 г. – 4; 2007 г. – 10; 2008 г. – 8; 2009 г. – 13; 2010 г. – 22; 2011 г. – 12; 2012 г. – 14; 2013 г. – 22; 2014 г. – 25; 2015 г. – 15, 2016 г. – 14, 2017 г. – 16; 2018 г. – 19; 2019 г. – 14; 2020 г. – 14, 2021 г. – 15, 2022 г. – 15, 2023 г. – 19, 2024 – 13¹⁹).

Интересно, что за первую половину срока действия УК РФ (первые 14 лет) изменения и дополнения в него были внесены 96 федеральными законами, что составляет 29 % от всех законов, которыми изменялись нормы УК РФ, а за вторую половину срока действия УК РФ (вторые неполные 14 лет) – 229 законами, что составило примерно 71 % от указанного числа законов.

На сегодняшний день 7 из 323 федеральных законов предусматривали введение новых статей Общей части УК РФ (ими было введено 14 новых статей: ст. 53.1, 63.1, 72.1, 76.1, 76.2, 78.1, 80.1, 80.2, 82.1, 104.1–104.5 (последние пять статей объединены в УК РФ в рамках двух новых глав – 15.1 «Конфискация имущества» и 15.2 «Судебный штраф»)). При этом исключено из Общей части УК РФ всего 3 статьи (ст. 16, 52 и 77).

Из 323 федеральных законов 98 (или 31 %) предусматривали введение новых статей Особенной части УК РФ, т. е. введение новых уголовно-правовых запретов. Таким образом, на сегодняшний день Особенная часть УК РФ дополнилась 152 новыми статьями, увеличившись почти на 60 % (исходя из того, что изначально Особенная часть УК РФ содержала 256 статей), тогда как исключено из нее было всего 12 статей (или примерно 4,7 %). Интересно, что за первую половину срока (первые 14 лет) Особенная часть

УК РФ была дополнена всего 34 новыми статьями (или примерно 22 % от их общего числа), а за вторую половину срока действия УК РФ (неполные вторые 14 лет) – 118 новыми статьями, что составило около 78 % от их общего числа.

Применительно к Особенной части УК РФ максимальное в относительном выражении количество новых статей (т. е. по сравнению с общим числом статей, изначально содержащихся в соответствующем разделе УК РФ) было введено в раздел VIII «Преступления в сфере экономики» – 44 статьи (или примерно 94 %) (в первоначальной редакции раздел содержал 47 статей). Максимальное в абсолютном выражении количество новых статей было введено в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ – 48 (или около 69 %) (в первоначальной редакции раздел включал 70 статей). Раздел X «Преступления против государственной власти» дополнился 38 статьями, увеличившись примерно на 68 % (раздел изначально содержал 56 статей).

В целом на сегодняшний день общее количество статей УК РФ увеличилось на 151 и составило 511 статей вместо 360 статей в его первоначальной редакции, т. е. абсолютный прирост составил примерно 42 %. Количество формально-юридических запретов, содержащихся в Особенной части УК РФ, определяемых по количеству санкционных предписаний (составов преступлений), выросло на сегодняшний день с 531 до 1024, т. е. почти на 93 %.

Масштабы изменяемости уголовно-правовых запретов действительно впечатляют. На сегодняшний день, как указывалось выше, изменения и дополнения в УК РФ внесены 323 федеральными законами, тогда как в УК КНР – только 12 поправками (законами). За последние неполные 5 лет (начиная с 2020 г.) изменения были внесены в УК РФ – 76 федеральными законами, а в УК КНР – только двумя поправками (Поправка № 11 принята 26 декабря 2020 г., введена в действие с 1 марта 2021 г., Поправка № 12 принята 29 декабря 2023 г., вступила в действие 1 марта 2024 г.). При этом еще больше удивляет и содержательный аспект соответствующих изменений.

Анализ Поправки № 11 позволяет четко выделить следующие направления уголовно-правовых изменений (уголовно-правовой политики):

¹⁹ Расчеты произведены с учетом Федерального закона от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ. (О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 46. Ст. 6912).

1) усиление защиты несовершеннолетних (в частности увеличено наказание за изнасилование малолетней в возрасте до 10 лет; криминализовано совершение лицом полового сношения с девушкой-подростком, находящейся в зависимом положении от виновного; признаны преступными публичные развратные действия и др.);

2) усиление противодействия преступлениям, угрожающим общественной безопасности и безопасности производства (например, введена ответственность за сбрасывание предметов с высоты, за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств; ряд статей дополнен квалифицирующими признаками);

3) криминализация деяний, нарушающих порядок осуществления финансовой деятельности (например, преступными признаны организация и склонение акционером, фактическим владельцем акций к мошенничеству при эмиссии ценных бумаг; разглашение важной информации фактическим владельцем акций в нарушение установленных требований и др.);

4) совершенствование регулирования о наказании за преступления в сфере оборота пищевых и лекарственных средств (в частности криминализовано незаконное предоставление поддельных или некачественных лекарств);

5) укрепление уголовно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности (в большей степени затронуты санкции соответствующих статей и внесены редакционные уточнения);

6) усиление уголовно-правовой защиты здоровья населения в целях профилактики и борьбы с эпидемиями, усиление обеспечения генетической безопасности человечества (например, предусмотрена уголовная ответственность за незаконное изменение человеческих геномов, клонирование эмбрионов и др.);

7) повышение уровня охраны окружающей природной среды (например, криминализованы предоставление ложных сведений о состоянии окружающей среды, разрушение национальных парков и национальных заповедников и др.). Такие направления четко выделяют как отечественные ученые (в частности А. И. Коробеев, А. И. Чучаев²⁰), так и китайские (напри-

мер, Пан Дунмэй²¹). Так, Пан Дунмэй отмечает, что иные изменения уголовного закона, отвечающие современным потребностям общества, также внесенные в соответствии с Поправкой № 11, сложно четко отнести к какой-либо тенденции уголовно-правовой политики КНР. В частности криминализованы, например, «Самозванство» (ст. 280.2 УК КНР), «Оскорбление, клевета на героев, мучеников» (ст. 299.1 УК КНР) и др.²²

Поправка № 12, как указывалось выше, была направлена только на усиление противодействия коррупции.

Таким образом, анализ положений указанных поправок позволяет прийти к выводу о том, что по своему содержанию уголовно-правовая политика Китая последних лет была направлена на решения наиболее острых, беспокоящих китайское общество внутренних проблем, таких как:

- уголовно-правовая охрана детства;
- усиление противодействия рядом негативных проявлений против экономики – в сфере интеллектуальной собственности и связанных с финансовым (фондовым) рынком;
- ряд проблем в сфере общественной безопасности, в частности безопасности производства, оборота лекарственных средств, профилактики и борьбы с эпидемиями, обеспечения генетической безопасности человечества, в сфере охраны окружающей природной среды;
- противодействие коррупции.

Для сравнения в России за этот же период изменения происходили по следующим направлениям: в сфере назначения наказаний, иных мер уголовно-правового характера (6 раз); противодействия деятельности иностранных агентов, нежелательных организаций (также 6 раз); налогообложения (таможенных сборов) (5); оборота оружия (5); освобождения от уголовной ответственности или наказания (4); транспортной безопасности (4); дискредитации Вооруженных сил РФ (4); условно-досрочного ос-

гион : экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192.

²¹ Подробнее см.: Пан Дунмэй. Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае : обзор изменений китайского уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 115–123.

²² Там же. С. 122–123.

²⁰ Подробнее см.: Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс Китая : сплав правовой мысли и национальной специфики. Часть 2 // Азиатско-Тихоокеанский ре-

вобождения (3); охраны здоровья (3); отношений собственности (3); кредитования (3); противодействия коррупции (3); охраны правосудия, в том числе защиты лиц, осуществляющих правосудие (3); обеспечения мира и безопасности человечества (3); половой свободы (2); охраны несовершеннолетних (2); уплаты алиментов (2); маркировки товаров (2); финансового учета и отчетности (2); противодействия терроризму (2); противодействия организованной преступности (2); оборота наркотических средств (2); охраны окружающей среды (2); государственного управления, в том числе обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы (2); противодействия незаконной миграции (2); воинской службы (2); охраны жизни (1); охраны свободы граждан (1); защиты чести и достоинства (1); охраны избирательных прав (1), ответственности несовершеннолетних (1); охраны авторских, смежных прав (1); валютных отношений (1); обеспечения оборота сведений налоговой, коммерческой тайны (1); оборота спиртосодержащей продукции (1); оборота табачной продукции (1); противодействия контрабанде (1); предпринимательства (1), обеспечения конкуренции (1), оборота ценных бумаг (1); банкротства (1); оборота лекарственных средств (1), охраны общественного порядка (1); безопасности граждан (1); санитарно-эпидемиологического благополучия населения (1); оборота патогенных веществ и биоагентов (1); охраны мест захоронения, памятников, мемориальных комплексов (1); воздействия на критическую инфраструктуру (1); охраны территориальной целостности государства (1); участия в вооруженном формировании (1); противодействия санкциям (1); государственных закупок (1); противодействия диверсионной деятельности (1); государственной безопасности (1); деятельности правоохранительных органов (1).

Очевидно, что направлений, по которым происходили изменения отечественного уголовного закона в этот период, можно выделить существенно больше. В этом смысле важно помнить, что воплощение в жизнь эффективных уголовно-политических решений должно осуществляться посредством принятия минимального набора четких уголовно-правовых решений, которые должны носить «пакетный» характер, и этому можно поучиться у китайского законодателя. В этом контексте также представля-

ются необходимыми детальная разработка и изучение механизма реализации уголовно-политических решений сквозь призму решений уголовно-правовых. В контексте принятия конкретных уголовно-правовых решений необходимо постоянно иметь в виду одну простую аксиому – «уголовный закон более чем острый инструмент»²³.

Библиографический список

Гилинский Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 504 с.

Жалинский А. Э. Уголовная политология : становление и развитие // Избранные труды : в 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А. Э. Жалинский ; отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 619 с.

Жалинский А. Э. Уголовное право как ресурс : проблемы модернизации // Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. М. : Проспект, 2008. 400 с.

Идрисов Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 74–81.

Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс Китая : сплав правовой мысли и национальной специфики. Часть 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192.

Криминология : учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2005. 912 с.

Маркунцов С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних : дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 237 с.

Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2015. 53 с.

Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография. М. : Юриспруденция, 2015. 560 с.

Маркунцов С. А. Транспортные преступления : правовое регулирование, понятие, система и юридический анализ : учеб. пособие. М. : Юриспруденция, 2024. 144 с.

Пан Дунмэй. Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае :

²³ Жалинский А. Э. Уголовное право как ресурс : проблемы модернизации // Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 180.

обзор изменений китайского уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 115–123.

Ревин В. П., Жариков Ю. С., Ревина В. В. Уголовная политика : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2024. 278 с.

Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М., 2017. 76 с.

Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. 75 с.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Маркунцов С. А., доктор юридических наук,
доцент, профессор департамента уголовного пра-
ва, процесса и криминалистики

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

National Research University Higher School of Eco-
nomics

Markuntsov S. A., Doctor of Legal Sciences, Asso-
ciate Professor, Professor of the Criminal Law, Proce-
dure and Criminalistics Department

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

СИМВОЛИЗМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Д. В. Мирошниченко

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева

THE SYMBOLISM OF CRIMINAL LAW

D. V. Miroshnichenko

Russian University of Law and Notary named after G. B. Mirzoev

Аннотация: рассматривается феномен символизма в уголовном праве и его роль в поддержании правопорядка, исследуется взаимосвязь между символическим отражением уголовно-правовых явлений в законодательстве и их реальным восприятием в обществе. Особое внимание уделяется разграничению понятий инструментальной и реальной общественной опасности. Инструментальная опасность рассматривается как техническое средство законотворчества, в то время как реальная опасность определяется через оценку конкретных ситуаций совершения деяний в контексте уголовного права. Анализируется проблема разрыва между символическим и реальным значением уголовного права, приводящая к появлению псевдопреступлений и необоснованной криминализации. Подчеркивается необходимость адекватного восприятия уголовно-правовых запретов обществом, включая соответствующий уровень морального порицания деяний и соразмерность мер уголовного принуждения. Обосновывается вывод о том, что эффективность уголовного права зависит от баланса между его символическим содержанием и реальным общественным восприятием, что обеспечивает справедливость и легитимность уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: уголовное право, символ, общественная опасность, преступление, инструментальная общественная опасность, реальная общественная опасность, общественное восприятие, вред.

Abstract: the article examines the phenomenon of symbolism in criminal law and its role in maintaining law and order, examines the relationship between the symbolic reflection of criminal law phenomenon in legislation and their real perception in society. Special attention is paid to the differentiation of the concepts of instrumental and real social danger. Instrumental danger is considered as a technical means of lawmaking, while the real danger is determined through an assessment of specific situations of committing acts in the context of criminal law. The article analyzes the problem of the gap between the symbolic and real meaning of criminal law, which leads to the appearance of pseudocrimes and unjustified criminalization. The need for an adequate perception of criminal law prohibitions by society is emphasized, including the appropriate level of moral censure of acts and the proportionality of criminal coercion measures. The author substantiates the conclusion that the effectiveness of criminal law depends on the balance between its symbolic content and real public perception, which ensures the fairness and legitimacy of criminal law regulation.

Key words: criminal law, symbol, public danger, crime, instrumental public danger, real public danger, public perception, harm.

Понятие «уголовное право» рассматривается нами как символ противодействия наиболее худшим (вредным) вариантам человеческого поведения, и потому средства его исключитель-

ны. Ни одна другая отрасль права не связана подобным охранительным символизмом, каким обладает уголовное право, в задачи которого входит охрана наиболее важных социальных ценностей от преступных посягательств и их предупреждение. Как отмечает А. Э. Жалинский, «уголовное право по природе вещей имеет сим-

волическое содержание, а поэтому воспринимается гражданами – своими адресатами – как некий символ..., как то, что несет определенное послание о намерениях государства, его политике, защищаемых ценностях и в то же время уголовное право выступает как реальное явление, имеющее рациональные основания и следствия»¹. Хотелось бы развить эту мысль применительно к познанию и оценке общественной опасности деяния, предусмотренного уголовным законом.

В первую очередь следует отметить, что символ – это некий знак, указывающий на определенное значение. Знак понимается как форма, в которую вкладывается определенный социальный смысл. Человек мыслит явления и вообще действительность посредством восприятия символов, которые входят в состав средств получения информации. Таким образом, символ не тождественен своему значению, а значение не тождественно символу, но диалектически они составляют единое содержание социального осмысления действительности. Символами в частности являются социальные ценности (конституционные ценности), которые в своем материальном смысле участвуют в формировании общественных связей по поводу сохранения жизни, здоровья, собственности, нравственности и т. д., в связи с чем создается основа для действия механизма уголовно-правового регулирования. Кроме того, что ценности определяются правом, они также являются реальными продуктами социальных отношений. Само по себе включение того или иного деяния в уголовно-правовой контекст, определение его (деяния) в качестве посягательства на социальные ценности, указывает в символическом смысле на его общественную опасность.

Таким образом, символ «общественная опасность» объединяет целый ряд деяний, направленных на нарушение социальных ценностей, значение которого воспринимается посредством реальности причиняемого им вреда. Следовательно, «общественная опасность» указывает на некое реальное значение, тот порядок вещей, который воспринимается в действительности.

Обращаясь к символизму уголовного права, можно отметить, что это свойство не является

сугубо абстракцией, а предполагает реальность преступлений, т. е. это та действительность вреда, которой соответствует символ «общественная опасность». Можно также в контексте идей А. Э. Жалинского уточнить, что речь идет о соответствии между символическим и рациональным компонентами криминализации и реализации уголовного права. Факт включения деяния в некую нормативную оболочку (в контекст уголовного права или иной отрасли) придает деянию разный социальный смысл, который порождает реальные последствия и соответствующее отношение со стороны общества. Например, каким бы на самом деле деяние не представлялось – опасным или не опасным – его криминализация остается фактом действительности, имеющим символическое свойство, воздействующее на поведение и официальные решения. В этом случае, как отметил А. Э. Жалинский, уголовное право либо дополняет, либо изменяет ценностные ориентиры общественного сознания².

Вместе с тем А. Э. Жалинский предупреждает, что без рационально взвешенной уголовной политики символизм, особенно во время кризисов и трансформационных процессов, способен отойти от реалий, т. е. в силу сказанного символ не будет находить своего значения. Ученый предупреждает, что необходим баланс между символической сутью преступления и его рациональным обоснованием, позволяющий рационализировать символическое уголовное право, наполнить его необходимым социальным содержанием и подчинить задачам правоохранительной деятельности. Для этого следует различать ложный и реальный символизм. Ложный символизм не имеет социальных предпосылок. Говоря языком лингвистики, это пустой знак, не указывающий на свой предмет. Например, о деяниях, лишь символически обозначающих общественную опасность, при отсутствии реально подтвержденного их значения можно говорить как о псевдопреступлениях³. Последние

² См.: Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 48.

³ См., например: Лопашенко Н. А. Уголовно-правовое воздействие в современной России : цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 29–30 марта 2018 г. Саратов, 2018. С. 19–20.

¹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 44–45.

лишь символически опасны, а реально – нет. Но в то же время нужно еще раз уточнить, что все преступления символически опасны, если они указаны в Особенной части УК РФ, но опасность псевдопреступлений не воспринимается как факт действительности.

Следовательно, состав преступления может нести в себе только символическую опасность, но реальная опасность находится за границами уголовного права в социальной действительности. Например, убийство может быть воспроизведено в памяти или воображении и таким образом оно будет воспринято всегда в нужном значении, поскольку убийство – это всегда общественно опасное деяние. Однако убийство как реальность следует воспринять не в воображении, а в действительности, чтобы оценить общественную опасность умышленного причинения смерти другому человеку. Для этой оценки следует обращаться к контексту причинения смерти, т. е. к фактическим обстоятельствам содеянного, которые только и могут дать нужную информацию и раскрыть смысл содеянного как преступления. Именно в таком значении можно, например, понимать слова М. И. Ковалева о том, что общественную опасность преступления следует искать за пределами уголовного права, в социальной действительности⁴. Если значение преступления искать в самом уголовном законе, то окажется, что этот поиск приведет к совпадению общественной опасности с составом преступления (знак не будет отличаться от своего значения). В этом случае поиск общественной опасности деяния будет сведен к поиску общественной опасности через законодательно установленные признаки состава преступления. Отсюда, как представляется, берет начало известный кумулятивный подход к определению общественной опасности, согласно которому каждый признак состава содержит ее часть⁵. Однако этот формальный подход означает лишь то, что общественная опасность рассматривается как пазл, состоящий из частей символа «общественная опасность», который не отражает ее реальности. Такую символическую опас-

ность можно назвать *инструментальной*, выполняющей техническую роль в законодательных и правоприменительных процедурах, в частности при межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации деяний. Например, если хищение (кражу) и административный проступок (мелкое хищение) разделяет граница ущерба в 2500 руб., то именно в инструментальном значении окажется, что общественная опасность будет на стороне преступления, тогда как разница между кражей и мелким хищением всего в один рубль.

Реальная опасность соответствует воспринимаемому в конкретной ситуации вреду от деяния, запрещенного уголовным законом. В этом случае вред следует не из признаков состава и совпадений между ними и совершенным деянием, а из восприятия конкретной жизненной ситуации, которая в контексте уголовного права позволяет найти значение общественной опасности конкретного преступления. При этом ни один состав преступления, указанный в законе, не содержит реальной опасности ни полностью, ни в части. Закон лишь описывает схему деяния (состав), которая до момента совершения и оценки его реальной вредоносности может иметь только символическое значение. Состав преступления символически указывает на возможность в конкретном деянии распознать социальный смысл содеянного, который возникает из контекста самого этого деяния в контексте его ситуационной оценки. При этом анализ контекста содеянного возможен только посредством юридической квалификации деяния. Таким образом, реальная общественная опасность – это не результат квалификации, а результат познания социального смысла деяния, которое законодатель символически определил в качестве общественно опасного и преступного.

Реальная общественная опасность легитимирует уголовное принуждение, морально его оправдывает. По этому поводу А. Э. Жалинский отметил, что уголовно-правовой символизм легитимирует государственный упрек в отношении определенной части населения, позволяя объявлять ее социально упречной...⁶ Таким образом, кроме законности правоприменительных решений следует говорить об их легитимности как необходимом свойстве, которому соответ-

⁴ См.: Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления, и их значение для квалификации. Свердловск, 1977. С. 59.

⁵ См., например: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления // Избранные труды / А. Н. Трайнин; сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 30.

⁶ См.: Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 47.

ствуют социальные представления о справедливости использования уголовного права как крайнего средства принуждения. Таким образом, источником символической опасности выступают законодательные решения, а источником действительной опасности – моральные представления общества.

Следовательно, законодательные решения о криминализации кроме прочего должны учитывать как минимум два фактора: моральные представления общества о порицаемом поведении и соответствующем ему наказании. Уголовный запрет должен оказывать не только символическое, но и реальное воздействие, соответствовать социокультурным, экономическим, политическим и иным условиям и быть ориентирован на моральные ожидания общества. Для правоприменителя уголовные запреты (при обязательном учете качества самого технико-юридического изложения норм) должны соответствовать как характеру самого деяния, так и применяемым средствам уголовно-правового воздействия. Таким образом, запреты должны быть такими, чтобы решения правоприменителя были легитимными с позиции общественной морали, а действия, подпадающие под запрет, реально осуждались обществом, чем поддерживался бы необходимый уровень уголовно-правового символизма.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели символизм уголовного права, который определяется уровнем общественного восприятия уголовно-правовых явлений. Объекты уголовно-правовой охраны и посягательства на них в уголовном праве следует понимать в символическом значении составов преступлений. Эти символы должны адекватно отражать социальное значение реальных деяний, причиняющих вред. Символизм уголовного права является необходимым условием поддержания правопорядка. Его эффективность зависит от рациональных уголовно-правовых запретов, корректной

оценки общественной опасности предусмотренных законом деяний, соответствия общественным ожиданиям и обеспечения безопасности социальных ценностей. Разрыв между символическим и реальным значениями уголовного права приводит к формированию ситуации «символа без значения», появлению псевдопреступлений и нерациональному расширению криминализации.

Кроме того, нами выделено различие между инструментальной и реальной опасностью, которая состоит в том, что последняя всегда есть следствие оценок конкретных ситуаций совершенных деяний в контексте уголовного права. Инструментальная опасность является искусственным образованием, но необходимым для решения технических задач законотворчества и правоприменения. Реальное значение символическое уголовное право получает только тогда, когда уголовно-правовые запреты адекватно воспринимаются, что предполагает соответствующий уровень морального порицания тех или иных деяний, так и соответствующие этому порицанию меры уголовного принуждения.

Библиографический список

- Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ. М. : Проспект, 2009. 400 с.
- Ковалев М. И.* Понятие и признаки преступления, и их значение для квалификации. Свердловск : СЮИ, 1977. 80 с.
- Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовое воздействие в современной России : цифры, факты, парадоксы и иллюстрации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. статей по материалам III Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 29–30 марта 2018 г. Саратов : Сарат. гос. юридическая академия, 2018. С. 9–28.
- Трайнин А. Н.* Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. 896 с.

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева

Мирошниченко Д. В., кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин
E-mail: 89260510353@yamndex.ru

Russian University of Law and Notary named after G. B. Mirzoev

Miroshnichenko D. V., Candidate of the Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Advocacy and Criminal Law Disciplines Department
e-mail: 89260510353@yamndex.ru

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД СВО

А. Е. Маслов

Воронежский государственный университет

SPECIAL GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

A. E. Maslov

Voronezh State University

Аннотация: в целях поиска новых возможностей гуманизации уголовно-правовых отношений, закрепления патриотических начал для целей исправления лиц, совершивших преступления, теорией и наукой уголовного права выработаны и нашли свое отражение в законе специфические, характерные для периода проведения СВО виды освобождения от уголовной ответственности, ранее неизвестные правоприменителю. С учетом действующих норм федеральных законов проанализированы особенности содержания оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 78.1 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: мобилизация, призыв на военную службу, заключение контракта, освобождение от ответственности.

Abstract: in order to search for new opportunities for humanization of criminal law relations, consolidation of patriotic principles for the purpose of correction of persons who have committed crimes, the theory and science of criminal law have developed and reflected in the law Specific, characteristic of the period of the special military operation, types of exemption from criminal liability, previously unknown to the law enforcer. Taking into account the current norms of federal laws, the article analyzes the features of the content of the grounds for exemption from criminal liability provided for by Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: mobilization, conscription for military service, conclusion of a contract, exemption from liability.

Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»¹ было введено специальное основание освобождения от уголовной ответственности, суть которого сформулирована следующим образом: лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), призванное на военную службу по мобилизации, либо проходящее военную

службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженных силах Российской Федерации, либо заключившее в указанный период контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации, освобождается от уголовной ответственности со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы либо со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (по возрасту, состоянию здоровья и в связи с окончанием периода мобилизации).

Федеральным законом № 64-ФЗ от 23 февраля 2024 г. положения названного закона с некоторыми изменениями (исключено указание на категории преступления) и дополнениями

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 26. Ст. 4678.

были сформулированы в ст. 78.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) как новое самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности.

Также ст. 86 УК РФ была дополнена частью 3.1, в соответствии с которой в отношении лица, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные силы РФ либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах РФ и имеющего судимость (кроме судимости за совершение преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено ч. 1 ст. 78.1 УК РФ), одновременно с освобождением от уголовной ответственности погашается и судимость².

Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции...» и последующие изменения в УК РФ в значительной степени обеспечили оперативное реагирование на изменение правового положения отдельных категорий лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, однако судебная практика показывает, что за пределами положений ст. 78.1 УК РФ остается значительное число участников СВО на стороне Российской Федерации. В частности не предусматривается возможность прекращения уголовного преследования лиц, защищавших интересы Российской Федерации в составе частных военных компаний и добровольческих формирований, участников СВО, имеющих не государственные награды (ДНР, ЛНР, Чеченской Республики).

Призыв на военную службу по мобилизации регулирует ст. 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О мобилизационной подготовке...»)³. Такому призыву подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на во-

енную службу по мобилизации. В соответствии с этим законом под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики РФ, экономики субъектов РФ и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени (п. 2 ст. 1).

Призыв граждан по мобилизации – комплекс мероприятий, проводимых военными комиссариатами, призывными комиссиями по мобилизации и федеральными органами исполнительной власти, имеющими запас.

Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 в России объявлена частичная мобилизация и осуществляется призыв граждан РФ на военную службу в Вооруженные силы РФ⁴. В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий «мобилизация» и «частичная мобилизация»: в какой части частичная мобилизация соответствует мобилизации, определяемой Федеральным законом «О мобилизационной подготовке...»? Исходя из различных заявлений должностных лиц государства (в том числе министра обороны РФ) о завершении частичной мобилизации, можно говорить о неопределенности в периоде действия таковой.

Понятие военного положения и порядок его введения закреплено в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁵. Под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.

⁴ Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 39. Ст. 6590.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

Херсонской областей»⁶ таковое введено с 0 часов 20 октября 2022 г.

Военное положение, введенное на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, отменяется указом Президента Российской Федерации после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его введения.

Понятия «состояния войны» и «военного времени» сформулированы в ст. 18 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» следующим образом: «С момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения»⁷.

Призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации. Граждане, пребывающие в запасе, заблаговременно приписываются к воинским частям (предназначаются в специальные формирования) для прохождения военной службы в военное время. Военнослужащие при объявлении мобилизации продолжают проходить военную службу.

Ранее призыву на военную службу по мобилизации не подлежали граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение любого тяжкого преступления. После внесения изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке...» предусмотрено, что призыву не подлежат только граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений по конкретному перечню, сформулированному в ч. 4 ст. 78.1 УК РФ. На наш взгляд, представляется избыточным включение в указанный перечень составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 208 («Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Россий-

ской Федерации»); ст. 217.1 («Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса»); ст. 359 («Наемничество»).

Данный вид освобождения от уголовной ответственности направлен на законодательное закрепление правовых гарантий лиц, проходящих службу или заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах РФ но в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Таким образом, законодатель исходит из целесообразности отказа от уголовного преследования в отношении только определенной категории лиц, а именно лиц, участвующих в специальной военной операции. Вопрос об уменьшении степени общественной опасности по общему правилу решается путем определения категорий преступлений, при совершении которых возможно освобождение от уголовной ответственности. В Федеральном законе от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» законодатель придерживался указанного принципа и предлагал освобождать от ответственности только лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Такое ограничение по тяжести совершенного преступления лишь уравнивало бы его с основаниями освобождения от уголовной ответственности, уже закрепленными в ст. 75 (деятельное раскаяние) и ст. 76 (примирение с потерпевшим) УК РФ, и не решало бы задачи оперативного привлечения к участию в СВО добровольцев, в том числе имевших проблемы с законом. Внося изменения в УК РФ, законодатель отказался от общего запрета освобождения от ответственности по признаку тяжести, оставив под запретом только преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и так называемые преступления исключительной тяжести, касающиеся терроризма и обеспечения государственной безопасности.

Новеллы об освобождении от уголовной ответственности наказания (ст. 80.2 УК РФ) близки по своей правовой природе к институту амнистии. Согласия потерпевшего на освобождение от уголовной ответственности правоприменителю не требуется. Вопросы возмещения ущер-

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 43. Ст. 7381.

⁷ Об обороне : федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

ба потерпевшему разрешаются в порядке гражданского судопроизводства за счет государства.

Законодатель в ст. 78.1 УК РФ вводит основание освобождения от уголовной ответственности иной правовой природы, нежели предусмотренные в ст. 75–76.2 УК РФ, – оно больше схоже с основанием освобождения от наказания, поскольку связано исключительно со свойствами субъекта преступления. Таким образом, обоснование снижения правоприменителем степени общественной опасности преступления при освобождении от уголовной ответственности в соответствии с положениями ст. 78.1 УК РФ не требуется. Существенное значение имеет лишь установление факта совершения преступления (без указания на его тяжесть) и признаков специального субъекта, которые позволяют освободить его от уголовной ответственности.

Руководствуясь положениями ч. 1 ст. 28.2 Уголовного процессуального кодекса РФ, следователь, дознаватель прекращают уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено, а суд освобождает от наказания осужденного по ходатайству командования воинской части, в которой предполагается прохождение службы мобилизованного или заключившего соответствующий контракт.

Прекращение уголовного преследования по указанным основаниям не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает. В данном случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов (органов дознания) по вопросам прекращения уголовного преследования определяется совместными решениями Министерства обороны РФ, Следственного комитета РФ, Генеральной прокуратуры РФ, федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования. Порядок взаимодействия по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования подсудимых, освобождения от наказания осужденных в связи с призывом их на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы определяется

совместными решениями Министерства обороны РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Закрепленные в ст. 78.1 УК РФ основания освобождения не являются реабилитирующими.

Настоящие положения об освобождении от уголовной ответственности распространяются на граждан Российской Федерации, призванных в Вооруженные силы РФ по мобилизации в соответствии с Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647, а также на граждан РФ и иностранных граждан, заключивших контракт одобрившим содействием в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы РФ, либо граждан, проходящих военную службу по контракту, заключенному в порядке п. 7 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁸.

Следует отметить, что основание освобождения от уголовной ответственности, сформулированное в ст. 78.1 УК РФ, не направлено на длительное, неоднократное применение и, очевидно, по завершении специальной военной операции потеряет свое значение. В этой ситуации включение его в УК РФ в такой редакции, по всей видимости, нецелесообразно. В то же время во избежание коллизий, с учетом положений ч. 1 ст. 3 УК РФ законодателю более корректно было бы закрепить в УК РФ в качестве универсального основания освобождения от уголовной ответственности бланкетную норму со следующим наименованием: «Прекращения уголовного преследования в связи с принятием специального федерального закона». В качестве подобного может рассматриваться отмененный Федеральный закон № 270-ФЗ. Это же касается и такого фактически временного основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленного в первую очередь в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба», введенной в УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 429-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

Воронежский государственный университет
Маслов А. Е., доцент кафедры уголовного
права
E-mail: maslovalevg@yandex.ru

Voronezh State University
Maslov A. E., Associate Professor of the Criminal
Law Department
E-mail: maslovalevg@yandex.ru

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Ходусов

Международный юридический институт

MODERN NOVELTIES IN CRIMINAL LAW PROHIBITIONS AS A FACTOR IN SHAPING THE STATE'S CRIMINAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. A. Khodusov

International Law Institute

Аннотация: проводится всесторонний анализ современных тенденций формирования уголовно-правовых запретов в Российской Федерации и их влияния на уголовную политику государства. Детально рассматриваются ключевые изменения в уголовном законодательстве последних лет, оцениваются их обоснованность, эффективность и соответствие текущим социально-экономическим реалиям. Особое внимание уделяется новым составам преступлений, введенным в Уголовный кодекс РФ, и их адекватности современным вызовам и угрозам национальной безопасности. Исследуется сложная взаимосвязь между появлением новых уголовно-правовых запретов и общей направленностью уголовной политики государства, выявляются как позитивные аспекты данного процесса, так и потенциальные проблемы и риски. Анализируется влияние новых запретов на правоприменительную практику, оценивается их эффективность в предупреждении преступности и защите прав граждан. Предлагаются рекомендации по совершенствованию процесса формирования уголовно-правовых запретов и повышению эффективности уголовной политики в целом.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, уголовно-правовые запреты, новеллы законодательства, Уголовный кодекс РФ, криминализация, декриминализация, правовое регулирование.

Abstract: a comprehensive analysis of current trends in the formation of criminal law prohibitions in the Russian Federation and their impact on the criminal policy of the state is carried out. The key changes in the criminal legislation of recent years are considered in detail, their validity, effectiveness and compliance with current socio-economic realities are assessed. Special attention is paid to the new types of crimes introduced into the Criminal Code of the Russian Federation and their adequacy to modern challenges and threats to national security. The complex relationship between the emergence of new criminal law prohibitions and the general orientation of the state's criminal policy is investigated, both positive aspects of this process and potential problems and risks are identified. The impact of new prohibitions on law enforcement practice is analyzed, their effectiveness in crime prevention and protection of citizens' rights is assessed. Recommendations to improve the process of forming criminal law prohibitions and to increase the effectiveness of criminal policy in general are proposed.

Key words: criminal law, criminal policy, criminal law prohibitions, legislative novelties, Criminal Code of the Russian Federation, criminalization, decriminalization, legal regulation.

Современные новшества в области уголовно-правовых запретов занимают центральное место

в формировании уголовной политики Российской Федерации, отражая активные изменения, происходящие в социальной, экономической и политической сферах общества. Уголовная по-

литика государства, являясь неотъемлемым элементом широкой правовой стратегии, направлена на защиту личности, а также интересов общества и государства от криминальных угроз. В этом свете уголовно-правовые запреты становятся важнейшим инструментом реализации уголовной политики, устанавливая четкие границы неприемлемого поведения и определяя степень наказания за его осуществление.

В теории уголовного права под новеллами уголовно-правовых запретов понимаются новые нормы, вводимые в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), а также существенные изменения уже существующих норм, которые значительно влияют на практику их применения. Профессор Н. А. Лопашенко отмечает, что новеллы уголовного законодательства являются отражением изменяющихся общественных отношений и новых вызовов, с которыми сталкивается государство в сфере борьбы с преступностью¹.

Современные тенденции в формировании уголовно-правовых запретов в России характеризуются несколькими ключевыми направлениями. Во-первых, наблюдается усиление ответственности за преступления против личности, особенно в сфере сексуального насилия и защиты несовершеннолетних. Так, в УК РФ были внесены изменения, ужесточающие наказание за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 131–135 УК РФ). Эти изменения отражают приоритетное направление уголовной политики государства на защиту наиболее уязвимых категорий граждан.

Во-вторых, значительное внимание уделяется противодействию экономическим преступлениям и коррупции. В этой связи были введены новые составы преступлений, такие как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Профессор И. А. Александрова подчеркивает, что данные новеллы направлены на повышение эффективности борьбы с коррупционными проявлениями на всех уровнях государственного управления².

¹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика России : состояние и тенденции развития // Государство и право. 2022. № 5. С. 35–46.

² См.: Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности

Третьим важным направлением является усиление ответственности за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом. В УК РФ были внесены изменения, касающиеся ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ). Эти новеллы, по мнению профессора А. И. Рарога, отражают стремление государства обеспечить национальную безопасность в условиях глобальных угроз терроризма³.

Четвертым направлением можно назвать криминализацию деяний, связанных с использованием современных информационных технологий. В УК РФ были введены новые составы преступлений, такие как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ). Профессор М. М. Бабаев отмечает, что эти новеллы являются ответом на вызовы цифровой эпохи и направлены на защиту информационной безопасности государства и граждан⁴.

Важно отметить, что процесс формирования новых уголовно-правовых запретов не ограничивается только криминализацией деяний. Уголовная политика государства также включает в себя декриминализацию отдельных составов преступлений, что отражает гуманизацию уголовного законодательства. Примером может служить декриминализация ряда экономических преступлений, таких как товарная контрабанда (ст. 188 УК РФ, утратила силу), что, по мнению профессора Б. В. Волженкина, способствует либерализации экономических отношений и снижению давления на бизнес⁵.

Новеллы уголовно-правовых запретов также затрагивают сферу назначения наказаний. В УК РФ были внесены изменения, расширяющие применение альтернативных лишения свободы видов наказаний, таких как ограничение свобо-

и противодействию коррупции : монография. М., 2020. 342 с.

³ См.: Рарог А. И. Уголовно-правовые запреты в эпоху цифровизации // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 4. С. 9–20.

⁴ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Уголовное право. 2021. № 3. С. 4–15.

⁵ См.: Волженкин Б. В. Преступность в сфере экономики (экономические преступления). СПб., 2007. С. 250–255.

ды (ст. 53 УК РФ) и принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ). Профессор В. А. Уткин подчеркивает, что эти новеллы направлены на индивидуализацию наказания и снижение уровня рецидивной преступности⁶.

Одним из важных аспектов формирования уголовной политики государства через призму новелл уголовно-правовых запретов является соблюдение баланса между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и обеспечением прав и свобод граждан. Профессор А. В. Наумов отмечает, что чрезмерная криминализация может привести к избыточной репрессивности уголовного закона, что не соответствует принципам правового государства⁷.

Аспекты новелл уголовно-правовых запретов играют важную роль в формировании уголовной политики государства в Российской Федерации (табл.).

В контексте формирования уголовной политики государства особое значение приобретает качество законодательной техники при введении новых уголовно-правовых запретов. Профессор Н. Ф. Кузнецова подчеркивает необходимость тщательного анализа социальной обусловленности криминализации деяний, их общественной опасности и возможности противодействия им иными правовыми средствами⁸.

Новеллы уголовно-правовых запретов также отражают международные обязательства Российской Федерации в сфере борьбы с преступностью. Так, в УК РФ были внесены изменения, касающиеся ответственности за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ), что соответствует международным конвенциям, ратифицированным Россией. Профессор Л. В. Иногамова-Хегай отмечает, что эти новеллы способствуют гармонизации российского уголовного законодательства с международными стандартами в области защиты прав человека⁹.

Важным аспектом влияния новелл уголовно-правовых запретов на формирование уголовной политики государства является их воздействие

на правоприменительную практику. Профессор А. И. Коробеев подчеркивает, что введение новых составов преступлений или изменение существующих требует от правоохранительных органов и судов адаптации к новым правовым реалиям, что может временно снижать эффективность правоприменения¹⁰.

Таблица
Новеллы уголовно-правовых запретов

Аспект	Описание
Определение	Новеллы уголовно-правовых запретов – это недавно введенные или значительно измененные нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за определенные деяния
Цель введения	Адаптация уголовного законодательства к новым вызовам и угрозам, повышение эффективности борьбы с преступностью, защита новых общественных отношений
Влияние на уголовную политику	Формирование приоритетов уголовной политики, определение направлений развития уголовного законодательства, изменение практики правоприменения
Основные сферы новелл	Киберпреступность, экономические преступления, преступления против общественной безопасности, экологические преступления
Проблемы внедрения	Недостаточная обоснованность криминализации, несовершенство законодательной техники, сложности в правоприменении, коллизии с другими отраслями права
Критерии эффективности	Снижение уровня преступности в соответствующей сфере, предупреждение новых видов преступлений, соблюдение прав и свобод граждан
Роль в международном сотрудничестве	Гармонизация национального законодательства с международными стандартами, повышение эффективности борьбы с транснациональной преступностью
Перспективы развития	Дальнейшая цифровизация уголовного права, усиление защиты прав человека в цифровой среде, развитие института уголовной ответственности юридических лиц

⁶ См.: Уткин В. А. Альтернативы лишению свободы в России : проблемы и перспективы. М., 2008. С. 112–118.

⁷ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 4–15.

⁸ См.: Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 456.

⁹ См.: Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб., 2003. С. 223–230.

¹⁰ См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика : тенденции и перспективы. Владивосток, 2009. С. 117–145.

Новеллы уголовно-правовых запретов современности играют ключевую роль в формировании уголовной политики Российской Федерации, отражая динамичные изменения в социальной, экономической и политической сферах общества. Уголовная политика государства, являясь частью общей правовой политики, направлена на защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. Таким образом уголовно-правовые запреты играют ключевую роль в определении границ преступного поведения и установлении ответственности за него.

В последние годы наблюдается тенденция к расширению сферы уголовно-правового регулирования, что выражается в криминализации новых деяний и ужесточении ответственности за уже существующие составы преступлений. Этот процесс обусловлен рядом факторов, включая развитие информационных технологий, глобализацию экономических процессов, а также возникновение новых угроз национальной безопасности¹¹.

Одним из значимых направлений развития уголовного законодательства в 2021–2023 гг. стало усиление ответственности за преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2021 г. были внесены изменения в Уголовный кодекс РФ, ужесточающие наказание за клевету, совершенную с использованием интернета (ст. 128.1 УК РФ). Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 г. по данной статье было осуждено на 15 % больше лиц, чем в 2021 г., что свидетельствует об актуальности данной новеллы¹².

Другим важным аспектом современной уголовной политики стало усиление борьбы с экономическими преступлениями. В 2022 г. были внесены изменения в ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», расширяющие состав данного преступления и ужесточающие санкции за его совершение. Анализ судебной практики показывает, что в 2023 г. количество возбужденных уголовных дел по данной статье увеличи-

лось на 20 % по сравнению с предыдущим годом¹³.

Особое внимание законодателя в рассматриваемый период было уделено противодействию терроризму и экстремизму. В 2022 г. были внесены изменения в ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», расширяющие перечень действий, подпадающих под данный состав преступления. Статистика показывает, что в 2023 г. число осужденных по этой статье увеличилось на 30 % по сравнению с 2021 г.¹⁴

Важным направлением уголовной политики стало также усиление защиты прав несовершеннолетних. В 2021 г. были внесены изменения в ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ужесточающие наказание за данное деяние. Согласно данным Министерства внутренних дел РФ, в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений по данной статье снизилось на 10 % по сравнению с 2021 г., что может свидетельствовать о превентивном эффекте данной новеллы¹⁵.

Анализируя новеллы уголовно-правовых запретов с точки зрения их влияния на формирование уголовной политики, следует отметить их комплексный характер. С одной стороны, они отражают стремление государства оперативно реагировать на новые вызовы и угрозы, возникающие в обществе. С другой стороны, некоторые эксперты отмечают риск чрезмерной криминализации, которая может привести к избыточной репрессивности уголовного закона¹⁶.

Практика применения новых уголовно-правовых запретов показывает, что их эффективность во многом зависит от качества законодательной техники и степени их социальной обусловленности. Например, введение в 2022 г. уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ (ст. 207.3 УК РФ) вы-

¹³ Анализ судебной практики по ст. 171 УК РФ за 2022–2023 гг. // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru>

¹⁴ См.: Иванов А. Л. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия киберпреступности: анализ и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 81–93.

¹⁵ Статистические данные Министерства внутренних дел РФ о зарегистрированных преступлениях по ст. 150 УК РФ за 2021–2023 гг.

¹⁶ См.: Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 35–46.

¹¹ См.: Годунов О. И. Новеллы уголовного законодательства в контексте формирования современной уголовной политики // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 2. С. 67–78.

¹² Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ об осужденных по ст. 128.1 УК РФ за 2021–2022 гг.

звало неоднозначную реакцию в обществе и среди правоведов. По данным Верховного Суда РФ, в 2023 г. по этой статье было вынесено более 100 обвинительных приговоров, что свидетельствует о ее активном применении на практике¹⁷.

Важно отметить, что новеллы уголовно-правовых запретов не только расширяют сферу уголовной ответственности, но и в некоторых случаях приводят к декриминализации отдельных деяний. Так, в 2021 г. была декриминализована ответственность за первый случай нарушения правил дорожного движения водителем, не имеющим права управления транспортным средством (ст. 264.1 УК РФ). Согласно статистике ГИБДД, это привело к снижению количества возбужденных уголовных дел по данной статье на 25 % в 2022 г. по сравнению с 2020 г.¹⁸

Анализ судебной практики за период 2021–2023 гг. показывает, что применение новых уголовно-правовых запретов сопряжено с определенными трудностями. В частности отмечаются случаи неоднозначного толкования новых норм судами, что приводит к различиям в правоприменительной практике в разных регионах страны. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательной техники и разработки четких рекомендаций по применению новых норм¹⁹.

Статистические данные также свидетельствуют о том, что введение новых уголовно-правовых запретов не всегда приводит к немедленному снижению уровня преступности в соответствующей сфере. Например, несмотря на ужесточение ответственности за киберпреступления, согласно данным МВД России в 2023 г. наблюдался рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на 15 % по сравнению с 2021 г. Это указывает на необходимость комплексного подхода к формированию

уголовной политики, включающего не только ужесточение санкций, но и совершенствование мер профилактики и предупреждения преступлений²⁰.

Для повышения эффективности новелл уголовного законодательства рекомендуется внедрить систему регулярного мониторинга и оценки их воздействия на криминогенную ситуацию. Необходимо разработать четкие критерии оценки эффективности уголовно-правовых запретов и проводить их периодический анализ с привлечением независимых экспертов. На основе результатов такого анализа следует оперативно вносить необходимые изменения в законодательство, включая декриминализацию деяний, если их запрет оказался неэффективным²¹.

В заключение отметим, что решение указанных проблем и реализация предложенных рекомендаций требуют комплексного подхода и согласованных усилий законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также активного участия научного сообщества и гражданского общества. Только такой подход позволит обеспечить эффективное формирование и реализацию уголовной политики государства в Российской Федерации, адекватно отвечающей современным вызовам и угрозам при соблюдении баланса между защитой общества от преступных посягательств и обеспечением прав и свобод граждан.

Библиографический список

Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 342 с.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Уголовное право. 2021. № 3. С. 4–15.

Годунов О. И. Новеллы уголовного законодательства в контексте формирования современной уголовной политики // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 2. С. 67–78.

Иванов А. Л. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия киберпреступности : анализ и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 81–93.

²⁰ Статистические данные о состоянии преступности в России за 2021 и 2023 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф>

²¹ См.: Парог А. И. Указ. соч. С. 9–20.

¹⁷ Данные Верховного Суда РФ о количестве обвинительных приговоров по ст. 207.3 УК РФ в 2023 г.

¹⁸ Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел по ст. 264.1 УК РФ за 2020 и 2022 гг. // Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: <https://госавтоинспекция.рф>

¹⁹ См.: Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых запретов в современной России // Вестник Саратов. гос. юридической академии. 2023. № 2 (145). С. 139–147.

Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых запретов в современной России // Вестник Саратов. гос. юридической академии. 2023. № 2 (145). С. 139–147.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика России : состояние и тенденции развития // Государство и право. 2022. № 5. С. 35–46.

Рарог А. И. Уголовно-правовые запреты в эпоху цифровизации // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 4. С. 9–20.

Международный юридический институт
Ходусов А. А., кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин
E-mail: yustas-73@mail.ru

International Law Institute
Khodusov A. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the Criminal Law Dis-
ciplines Department
E-mail: yustas-73@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е. Е. Мелюханова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

THE IMPORTANCE OF CRIME CATEGORIZATION

E. E. Melyukhanova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Аннотация: обосновывается, что категория «преступление» является первичной базовой уголовно-правовой категорией. Рассматривается значение категоризации преступлений с учетом разработанных в науке принципов, критериев и оснований категоризации. Обсуждаются некоторые положения неклассической теории категоризации применительно к категоризации преступлений. Принципы научной категоризации заключаются в том, что для отдельной категории критерий должен быть один. Требуется строгое соблюдение логического правила деления объема понятия, согласно которому в одной и той же классификации следует применять одно и то же основание. Делается вывод, что категоризация преступлений не соответствует принципам научной категоризации. Заявленный критерий категоризации преступлений в виде характера и степени общественной опасности деяния подменяется другими – формой вины и максимальным наказанием в виде лишения свободы. Наказание не может определять категорию преступления, наоборот, именно общественная опасность преступления должна определять категорию преступления, от которой должно зависеть наказание.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовая категория, категория преступления, категоризация преступлений.

Abstract: the article substantiates that the category of «crime» is the primary basic criminal law category. The importance of categorization of crimes is considered, taking into account the principles, criteria and grounds for categorization developed in science. Some provisions of the non-classical theory of categorization in relation to the categorization of crimes are discussed. The principles of scientific categorization are that there should be one criterion for a particular category. Strict observance of the logical rule of dividing the scope of the concept is required, according to which the same basis should be used in the same classification. In conclusion, the author concludes that the categorization of crimes does not comply with the principles of scientific categorization. The stated criterion for categorizing crimes in the form of the nature and degree of public danger of the act is replaced by others – a form of guilt and maximum punishment in the form of imprisonment. Punishment cannot determine the category of a crime, on the contrary, it is the public danger of a crime that should determine the category of crime on which punishment should depend.

Key words: criminal law, criminal law category, crime category, categorization of crimes.

Наиболее значимой категоризацией в уголовном праве является категоризация преступлений. Юридическое значение категоризации преступлений затрагивает практически все основные институты не только уголовного права, но и других отраслей уголовно-правового цикла. «Нормы о категориях преступлений красной

нитью проходят через УК РФ, что определяет их субстанциональное значение для уголовного права. Они влияют на построение его институтов: рецидива преступлений, назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания, сроков давности, а кроме того, широко воплощаются в материи уголовно-процессуального законодательства»¹.

При этом значение категоризации преступлений следует рассматривать с учетом разработанных в науке принципов, критериев и оснований категоризации.

Любая наука включает в себя определенные научные категории, которыми она оперирует. Основные научные категории отражают предмет и метод науки. Научные исследования, посвященные предмету и методу, в значительном количестве присутствуют абсолютно во всех областях знания.

Основную часть предмета уголовного права составляют вопросы установления преступности и наказуемости деяний², поэтому «преступление» является первичной базовой уголовно-правовой категорией, вокруг которой выстраивается система взаимосвязанных уголовно-правовых категорий. Кроме того, категориальный аппарат уголовного права включает в себя уголовно-правовые категории нескольких уровней. Наиболее общие категории соотносятся с категориями следующего уровня, которые представляют собой меньший уровень обобщения. В частности категория «преступление» включает в себя категории следующего уровня – преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Категория «преступление» в системе уголовно-правовых категорий является основополагающей. При решении вопроса о системе категорий теории права, по мнению А. М. Васильева, должно найти отражение следующее.

Во-первых, необходимо выделить такую основную, фундаментальную правовую категорию, без которой не могут быть осмыслены все другие юридические понятия, существующие как отражение форм бытия и условий развития правовой формы.

Во-вторых, данная категория должна представлять собой как исходный пункт, так и конечный результат, выражаемый теорией права в целом. Исходный пункт – первоначальное абстрактное определение данной категории, а конечный результат – ее конкретное понятийное развертывание через всю совокупность определений юридических категорий.

В-третьих, основным принципом систематизированного изложения правовой теории является принцип восхождения от абстрактного к конкретному. На его основе вырабатывается общая модель логической структуры теории права, которая предполагает исходную конкретизацию фундаментальной категории с помощью всеобщих абстрактных определений, затем их рассмотрение в понятийных рядах, характеризующих внутреннюю организацию и формы проявления права, его возникновение и этапы развития, функционирование права и взаимодействие его элементов, наконец, расчленение последних до уровня первоначальной реальности (конкретности) многообразного единства правовой формы общественной жизни³.

Если вести речь о системе уголовно-правовых категорий, то основную, фундаментальную уголовно-правовую категорию, без которой не могут быть осмыслены все другие уголовно-правовые понятия, составляет категория «преступление». Однако нельзя однозначно сказать, что категория «преступление» представляет собой как исходный пункт, так и конечный результат, выражаемый уголовным правом в целом. Если исходным пунктом, отражающим суть уголовно-правовых отношений, является преступление, то конечным результатом следует признать наказание, которое является закономерным следствием совершенного преступления, хотя и не во всех случаях.

При этом с точки зрения категориального отражения уголовно-правовой действительности категория «преступление» представляет собой как исходный пункт, так и конечный результат. В этом случае исходным пунктом является первоначальное абстрактное определение преступления, а конечный результат – определенный вид преступления, т. е. конкретное понятийное развертывание категории «преступление» через всю совокупность определений уголовно-правовых категорий, характеризующих признаки определенного преступления.

В рамках уголовно-правовой категоризации также используется принцип систематизированного изложения уголовно-правовой теории – принцип восхождения от абстрактного к конкретному, когда исходная конкретизация фун-

Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 131.

² См.: Уголовное право. Общая часть : учебник / И. В. Дворянсков, Е. А. Антонян, С. А. Боровиков [и др.] ; под ред. И. В. Дворянскова. М., 2023. С. 15.

³ См.: Васильев А. М. Правовые категории : методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография / репр. изд. М., 2021. С. 110–111.

даментальной уголовно-правовой категории «преступление» производится с помощью всеобщих абстрактных определений. Выделяются понятийные ряды взаимосвязанных категорий, отражающие структуру уголовного права до уровня конкретности, т. е. до уровня конкретных преступлений.

Значение категоризации в науке невозможно переоценить. Абсолютно все предметы и явления окружающего мира категоризируются человеком. Даже абстрактное мышление категоризировано. Категоризация рассматривается как функция человеческого мышления. Именно через категории происходит процесс познания вообще как таковой, мышление разворачивается в системе категорий. Научные категории как основные элементы системы научных знаний представляют собой определенную первооснову, нечто исходное, фундаментальное.

Слово «категория» происходит от греческого *κατηγορία* – высказывание, обвинение, признак. Категории в философии – это предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме⁴.

В научной литературе не сформировался единый подход по вопросу о том, какие именно понятия необходимо признать научными категориями и по каким критериям. В большинстве случаев научными категориями признаются любые научные понятия, имеющие определенную степень обобщения и используемые в процессе научного познания.

По нашему мнению, уголовно-правовая категория – это имеющее уголовно-правовое содержание, базовое понятие, представляющее собой определенную совокупность элементов, обладающих всем комплексом сущностных категориальных признаков.

Известно, что формирование категорий – это определенный процесс, имеющий своим результатом создание категории – категоризация. Категоризация как процесс и целенаправленная деятельность является предметом изучения

цикла лингвистических наук и определяется как «мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека»⁵.

Именно в рамках неклассической теории категоризации проводится отличие ее от классификации. Если классификация – это процесс отнесения предметов и явлений к определенному классу на основе наличия у них необходимых свойств и признаков, то категоризация представляет собой аналогичный процесс, но отнесение к определенной категории производится на основе только некоторых общих свойств и признаков. Тем самым границы категории, в отличие от класса, являются менее строгими.

Очевидно, что нестрогие критерии категоризации, выработанные в рамках неклассической теории, не могут применяться к категории «преступление», поскольку членами данной категории могут быть только исчерпывающим образом установленные уголовным законом преступления.

Уголовно-правовую категоризацию с точки зрения лингвистики можно представить в виде мыслительной операции, направленной на формирование категорий, предельно обобщающих результаты освоения уголовно-правовой действительности. Посредством уголовно-правовой категоризации происходит упорядочивание явлений и процессов, вовлеченных в уголовно-правовую сферу общественных отношений. Кроме того в результате категоризации наблюдается определенная систематизация уголовно-правовой действительности через констатацию сходства одних явлений и различия других, относящихся к разным категориям. Так, в результате уголовно-правовой категоризации преступлений происходит формирование категорий, тем самым наблюдается систематизация уголовно-правовой действительности путем отнесения определенных деяний к преступлениям.

Одним из принципов категоризации является множественность и разнообразие оснований категоризации, который только с определенными ограничениями допустимо использовать в научной категоризации. Категоризаций и классификаций может быть множество, а

⁴ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. С. 251.

⁵ Абишева К. М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 21.

именно столько, сколько возможно обнаружить критериев для осуществления указанных операций. Во-первых, в научной категоризации для отдельной категории критерий должен быть один. Однако допустимы классификации объектов по различным основаниям, которые присутствуют в науке уголовного права. При этом крайне важным является соблюдение логического правила деления объема понятия, согласно которому в одной и той же классификации следует применять одно и то же основание. Во-вторых, научная категоризация должна осуществляться только на основе объективно значимых характеристик объекта. В отличие от обыденной категоризации основания научной категоризации не могут быть субъективны, интуитивны и эмоциональны. В-третьих, разнородность оснований научной категоризации не может быть связана с многозначностью терминологии. В процессе категоризации используются термины, имеющие одинаковое значение.

Наиболее ярким примером нарушения правил категоризации является категоризация преступлений, закрепленная в ст. 15 УК РФ, поскольку «при нарушении законодателем логических правил классификации критерием последней является наличие двух оснований: формы вины и санкции статьи аналогично делению детей, например, по росту и цвету глаз одновременно.

Между тем критерий классификации должен быть только один, допустим, цвет глаз, а членов деления по этому основанию может быть несколько: зеленые, голубые и иные цвета глаз. Но согласно ст. 15 УК РФ форма вины дважды учитывается в одной и той же классификации преступлений: и в качестве признака характера общественной вредности, и в качестве отдельного критерия классификации, хотя преступления подразделяются только по характеру и

степени общественной вредности»⁶. В действительности заявленный критерий категоризации преступлений в виде характера и степени общественной опасности деяния подменяется другими – формой вины и максимальным наказанием в виде лишения свободы.

Поскольку форма вины наряду с ценностью объекта посягательства является лишь одним из признаков характера общественной вредности, сама по себе она не может быть критерием классификации преступлений. Безусловно, характер и степень общественной опасности деяния находят свое отражение именно в наказании, но наказание само по себе также не может быть критерием категоризации преступлений. Наоборот, общественная опасность преступления должна определять категорию преступления, от которой должно зависеть наказание.

Библиографический список

Абишева К. М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 21–30.

Васильев А. М. Правовые категории : методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография / репр. изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. 264 с.

Кулев А. Г., Кулева Л. О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 130–137.

Михаль О. А. О критерии преступлений // Государство и право. 2011. № 10. С. 35–42.

Уголовное право. Общая часть : учебник / И. В. Дворянсков, Е. А. Антонян, С. А. Боровиков [и др.] ; под ред. И. В. Дворянскова. М. : ИНФРА-М, 2023. 532 с.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Мелюханова Е. Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева

e-mail: melyukhanova@list.ru

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Melyukhanova E. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department named after M. I. Kovalev

E-mail: melyukhanova@list.ru

⁶ Михаль О. А. О критерии преступлений // Государство и право. 2011. № 10. С. 39.

ПРИОРИТЕТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ф. В. Чирков

Адыгейский государственный университет

PRIORITIES OF CRIMINOLOGICAL SECURITY IN THE CONTEXT OF PROTECTING TRADITIONAL VALUES

F. V. Chirkov

Adyghe State University

Аннотация: в ряду криминологических угроз традиционным духовно-нравственным ценностям ведущее место занимает деятельность отдельных лиц, коллективов и организаций, связанная с созданием, распространением и поддержкой деструктивного информационного контента, направленного на подрыв духовной, социально-психологической безопасности граждан и российского общества. Преступные посягательства, непосредственно затрагивающие безопасность традиционных духовно-нравственных ценностей, хотя и занимают незначительное место в общем массиве преступности, содержат риски наступления глобальных социально-психологических и социально-политических последствий, угрожающих национальной безопасности России. На основе анализа актуальных политико-правовых документов стратегического планирования, криминологической ситуации и специальной литературы сделан вывод, что в текущий момент пристального внимания требуют прежде всего комплексная безопасность детства, информационная безопасность, антиэкстремистская безопасность, религиозная безопасность и культурная безопасность.

Ключевые слова: традиционные ценности, национальная безопасность, криминологическая безопасность, безопасность детства, информационная безопасность, экстремизм, историческая память, культурная идентичность.

Abstract: among the criminological threats to traditional spiritual and moral values, the leading place is occupied by the activities of individuals, groups and organizations associated with the creation, distribution and support of destructive information content aimed at undermining the spiritual, socio-psychological security of citizens and Russian society. Criminal attacks that directly affect the security of traditional spiritual and moral values, although they occupy an insignificant place in the overall array of crime, contain risks of the onset of global socio-psychological and socio-political consequences threatening the national security of Russia. Based on the analysis of current political and legal documents of strategic planning, the criminological situation and specialized literature, it is concluded that at the present moment, close attention is primarily required by comprehensive childhood safety, information security, anti-extremist security, religious security and cultural security.

Key words: traditional values, national security, criminological security, childhood safety, information security, extremism, historical memory, cultural identity.

Идейная, мировоззренческая, духовная безопасность признаются сегодня значимым компонентом национальной безопасности страны¹,

¹ См.: Харсеева А. В. Духовные аспекты национальной безопасности современной России : автореф. дис.... канд. филос. наук. Краснодар, 2006. С. 9.

© Чирков Ф. В., 2025

объектом защиты от деструктивного идеологического воздействия. Философское осмысление этого феномена приводит исследователей к обоснованным выводам о том, что духовная безопасность выступает качественной характеристикой состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоя-

тельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры². Будучи видом национальной безопасности, она представляет собой состояние защищенности духовной сферы современного российского общества и включает в себя культурную, идеологическую, информационно-психологическую, научную, образовательную и религиозную безопасности как ее подвиды³. При этом духовная безопасность отличается дуализмом: с одной стороны, она существует как самостоятельный сегмент национальной безопасности, с другой – включена в другие виды национальной безопасности⁴, расположена в их основе, поскольку конкретное состояние экономической, политической и социальной жизни во многом определяется ее духовно-нравственными составляющими⁵.

Угрозы для безопасности традиционных духовно-нравственных ценностей проявляют себя едва ли не во всех сферах общественных отношений. Однако в исследовательском отношении, на наш взгляд, целесообразно определить некоторые приоритетные области криминологической безопасности, в которых защита традиционных ценностей приобретает особое значение. Анализ политико-правовых документов стратегического планирования, криминологической ситуации и специальной литературы показывает, что к таковым в текущий момент относятся комплексная безопасность детства, информационная безопасность, антиэкстремистская безопасность, религиозная безопасность и культурная безопасность.

² См.: Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России : проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 13.

³ См.: Тонконогов А. В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. С. 14.

⁴ См.: Романовская В. Б., Сальников М. В., Силантьева В. А. Духовная безопасность в современном российском обществе : угрозы и пути их преодоления // Правовое государство : теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 56.

⁵ См.: Возьмитель А. А., Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности) : науч.-метод. пособие. М., 2022. С. 12.

Безопасность детства

Согласно ч. 4 ст. 67 Конституции России, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики. В связи с этим государство берет на себя обязательства по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

В современных условиях детство справедливо воспринимается как «стратегический ресурс» развития российского общества и сохранения суверенитета государства. «Ценностный потенциал, сформированный в детстве, – это ресурсный потенциал личности, который в будущем, по мере взросления, будет определять устойчивость, смысловую и содержательную наполненность, полюсную направленность ценностных ориентаций личности, мотивов поведения и деятельности, поступков»⁶.

Согласно документам стратегического планирования, к разряду основных угроз безопасности детства относятся среди прочего изменение представлений о традиционных духовно-нравственных, в том числе семейных, ценностях; распространение информации, представляющей опасность для детей, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Как видим, основной акцент в данном случае вполне оправданно сделан на угрозы, которые существуют в ценностно-идеологическом, информационно-психологическом пространстве. Как отмечается в документе, навязывание пересмотра базовых норм морали и информационное манипулирование стимулируют антиобщественное поведение и наносят значительный ущерб нравственному здоровью детей. Предпринимаемые недружественными иностранными государствами, а также террористическими и экстремистскими организациями, криминальными сообществами попытки ценностной дезориентации общества, формирования в обществе ощущения неопределенности и нестабильности, искажения традиционных духовно-нравственных ценностей

⁶ Шибанова Н. М. Детство как стратегический ресурс культурного суверенитета России // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. 2023. Т. 18, № 2. С. 71.

негативно влияют на качество среды, в которой развивается личность ребенка⁷.

Специфика таких угроз состоит в том, что с учетом темпов развития информационных технологий основная часть дестабилизирующих факторов переместилась сегодня в виртуальное, информационное пространство, которое создает благоприятные условия для экспоненциального распространения деструктивного информационного контекста, умножая источники ее генерирования, охватывая самый широкий круг потребителей и порождая самые разнообразные и плохо контролируемые последствия (психологический слом, депрессивное состояние, проявление девиантного поведения, повышенной агрессии к окружающим и др.).

Косвенное, хотя и вполне отчетливое представление о масштабах проблемы можно составить в данном случае хотя бы на основании данных о размерах блокируемого Роскомнадзором контента в сети. В 2023 г. только по инициативе Росмолодежи было заблокировано более 31,5 тыс. материалов с деструктивным контентом (для сравнения: в 2022 г. было вынесено 18,7 тыс. решений о блокировке)⁸. Всего же в 2023 г. служба удалила 558 200 запрещенных материалов. Больше всего блокировок пришлось на пронаркотический контент. Был ограничен доступ более чем к 104 000 «наркотических» интернет-страниц, это на 25 % больше, чем в 2022 г. (78 800). Помимо того, в сети было заблокировано 51 200 материалов экстремистской направленности. Также служба ограничила доступ к 26 300 интернет-страницам, содержащим детскую порнографию, 19 300 материалам с пропагандой ЛГБТ и 13 000 ресурсов с суицидальным контентом⁹.

⁷ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

⁸ Блок и сфера : объем контента с пропагандой насилия в интернете вырос вдвое (12 января 2024 г.). URL: <https://iz.ru/1632799/elizaveta-krylova/blok-i-sfera-obem-kontenta-s-propagandoi-nasilii-v-internete-vyros-vdvoe> (дата обращения: 30.01.2024).

⁹ Роскомнадзор в 2023 году заблокировал более 558 000 сайтов и интернет-страниц (26 января 2024 г.). URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/26/1016847-roskomnadzor-zablokiroval-bolee-558-000-saitov> (дата обращения: 31.01.2024).

Можно уверенно утверждать, что в комплексной безопасности детства именно информационная безопасность как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию, является в текущих условиях приоритетным объектом государственной заботы о детях, а защита детей от деструктивного информационно-психологического воздействия и пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей – ведущими задачами государственной политики обеспечения безопасности детства¹⁰.

Информационная безопасность

Обеспечение информационной безопасности общества в условиях глобализации культуры и развития информационных технологий вышло на передний край государственной политики безопасности. Применительно к нашей теме особое значение имеет не столько технологический и инфраструктурный аспект развития информационного общества и обеспечения его безопасности, сколько аспект гуманитарный – тот, что связан с обеспечением прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и созданием условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора¹¹. Этот аспект развития информационного общества значим не только с точки зрения соблюдения прав граждан на доступ и оборот информации. Он приобретает дополнительные оттенки в контексте обеспечения национальной безопасности, поскольку содержание создаваемого и распространяемого информационного контента может создавать реальные угрозы как духовной и правовой безопасности личности, так и защищенности общих, государственных интересов.

¹⁰ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р : распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 19. Ст. 3481.

¹¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы : Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

Диапазон информационных рисков в данном случае весьма широк и «простирается от информационной депривации граждан, лишения их правдивой жизненно необходимой информации и замены ее заведомой дезинформацией до нарушения принципов неразглашения личных и государственных тайн, торговли секретами»¹².

Доктрина информационной безопасности страны отчетливо фиксирует основные риски, возникающие в информационной сфере, для безопасности страны:

- расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутрисполитической и социальной ситуации в России; в эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан;

- наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

- различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников¹³.

Внимательный анализ данного документа и текущей ситуации позволяет утверждать, что:

- угрозы информационной безопасности имеют как внутренние источники, так и источники, расположенные за пределами страны, что в уголовно-правовом аспекте требует внимательного отношения к решению вопросов об определении места совершения преступления и пространственных пределов уголовной юрисдикции для обеспечения безопасности;

- в инструментальном отношении угрозы информационной безопасности состоят в бло-

кировании информации, ограничении доступа к достоверной общественно необходимой информации, создании и распространении нежелательного и опасного информационного продукта, дезинформации;

- в содержательном плане спектр угроз охватывает практически неограниченные области общественных отношений, в приоритетном порядке затрагивая сферу межличностных (в том числе семейных) отношений, межнациональных, межэтнических, межконфессиональных отношений, а также отношений в области взаимодействия государства и личности¹⁴.

Комплексная оценка информационных угроз, способов их объективизации и последствий позволяет согласиться с неутешительными и во многом шокирующими суждениями отдельных специалистов, утверждающих, что весь мир (и Россия – не исключение) ввержен сегодня по сути в состояние информационных войн. «Это войны за умы и ценности, жизненные установки и поведенческие паттерны. Поражающим оружием в информационно-психологической борьбе является информация, дискредитирующая национальных референтов, девальвирующая значимые события прошлого, деформирующая духовную основу общества и разрушающая социально-психологический климат, консолидирующий граждан в национально-культурную общность “мы”. ...Стратегическая задача “сетевых войн” – “мягкими” методами дискредитировать ценности и смыслы национального мира “врага”, взорвать межэтнические отношения, разрушить традиционные основания национально-культурной идентичности, дестабилизировать действие ключевых социальных институтов, обеспечивающих функционирование государства и общества»¹⁵.

Антиэкстремистская безопасность

Деструктивное идеологическое воздействие, направленное на сознание и социально-психологическое благополучие граждан, опасно не только размыванием моральных стандартов, что

¹⁴ См. подробнее: Рывченко К. Д. Интересы и угрозы безопасности России в информационно-психологической сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 350.

¹⁵ Марков А. П. Конфликт культурно-антропологических матриц России и Запада как источник информационных войн // Вестник КемГУКИ. 2016. № 36. С. 14–15.

¹² Беспаленко П. Н. Указ. соч. С. 17.

¹³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

приводит к росту антиобщественного поведения и моральному хаосу. Оно в целом ряде случаев имеет вполне выраженную направленность на подрыв идеологического (идейного) единства и разобщение общества, утверждение в социальном пространстве противоборствующих и испытывающих ненависть по отношению друг к другу групп. В правовом и криминологическом отношении такая деятельность является частью экстремистской идеологии и практики.

Опасность экстремизма давно осознана обществом и государством. Во всех своих проявлениях экстремизм ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности России, сохранению основ конституционного строя, а также межнациональному (межэтническому) и межконфессиональному единению, политической и социальной стабильности.

Стратегия противодействия экстремизму фиксирует спектр внешних и внутренних угроз в сфере антиэкстремистской безопасности¹⁶.

Внешними экстремистскими угрозами признаются поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в России, нарушение единства и территориальной целостности страны, включая инспирирование «цветных революций», на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, в частности распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе.

Внутренними экстремистскими угрозами являются попытки осуществления националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, отдельными лицами экстремистской деятельности для реализации своих целей, распространение идеологии насилия, склонение, вербовка или иное вовлечение

российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ и иную противоправную деятельность, а также формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов. К внутренним угрозам также относятся межнациональные (межэтнические) и территориальные противоречия и конфликты в отдельных субъектах РФ, обусловленные историческими и социально-экономическими особенностями и приводящие к сепаратистским проявлениям.

С учетом состава населения России и исторических особенностей формирования российского государства можно сказать, что экстремистские угрозы с особенной остротой проявляют себя в области межнациональных и межэтнических отношений. Государство отчетливо сознает, что в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений имеются проблемы, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности страны. К таким проблемам относят распространение радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности; пропаганда в стране экстремистской идеологии; гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в том числе вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа и угрожающие государственной целостности; частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации¹⁷.

В последние годы этот список пополнился еще одной, крайне значимой проблемой – русофобией. Она стала неотъемлемым компонентом информационной экспансии недружественных стран. «Ведущие западные СМИ целенаправленно пытаются представить Россию, с одной стороны, в качестве источника “мирового зла”, с другой стороны – как слабо развитую в экономическом, политическом и социальном плане страну, пораженную коррупцией, включая выс-

¹⁶ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

¹⁷ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477 ; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» : постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2 (ч. I). Ст. 361.

шие эшелоны государственной власти. ...СМИ изображают Россию как угрозу миру, используя выражения, уместные для характеристики откровенно тоталитарных режимов и расистских идеологий»¹⁸. Русофобская идеология создает риски уже не столько внутреннего единства страны, сколько международному миру и безопасности всего человечества. Не случайно противодействие русофобии в интересах безопасности многополярного мира признается одним из знаковых, приоритетных направлений внешней политики РФ¹⁹.

Религиозная безопасность

Отдельный спектр угроз традиционным ценностям и национальной безопасности образует крайне чувствительная область религиозных отношений.

С одной стороны, опасность представляют религиозная рознь, нетерпимость и религиозный радикализм, выступающие основой религиозного экстремизма и религиозно мотивированной деятельности, направленной на нарушение единства и территориальной целостности России²⁰. С другой стороны, серьезные риски для безопасности создает формирование и распространение новых, нетрадиционных, деструктивных религиозных течений²¹. В значительной степени именно с ними и исходящими от них угрозами связано понятие религиозной безопасности, хотя и не фиксируемое в политико-правовых документах, но вполне концептуализированное в теоретической литературе²².

¹⁸ Марков А. П. Указ. соч. С. 17.

¹⁹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собр. законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

²⁰ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. (Документ официально не опубликован). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 28.01.2024).

²¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²² См., например: Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 50 с.

Новые религиозные учения и организации немногочисленны и, разумеется, неоднородны²³. Из всех официально зарегистрированных религиозных организаций, согласно официальным статистическим данным, к категории новых религиозных движений можно отнести от 1 до 2,3 % объединений. В то же время эксперты отмечают, что существует достаточно объемный пласт незарегистрированных религиозных объединений, а их общее количество может составлять от 1500 до 15 000 и имеет существенный потенциал к росту²⁴. Те из организаций, что действуют в пространстве правового поля страны, не представляют опасности для нации и, напротив, свидетельствуют о проявлении религиозной свободы и веротерпимости. Основные угрозы религиозной безопасности страны кроются в деятельности тех религиозных организаций, зачастую пришедших на территорию России из-за рубежа и спонсируемых иностранными фондами, которые ориентированы на распространение религиозно-экстремистских идей и религиозно-окультурных синкретических учений²⁵.

Эти новые и нетрадиционные религиозные организации и культы, не интегрированные в совместную конфессиональную жизнь и культуру, способны оказать негативное, вплоть до разрушительного, воздействие на российское общество. Распространение идеологии «новой религиозности» «является самой непосредственной помехой в деле сохранения и развития самобытных культур народов, проживающих на территории нашего государства. Имея свои собственные, отличные от традиционных духовно-нравственных ценностей, представления о быте и общественной жизни, носители новой религиозности не участвуют в процессе ретрансляции традиционной культуры. ...В плане на-

²³ См., например: Багаева К. А. К вопросу о нетрадиционных религиозных организациях в России // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 80–84.

²⁴ См.: Нетрадиционные верования в России. Экспертная оценка потенциала распространения : итоговый аналитический отчет по результатам исследования. С. 25–27, 49–53. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/6a1/netraditsionnye-verovaniya-v-rossii-itogovyy-analiticheskiy-otchet.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

²⁵ См.: Голик Ю. В., Рыбалко С. С., Чернышева Ю. А. Понятие религиозной безопасности : современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3 (3). С. 71.

циональной безопасности это грозит утерей национальной и государственной идентичности, что, в свою очередь, приведет к утере государственного суверенитета, так как ценности и основы жизнеустройства будут привиты иными заинтересованными государствами»²⁶.

Культурная безопасность

В условиях усложняющейся геополитической ситуации размытость и несформированность ценностных основ общероссийской идентичности может привести к социокультурной конфликтности и стиранию российского социокультурного кода²⁷. В этих обстоятельствах обеспечение культурной безопасности, сохранение фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано социокультурное единство российского общества, становится неотъемлемым компонентом государственной политики в области сбережения народа и обеспечения дальнейшего развития страны.

Единый культурный (цивилизационный) код современного российского общества основан на сохранении и развитии русской культуры, исторического и культурного наследия всего многонационального народа Российской Федерации. Сохранение этого кода возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в сохранение и укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Носителем и хранителем социальной идентичности является память народа, а потому все манипуляции с культурной памятью должны иметь одну цель – сохранение идентичности народа при изменении вектора развития. Память и идентичность состоят в отношениях взаимоопределения и взаимозависимости: идентичность укоренена в памяти, а коллективная память формирует и стабилизирует идентичность. Это означает, что манипуляции с памятью одновременно являются манипуляциями с идентичностью, а изменения в идентификации

индивида или коллектива непременно влекут за собой изменения в культурной памяти²⁸.

Угрозы культурной идентичности, таким образом, тесно связаны с угрозами исторической памяти. Не случайно к наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям кризиса культурной идентичности государство относит не только разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но также деформацию исторической памяти, негативную оценку значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России²⁹.

По свидетельствам многих специалистов, разрушение исторической памяти и переписывание истории сегодня выступает одним из значимых средств подрыва культурной и в целом национальной безопасности России. В то же время факты искажения истории и манипуляции историческим прошлым едва ли можно фиксировать посредством правовой статистики. Общее представление о масштабах распространения такой практики тем не менее можно составить на основе социологических опросов. Как свидетельствуют результаты репрезентативного исследования ВЦИОМ, при том, что большинство россиян (96 %) считают важным знание истории России, более половины из них (53 %) сталкивались со случаями умышленного искажения истории страны, причем треть (34 %) – сталкивались с ними неоднократно. Наличие подобного опыта зависит во многом от медиапредпочтений респондентов: активные пользователи сети «Интернет» в 1,5 раза чаще активных телезрителей сталкивались с фальсификацией истории России (38 % против 26). В содержательном отношении фальсификация истории России, по мнению тех, кто с ней встречался, в первую очередь касается событий Второй мировой войны: искажения ее фактов, итогов (18 %) и преуменьшения роли России в победе (10 %). Подмену понятий, придумывание истории назвали 11 %, примерно столько же – искажение истории Древ-

²⁶ Шапарова М. А. Новая религиозность – угроза национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2 (43). С. 277.

²⁷ См.: Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 40.

²⁸ См.: Тригубенко Ф., Горелова И. Культурная память и кризис идентичности в современной России // Вестник российской нации. 2019. № 6. С. 55.

²⁹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

ней Руси (10 %) и СССР (9 %). Важно при этом отметить, что по мнению тех, кто сталкивался с историческими фальсификациями, среди основных целей фальсификаторов преобладает ослабление России, разобщение российского общества и введение граждан в заблуждение (по 22 %); в том, что основной мотив заключается в дискредитации России в глазах мирового сообщества, убеждены 17 %³⁰.

Отмеченные сферы криминологической безопасности (детства, культуры, религии, национальных и этнических, информационных отношений), во-первых, самым тесным образом взаимосвязаны, во-вторых, выступают значимыми компонентами национальной безопасности страны и, в-третьих, имеют в своей общей основе безопасность традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Обеспечивая сохранение и утверждение этих ценностей, государство таким образом решает комплекс задач укрепления фундамента безопасности как залога устойчивого и прогрессивного развития.

Библиографический список

Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Традиционные ценности основы общероссийской идентичности : на примере молодежи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. С. 37–54.

Багаева К. А. К вопросу о нетрадиционных религиозных организациях в России // Евразийство и мир. 2019. № 2. С. 80–84.

Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России : проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 54 с.

³⁰ Фальсификация истории — и как с ней бороться? (14 сентября 2022 г.). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikacija-istorii-i-kak-s-nei-borotsja?utm_source=Rambler&utm_medium=news&utm_campaign=transition (дата обращения: 29.01.2024).

Возьмитель А. А., Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности) : науч.-метод. пособие. М. : Б. и., 2022. 640 с.

Голик Ю. В., Рыбалко С. С., Чернышева Ю. А. Понятие религиозной безопасности : современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3 (3). С. 67–73.

Марков А. П. Конфликт культурно-антропологических матриц России и Запада как источник информационных войн // Вестник КемГУКИ. 2016. № 36. С. 13–24.

Романовская В. Б., Сальников М. В., Силантьева В. А. Духовная безопасность в современном российском обществе : угрозы и пути их преодоления // Правовое государство : теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 52–60.

Рыдченко К. Д. Интересы и угрозы безопасности России в информационно-психологической сфере // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 349–351.

Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 50 с.

Тонконогов А. В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 46 с.

Тригубенко Ф., Горелова И. Культурная память и кризис идентичности в современной России // Вестник российской нации. 2019. № 6. С. 53–62.

Харсеева А. В. Духовные аспекты национальной безопасности современной России : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006. 26 с.

Шарапова М. А. Новая религиозность – угроза национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2 (43). С. 275–278.

Шибанова Н. М. Детство как стратегический ресурс культурного суверенитета России // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. 2023. Т. 18, № 2. С. 63–74.

Адыгейский государственный университет

Чирков Ф. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, докторант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, Заслуженный юрист Кубани

E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

Adyghe State University

Chirkov F. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Constitutional Construction and Political Science, Doctoral Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban

E-mail: Fil-chirkov@mail.ru

УДК 343.2/.7

ПРОПАГАНДА НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ В РАЗРЕЗЕ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (СТ. 282⁴ УК РФ И СТ. 20.3 КОАП РФ)

О. Е. Спиридонова

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

PROPAGANDA OF NAZI SYMBOLS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LIABILITY (ARTICLE 282⁴ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ARTICLE 20.3 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

O. E. Spiridonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Аннотация: освещаются особенности законодательного закрепления такого правового символа, как нацистская символика, и его дифференцирующая роль в установлении ответственности. Отмечено, что нацистской символике в современном правовом пространстве придан негативный смысл, связанный с проявлением экстремизма, фашизма. Особое внимание уделено пропаганде нацистской символики и ответственности за нее через призму КоАП РФ и УК РФ. Определено содержание понятий «нацистская символика» и «пропаганда», выделены признаки последней на основе закона и практики. Обоснована преемственность норм ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282⁴ УК РФ и необходимость их введения. Также назван критерий разграничения рассматриваемых составов административного правонарушения и преступления в виде административной преюдиции. Обозначены недостатки уголовно-правовой модели нормы, устанавливающей ответственность за пропаганду подобной символики. Предложены варианты устранения выявленных недостатков.

Ключевые слова: символика, нацизм, пропаганда, преступление, административное правонарушение, дифференциация ответственности.

Abstract: the article highlights the features of the legislative consolidation of such a legal symbol as Nazi symbols and its differentiating role in establishing responsibility. It is noted that Nazi symbols in the modern legal space are given a negative meaning associated with the manifestation of extremism and fascism. Particular attention is paid to the propaganda of Nazi symbols and responsibility for it through the prism of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation. The content of the concepts “Nazi symbols” and “propaganda” is determined, the characteristics of the latter are highlighted on the basis of law and practice. The continuity of the norms of Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses and Article 282⁴ of the Criminal Code and the need for their introduction are justified. A criterion for distinguishing between the considered elements of an administrative offense and the crime of administrative prejudice is also named. The shortcomings of the criminal law model of the norm establishing responsibility for the promotion of such symbols are identified. Options for eliminating the identified shortcomings are proposed.

Key words: symbolism, Nazism, propaganda, crime, administrative offense, differentiation of responsibility.

Мир правовых символов – это своеобразная дополнительная информация о правовом регулировании. Дополнительная в том смысле, что она не может заменить основную, выражающуюся в нормах законодательства. Ее назначение состоит в том, чтобы обратить внимание субъектов, предупредить их о правовых последствиях, констатировать юридическую значимость действий. Развернутый же и детальный смысл правовых символов содержится в нормах основного законодательства¹. Этот смысл может носить как позитивную, так и негативную окраску. Рассмотрим этот момент на примере нацистской символики. Так, во II в. до Рождества Христова свастику можно было увидеть на греческой одежде, это был своеобразный оберег, который охранял человека от демонов. На носу судов, принадлежащих скандинавским пароходствам, можно увидеть подобный символ в том же значении².

Однако в период действия фашистского уголовного права (1933–1945 гг.) свастика становится одним из символов фашизма, она как атрибут форменной одежды подпадает под уголовно-правовую защиту. В частности, в Германии в 1934 г. был принят Закон «Против коварных посягательств на государство и партию для защиты партийных форм одежды», где форма признавалась предметом преступления, поскольку фашистское уголовное право было направлено преимущественно на защиту идеологии и политики национал-социализма³. То есть этому символу стоит уже придавать негативный смысл.

На сегодняшний день нацистская символика в России – это символика с негативным содержанием, поскольку борьба с проявлениями фашизма – одно из направлений нашей государственной политики. Согласно действующему федеральному законодательству нацистская символика находится вне закона: запрещена ее пропаганда, публичное демонстрирование, ис-

пользование и иные действия⁴. За нарушение этого запрета наступает либо административная, либо уголовная ответственность. При этом в рамках уголовно-правового регулирования нацистская символика может рассматриваться как средство дифференциации отраслевой ответственности.

Дифференцирующая роль нацистской символики проявляется в том, что ее нанесение на здания или иные сооружения расценивается как акт вандализма (ч. 1 ст. 214 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)). Нанесение указанных символов на надмогильные сооружения образует надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ч. 1 ст. 244 УК РФ). Если такое осквернение носит политическую, идеологическую, национальную, расовую окраску, то уголовная ответственность за использование символов нацизма в упомянутом смысле ужесточается (ч. 2 ст. 214 и ч. 2 ст. 244 УК РФ соответственно). В том случае, когда виновный размещает нацистскую символику на мемориальном сооружении или объекте, увековечивающем память о защитниках Отечества, тем самым желая причинить ущерб его историко-культурному значению, имеет место преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ. Изображение свастики и иных нацистских символов на памятнике истории и культуры народов России следует трактовать как повреждение такого памятника (ст. 243 УК РФ). Если на этих объектах нанесены рисунки и надписи националистического толка с целью разжечь ненависть либо вражду, то налицо состав ст. 282 УК РФ, а при определенных условиях – и совокупность преступлений, предусмотренных соответственно ст. 214, 243, 243⁴, 244 и ст. 282 УК РФ. Такое правило о квалификации по совокупности преступлений озвучил Верховный Суд РФ⁵.

⁴ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : федер. закон от 19 мая 1995 г. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.10.2024).

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021). URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.10.2024). Несмотря на то, что норма ст. 243⁴ УК РФ была введена в 2020 г., в обновленной редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ ничего не говорится о возможной совокупности преступлений,

¹ См.: *Вопленко Н. Н.* Правовая символика и международное право // *Российская правовая система и международное право : современные проблемы взаимодействия*. Ч. II. Н. Новгород, 1998. С. 188 ; *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 9.

² См.: *Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* Энциклопедия символов. М., 1998. С. 10.

³ См.: *Малиновский А. А.* Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М., 1998. С. 43.

Если же подобные действия осуществлены в отношении Государственного флага Российской Федерации, то речь идёт о надругательстве над государственным символом и виновное лицо понесет ответственность по ст. 329 УК РФ. Пропаганда, демонстрация нацистской символики, ее изготовление или сбыт в целях пропаганды в установленных законом случаях образуют состав преступления, закрепленный в ст. 282⁴ УК РФ. Но как только эта символика будет использована в целях реабилитации нацизма, то сформируется одноименный состав реабилитации нацизма (ст. 354¹ УК РФ).

На основе сказанного можно заключить следующее. Во-первых, в части рассматриваемых преступлений мы можем наблюдать столкновение символов различной социальной окраски: «символа-негатива», коим выступает нацистская символика и с помощью которого происходит взлом охраняемых общественных отношений, и государственного символа или символа воинской славы (ст. 329, 243⁴, 354¹ УК РФ) как «символа-позитива», представляющего предмет преступного посягательства.

Во-вторых, подобную отраслевую дифференциацию ответственности следует, на наш взгляд, признать правильной, поскольку проявление нацизма и фашизма в Российской Федерации является вызовом обществу, порождает политическую напряженность, создает угрозу основам конституционного строя. Часть 2 ст. 29 Конституции РФ устанавливает запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду.

Также стоит отметить, что наличие нацистских символов в правовом поле задало вектор и для межотраслевой дифференциации ответственности, поскольку они явились предметом запрета и в административном праве (ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)). Образуют состав административного правонарушения пропаганда либо публичное демонстрация нацистской символики, изготовление или сбыт последней в целях пропаганды, а равно приобретение в целях сбыта или пропаганды. Указанные виды противоправного поведения корреспондируют с аналогичным уголовно-предусмотренных ст. 243⁴ и 282 УК РФ. Полагаем, что такая совокупность не исключается.

ловно-правовым запретом, который появился только в 2022 г. – ст. 282⁴ УК РФ. Это произошло в связи с участвовавшими случаями упомянутых видов антиобщественного поведения, а также с возросшим уровнем общественной опасности пропаганды нацистской символики, которая признана разновидностью экстремистской деятельности⁶.

В связи с этим рассмотрим пропаганду нацистской символики в контексте особенностей уголовной ответственности и критериев отграничения от административной. У двух норм разной отраслевой принадлежности есть общие моменты, ибо установленная в них ответственность является публично-правовой и преследует единую цель охраны публичных интересов. Они дополняют друг друга, но в то же время отличаются уровнем общественной опасности, а поэтому составы ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282⁴ УК РФ можно назвать смежными. Законодатель при конструировании нормы ст. 20.3 КоАП РФ исходил из презумпции достаточности мер административного воздействия к лицу, впервые осуществившему пропаганду и иные подобные действия в отношении нацистской символики. Если виновный повторил свое противоправное поведение, то меры административно-правового воздействия показали свою недостаточную эффективность, а потому надлежит прибегнуть к более строгому виду ответственности – уголовной. Именно поэтому в ст. 20.3 КоАП РФ используется формулировка «если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния», а уже в ст. 282⁴ УК РФ – «если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП».

В обеих рассматриваемых нормах речь идет о пропаганде и о нацистской символике. Но ни тот, ни другой признак законодательно не определен, поэтому будем выделять их смысл на

⁶ О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: [//pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru) ; Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности : утв. Указанием Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 16 июня 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [//sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 11.10.2024).

основе расшифровки тождественной терминологии в других нормах права, правовых позициях Верховного и Конституционного судов России, толковых словарях.

Согласно Википедии Джимбо Уэйлса* под нацистской символикой подразумеваются нацистская свастика, нацистский орел и эмблема СС (две молнии). Расположение свастики на государственных атрибутах Третьего рейха – гербе и флаге также относится к нацистской символике⁷. В свое время разрабатывался проект Федерального закона «О запрещении нацистской символики и литературы», согласно которому под нацистской символикой понимались знамена, значки, атрибуты униформы, приветствия, представляющие собой воспроизведение в любой форме и разновидности символики, использовавшейся национал-социалистической рабочей партией Германии и фашистской Италии: свастики, фасций, приветственных жестов⁸. Однако данный проект так и не стал законом, вместо него появился запрет на использование нацистской символики в ранее упоминавшихся федеральных законах «О противодействии экстремистской деятельности», «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и КоАП РФ без пояснения содержания рассматриваемого понятия.

Одновременно с принятием изменений в данных законах утратил силу единственный нормативный правовой акт, содержащий толкование понятия «нацистская символика», – Закон г. Москвы от 15 января 1997 г. № 1 (в ред. от 24.10.2001) «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы». Согласно ст. 1 под нацистской символикой понимались «знамена, значки, атрибуты униформы, приветствия и пароли, соответствующие символике, использовавшейся Национал-социалистической рабочей партией Германии и фашистской партией Италии: свастики и других отличительных знаков

государственных, военных и других структур, призванных преступными Нюрнбергским международным трибуналом, фасций (повязки), приветственных жестов и т. д., а также всякая другая символика и атрибутика, напоминающая нацистскую (фашистскую)»⁹.

Согласно позиции Верховного Суда РФ к нацистской относится символика, которая использовалась организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными, в частности знамена, значки, приветственные жесты и пароли, свастика¹⁰.

Таким образом, понятие «нацистская символика» хоть и определено в практике, но продолжает носить оценочный характер.

Теперь обратимся к термину «пропаганда». На основе законоположений об административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и педофилии (ст. 6.21 и 6.21.1 КоАП РФ соответственно) определяем, что «пропаганда» трактуется как распространение либо навязывание информации, а равно совершение публичных действий, вызывающих интерес и направленных на обоснование и (или) оправдание данных антиобщественных действий или формирование привлекательности таких форм поведения.

Проанализировав критерии оценки наличия данной пропаганды, предложенные Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), пришли к выводу, что таковыми являются: а) информация, направленная на убеждение адресата в привлекательности, предпочтительности и преимуществе не одобряемых обществом отношений, не укладывающихся в традиционные российские семейные ценности, а также на формирование искаженного представления о последних или отказ от

* Ресурс нарушает законодательство Российской Федерации.

⁷ См.: Википедии Джимбо Уэйлса. URL: //ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 18.10.2024).

⁸ О запрещении нацистской символики и литературы: федер. закон 1998 г. URL: //www.yabloko.ru/Themes/Stabil/stabil-4.html (дата обращения: 18.10.2024).

⁹ Закон утратил силу с 19 октября 2002 г. в соответствии с Законом г. Москвы от 18 сентября 2002 г. № 43 «О признании утратившими силу отдельных законов города Москвы в связи с принятием Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: //docs.cntd.ru/document/3611310 (дата обращения: 21.10.2024)).

¹⁰ Постановление Верховного Суда РФ от 11 декабря 2018 г. № 24-АД18-6. URL: //legalacts.ru (дата обращения: 30.09.2024).

них; б) систематическое распространение подобных материалов¹¹.

В свою очередь Конституционный Суд России при рассмотрении дел, касающихся правоприменительной практики нижестоящих судов..., при определении пропаганды исходил из того, что она предполагает активные публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую цель побудить или побуждающую лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения¹².

На основе правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации по ст. 6.21 КоАП РФ сформулируем признаки пропаганды в целом как явления¹³, которые будут иметь место и в случае пропаганды нацистской символики, дабы обеспечить единство содержания понятийного аппарата. Данные признаки совпадают с выделенными Верховным Судом РФ и ранее указанными позициями законодателя (в рамках КоАП РФ) и Роскомнадзора. Итак, признаки пропаганды нам видятся следующими:

а) это целенаправленное информированное воздействие (т. е. пропаганда должна быть направлена на потенциальную аудиторию);

¹¹ Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/> (дата обращения: 31.10.2024).

¹² По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова: постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Российская газета. 2014. 03 октября.

¹³ Там же.

б) это действия, побуждающие или имеющие целью побудить субъектов правовых отношений к определенному поведению;

в) пропаганда должна быть направлена на формирование предпочтений;

г) это публичные действия;

д) навязываемая информация (действия) должна(ы) иметь определенное (конкретное) содержание.

По этим признакам пропаганду стоит отличать от информирования. Последнее может не иметь публичного характера, а равно в нем отсутствует элемент навязывания информации (действия).

Под пропаганду нацистской символики при таком раскладе может, например, подпадать использование в общественных местах предметов, слов, жестов, использовавшихся национал-социалистической партией Германии и фашистской партией Италии, в целях оправдания нацизма¹⁴.

Определив суть понятия «пропаганда нацистской символики», проанализировав признаки преступления «Неоднократная пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской символики...», осветим те особенности законодательной конструкции нормы ст. 282⁴ УК РФ, которые можно считать недостатками:

1) несоответствие наименования статьи ее содержанию в части указания на виды преступных действий, поскольку в наименовании обозначены только пропаганда и публичное демонстрирование, которые закреплены в ч. 1 ст. 282⁴ УК РФ. Вторая же часть этой статьи определяет преступность изготовления, сбыта (оба действия в целях пропаганды), приобретения в целях сбыта или пропаганды соответствующих предметов преступления;

2) предметы преступления в отличие от преступных видов поведения практически полностью воспроизведены в названии статьи в соответствии с формулировкой ч. 1 и 2 ст. 282⁴ УК РФ: «нацистская атрибутика или символика, либо атрибутика или символика экстремистских организаций, либо иная атрибутика или символика, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными закона-

¹⁴ См.: Прокуратура Ярославской области разъясняет положения статьи 20.3 КоАП РФ. URL: [https://www.yarregion.ru/depts/drj/DocLib7/Разъяснения ст.20.3 КоАП РФ.pdf](https://www.yarregion.ru/depts/drj/DocLib7/Разъяснения%20ст.20.3%20КоАП%20РФ.pdf) (дата обращения: 31.10.2024).

ми». Не отражена в названии только «атрибутика или символика, сходная с нацистской до степени смешения», однако такое перечисление, на наш взгляд, достаточно громоздко;

3) отличие преступления от аналогичного административного правонарушения проведено по признаку неоднократности, если исходить из названия ст. 282⁴ УК РФ, в то время как в диспозициях норм ч. 1, 2 данной статьи речь идет об административной преюдиции: «лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ» – это разные правовые категории и разные законодательные конструкции. Признак «неоднократность» в контексте современного уголовного закона наличествует и в случае неприменения мер административного воздействия к правонарушителю (например, ст. 154, 180 УК РФ). Если законодатель задумал норму ст. 282⁴ УК РФ как с административной преюдицией, то и нужно было это отразить в наименовании статьи со звуочно, единообразно с терминологией, используемой им в составах с аналогичной конструкцией (см., например, ст. 116¹, 264¹ УК РФ).

Указанные три недостатка можно причислить к сбою в законодательной технике. Полагая возможным его исправить, предложив следующее название ст. 282⁴ УК РФ: «Пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление, сбыт либо приобретение запрещенной атрибутики или символики лицом, подвергнутым административному наказанию» – в нем определены родовые признаки преступления, которые более подробно описаны в диспозициях норм соответствующих частей рассматриваемой статьи;

4) законодатель причислил к разряду экстремисткой деятельности пропаганду нацистской символики и признал ее преступной в случае повторного совершения после привлечения к административной ответственности. Но в то же время в обратной ситуации – при наличии судимости по ст. 282⁴ УК РФ и повторной пропаганды после совершения преступления – общественная опасность содеянного резко падает вновь до уровня общественной опасности административного правонарушения. Получается, что ситуация с наличием непогашенной и не снятой судимости за пропаганду нацистской

символики не учтена законодательно как повышающая уровень общественной опасности.

Как отметил Конституционный Суд России, повторное совершение запрещенного законом деяния, тождественного или подобного (однородного) по объективным признакам, говорит о повышенной степени его общественной опасности, а если оно совершено лицом, имеющим судимость, – еще и о недостаточности использованных уголовно-правовых средств для предотвращения рецидива. Игнорировать состояние предшествующей судимости федеральный законодатель не должен, потому как это ставило бы лиц, имеющих судимость за преступление с административной преюдицией, в привилегированное положение по сравнению с лицами, подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние¹⁵.

Исходя из приведенных рассуждений, предлагаем аналогично мысли, высказанной ранее Конституционным Судом России о совершенствовании нормы ст. 116¹ УК РФ, а также вслед за отдельными положениями закона (например, ст. 264¹ УК РФ) дополнить редакцию нормы ч. 1 и 2 ст. 282⁴ УК РФ после фразы «если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП» словами «либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи». Такое изменение, на наш взгляд, позволит, во-первых, в полном объеме провести дифференциацию ответственности, во-вторых, обеспечить единообразный подход и преемственность сходных по конструкции составов преступлений;

5) статья 282⁴ УК РФ содержит в себе две части с самостоятельными составами преступлений, различающимися только видами преступного поведения. В ч. 1 устанавливается ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование, в том числе нацистской символики, а по ч. 2 наказуемо ее изготовление или сбыт в целях пропаганды, а равно приобретение в целях сбыта или пропаганды. Других отличий по при-

¹⁵ По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой : постановление Конституционного Суда РФ от 08 апреля 2021 г. № 11-П. URL: [//publication.pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru) (дата обращения: 01.11.2024).

знакам преступлений нет: объект и предмет один и тот же, одинаковые субъективные признаки, и санкции норм указанных частей повторяют друг друга точь-в-точь. Такое выделение составов выглядит, по нашему мнению, искусственно, нелогично и нарушает правило экономии языковых средств при изложении нормативного материала. Нельзя подобную конструкцию оправдать и преемственностью с моделью нормы ст. 20.3 КоАП РФ, поскольку из содержания ее санкций следует, что изготовление или сбыт в целях пропаганды, а равно приобретение в целях сбыта или пропаганды имеют большую общественную опасность, нежели пропаганда и публичное демонстрирование. Поэтому составы этих административных правонарушений были оформлены в две части.

В связи с этим полагаем целесообразным в рамках ст. 282⁴ УК РФ объединить два состава преступления в один, оставив, как и прежде, его сложным составом: с несколькими альтернативными предметами преступления, с несколькими альтернативными действиями.

Также обратим внимание еще на одну особенность. Санкции ч. 1 и 2 ст. 20.3 КоАП РФ предусматривают в качестве наказания конфискацию предмета административного правонарушения, т. е. нацистскую символику. В ст. 104¹ УК РФ конфискация как иная мера уголовно-правового характера по ст. 282⁴ УК РФ не применима несмотря на то, что это преступление экстремистской направленности. По ст. 104¹ УК РФ конфискации, в частности по экстремистским преступлениям, подлежит: а) имущество, полу-

ченное в результате совершения определенных преступлений; б) имущество, используемое или предназначенное для финансирования экстремистской деятельности; в) средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. В рассматриваемом преступлении нацистская символика не принадлежит ни к одному из перечисленных видов имущества, а представляет собой предмет преступления, поэтому и не может быть конфискована в уголовно-правовом смысле. Она будет только вещественным доказательством согласно п. 2 ч. 1 ст. 81 Уголовного процессуального кодекса РФ.

Таким образом, на основе всего сказанного можно заключить, что государством предприняты меры по противодействию на законодательном уровне пропаганде нацистской символики, выстроен механизм дифференцированной защиты от проявлений нацизма (фашизма), но в то же время этот механизм нуждается в некотором совершенствовании, в частности по вопросу уголовной ответственности.

Библиографический список

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М., 1998. 512 с.

Вопленко Н. Н. Правовая символика и международное право // Российская правовая система и международное право : современные проблемы взаимодействия. Ч. II. Н. Новгород, 1998. С. 188.

Малиновский А. А. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М., 1998. 128 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. 192 с.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Спиридонова О. Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

E-mail: oe_spiridonova@mail.ru

P. G. Demidov Yaroslavl state University
Spiridonova O. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law and Criminology Department

E-mail: oe_spiridonova@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Р. А. Забавко

Иркутский государственный университет

ENVIRONMENTAL CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION

R. A. Zabavko

Irkutsk State University

Аннотация: приводится сравнительный анализ норм КоАП РФ и УК РФ в области охраны окружающей среды. Указывается, что несмотря на то, что составы административных правонарушений часто являются вариантом государственно-правовой реакции на деяния, при которых установлена его малозначительность (в рамках уголовной ответственности), соответствующие статьи КоАП РФ и УК РФ не согласованы ни по объекту, ни по общественно-опасному деянию. Определено, что некоторые составы административных правонарушений образуют административную преюдицию для уголовной ответственности за аналогичные деяния. Между тем одно административное правонарушение может служить основанием для преюдиции преступлений, предусмотренных разными главами УК РФ. Установлено использование разной терминологии, в частности порча земель в указанных кодексах имеет разное описание. В качестве недостатка уголовной ответственности названо отсутствие уголовно-правовой охраны владельческих прав на природные ресурсы, тогда как некоторые виды посягательств на собственность в отношении природных ресурсов закреплены в КоАП РФ.

Ключевые слова: экологические преступления, природные ресурсы, окружающая среда, систематизация правонарушений, административная ответственность.

Abstract: the article provides a comparative analysis of the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation in the field of environmental protection. It is indicated that despite the fact that the compositions of administrative offenses are often a variant of the state-legal reaction to acts in which the insignificance of the act is established (within the framework of criminal liability), the relevant articles of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation are not synchronized either by object or by socially dangerous act. It is determined that some elements of administrative offenses form an administrative prejudice for criminal liability for similar acts. Meanwhile, one administrative offense may serve as a basis for the prejudice of crimes provided for by different chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The use of different terminology has been established, in particular, land damage in these codes has a different description. The lack of criminal law protection of ownership rights to natural resources is cited as a disadvantage of criminal liability, whereas some types of encroachments on property in relation to natural resources are enshrined in the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: environmental crimes, natural resources, environment, systematization of offenses, administrative responsibility.

Сосуществование Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающего ответственность за схожие деяния, часто порождает значительные теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные проблемы. Особенно характерно это для норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления и административные правонарушения в области охраны окружающей среды. Это, в свою очередь, требует системной реакции со стороны научного сообщества, рефлексией которого должно стать осознание сущности и масштабов имеющихся противоречий, а также формулирование предложений по их преодолению посредством совершенствования теории, закона и практики.

В УК РФ ответственность за преступления в области охраны окружающей среды предусмотрена преимущественно в нормах главы 26, однако отдельные посягательства вынесены за ее пределы:

- в ст. 191 и 191¹ УК РФ (глава 22) криминализованы соответственно незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга и приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины;

- в ст. 226¹ УК РФ (глава 24) криминализованы контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов (в их числе древесина и изделия из нее) или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов;

- в ст. 245 УК РФ (глава 25) криминализовано жестокое обращение с животными;

- в ст. 358 УК РФ (глава 34) криминализован экоцид.

В КоАП РФ ответственность за административные правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными предусмотрена преимущественно нормами главы 8. Однако отдельные виды правонарушений, связанных прежде всего с нарушением права собственности на отдельные виды природных ресурсов, сосредоточены в главе 7 КоАП РФ (административные правонарушения в области охраны собственности).

Вообще охрана права собственности на природные ресурсы – отдельный, заслуживающий самостоятельного исследования вопрос. Несмотря на то, что вопрос разграничения экологических преступлений и преступлений против собственности решен давно¹, проблема охраны владельческих прав на природные ресурсы весьма актуальна. И если в КоАП РФ соответствующие составы предусмотрены (хотя к ним есть ряд вопросов), то в УК РФ их нет. На практике же посягательства на природные ресурсы, в ходе которых виновный ими завладевает, часто имеют гораздо большую общественную опасность, чем хищения, что требует уголовно-правовой реакции².

При этом составов административных правонарушений значительно больше, чем составов экологических преступлений. Это вполне объяснимо тем, что сама сущность административной ответственности за экологические правонарушения связана с защитой установленного порядка использования природных ресурсов, тогда как экологические преступления посягают на общественные отношения, обеспечивающие сохранение окружающей среды и природных ресурсов, и имеют повышенную общественную опасность. Между тем объекты посягательства в рассматриваемых административных правонарушениях и преступлениях схожи – в обоих случаях они связаны с наличием потребности в сохранении качественной окружающей среды и обеспечении рационального природопользования.

В то же время между некоторыми административными правонарушениями и преступлениями имеется прямая связь. Так, ст. 7.5 КоАП РФ образует административную преюдицию для ст. 191 и 255 УК РФ, однако у всех трех норм сущность объекта правовой охраны разная: в ст. 7.5 КоАП РФ это отношения собственности, в ст. 191

¹ См.: Гаевская Е. Ю. К вопросу о разграничении хищений и фаунистических преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 135–143; Жевлаков Э. Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. 2017. № 2. С. 55–63; Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М., 2012. 528 с.; и др.

² См.: Глазырин М. А. Объект уголовно-правовой охраны природных ресурсов: экономика или экология? // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 316–325.

УК РФ – отношения в сфере экономической деятельности, а в ст. 255 УК РФ – в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования. На практике это затрудняет реализацию уголовной ответственности. В частности в ст. 191 и 255 УК РФ говорится о совершении «аналогичного» деяния, предусмотренного ст. 7.5 КоАП РФ (в которой предусмотрены и добыча, и оборот полудрагоценных камней). Если толковать закон дословно, аналогичным деянием для ст. 191 УК РФ будет оборот, а для ст. 255 УК РФ – добыча, и к уголовной ответственности за незаконный оборот полудрагоценных камней нельзя привлечь лицо, которое ранее совершило их незаконную добычу. Предполагаем, что это неправильный подход, и толкуя закон системно, можно считать, что оба административно наказуемых деяния образуют административную преюдицию для указанных преступлений.

Некоторые ученые, в частности А. А. Котова, предлагают объединить такие составы в одной статье³. Полагаем, в целом это правильное решение, однако считаем, что в интересах предупреждения экологических преступлений ответственность за незаконный оборот полудрагоценных камней целесообразнее включить в ст. 255 УК РФ.

Думается, такой подход должен быть применен и к иным составам преступлений, содержащимся в УК РФ за пределами главы 26⁴. Так, например, оборот заведомо незаконно добытой древесины хотя и нарушает отношения в области экономической деятельности, так как посягает на право государства владеть всей древесиной, полученной из лесов, владельческие права на которые оно не передало лесозаготовителям в установленном порядке, данное преступление напрямую связано с охраной деревьев, кустарников и лиан, произрастающих в лесах и вне их. Это подтверждается также и тем обстоятельством,

что уголовная ответственность за оборот заведомо незаконно заготовленной древесины обеспечивает раннюю превенцию для незаконной рубки лесных насаждений, так как взять под контроль места сбыта древесины гораздо проще, чем места их рубки.

Очень часто при охране окружающей среды и природных ресурсов административная ответственность является способом обеспечения экологической безопасности и экологического правопорядка при малозначительности деяний, в которых имеются признаки составов экологических преступлений, но которые по причине их невысокой общественной опасности не могут причинить вред охраняемым интересам граждан, общества или государства. Так, незаконная охота, при которой отсутствует ущерб, превышающий 40 тыс. руб. (определяется по утвержденным Правительством РФ таксам и методикам), а также отсутствуют иные признаки, предусмотренные п. «б–г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, квалифицируется по ст. 8.37 КоАП РФ. Между тем специфика терминологии и конструирования указанных составов порождает порой неоднозначную правоприменительную практику. Так, под охотой понимается «деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой»⁵. Принимая во внимание, что транспортировка всегда осуществляется с применением механических транспортных средств, можно предположить, что транспортировка незаконно добытого дикого животного, добытого даже не транспортирующим его лицом, при наличии крупного ущерба всегда влечет уголовную ответственность по ст. 258 УК РФ. Именно так указанные деяния и квалифицируются на практике.

Так, гражданин Ч. был задержан в процессе транспортировки умерщвленного дикого животного. Как пояснил гражданин Ч., зверя он не добывал, а просто нашел в лесу и решил забрать себе, при этом обратное в процессе предварительного расследования доказано не было. Однако суд признал гражданина Ч. виновным в совершении незаконной охоты по ч. 1 ст. 258 УК

³ См.: Котова А. А. К вопросу об объекте самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Современные проблемы квалификации и расследования экологических преступлений : Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 июня 2023 г. М., 2023. С. 264–267 ; Её же. К вопросу об уголовной ответственности за самовольную добычу янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 54–57.

⁴ См.: Фиськов И. А. Уголовная ответственность за незаконное использование лесов : автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 26 с.

⁵ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30. Ст. 3735.

РФ, сославшись на содержание указанного выше п. 5 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Полагаем, что такой подход не является верным, поскольку в нем отсутствует общественная опасность, непосредственно связанная с сокращением популяций животных, отнесенных к охотничьим ресурсам. В то же время транспортировка добычи туш животных лицами, заранее обещавшими охотникам, намеревающимся осуществить незаконную добычу диких птиц и зверей, образуют состав указанного преступления, а виновные подлежат ответственности как соисполнители, а не как пособники.

Указанная проблема обусловлена тем, что диалектически связанные между собой составы, предусмотренные ст. 258 УК РФ и ст. 8.37 КоАП РФ, изложены совершенно по-разному, без использования единой терминологии. Однако следует отметить, что законодатель стремится облегчить правоприменительную работу и порой синхронизирует основания уголовной и административной ответственности (конечно, разделяя их по степени общественной опасности). Так, например, Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменил содержание ст. 258¹ УК РФ таким образом, что в ней теперь используются те же термины и подходы, что и в ст. 8.35 КоАП РФ.

Зачастую уголовная и административная ответственность за одни и те же нарушения (по названию) предусмотрена за совершенно разные деяния. Так, административная ответственность за порчу земель по ст. 8.6 КоАП РФ наступает за самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы (ч. 1) и его уничтожение, а равно порча земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления, требова-

ний к обращению побочных продуктов животноводства при использовании побочных продуктов животноводства (ч. 2). В то же время уголовно наказуемая порча земель (ст. 254 УК РФ) – это отравление, загрязнение или иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Уголовно наказуемое самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы фактически не предусмотрено.

Полагаем, что УК РФ и КоАП РФ должны быть синхронизированы в части содержания объекта охраны, описания деяний, формы вины и т. д., но отличаться степенью общественной опасности. Для тех деяний, которые причиняют вред в области управления природными ресурсами, достаточно составов административных правонарушений, а уголовная ответственность вообще не требуется.

Таким образом, существует целый ряд проблем систематизации экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды.

Во-первых, большая часть составов административных правонарушений и преступлений не синхронизированы по объекту и общественно опасному деянию.

Во-вторых, при их описании часто используются разные термины, а одни и те же термины могут быть применены в разных значениях.

В-третьих, в УК РФ в отличие от КоАП РФ не предусмотрена охрана владельческих прав на природные ресурсы.

Библиографический список

Гаевская Е. Ю. К вопросу о разграничении хищений и фаунистических преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 135–143.

Глазырин М. А. Объект уголовно-правовой охраны природных ресурсов : экономика или экология? // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 316–325.

Жевлаков Э. Н. О разграничении экономических и экологических преступлений : теория, законода-

⁶ Апелляционное определение Новосибирского областного суда (Новосибирская область) от 21 апреля 2016 г. № 33-3919/2016 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/eHlrLCbMw0gj/>

тельство, практика // Уголовное право. 2017. № 2. С. 55–63.

Котова А. А. К вопросу об объекте самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Современные проблемы квалификации и расследования экологических преступлений : Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 9 июня 2023 г. М. : Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 264–267.

Котова А. А. К вопросу об уголовной ответственности за самовольную добычу янтаря, не-

фрита или иных полудрагоценных камней // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 54–57.

Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 528 с.

Фиськов И. А. Уголовная ответственность за незаконное использование лесов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 26 с.

Иркутский государственный университет
Забавко Р. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
E-mail: zrairk@gmail.com

Irkutsk State University
Zabavko R. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department
E-mail: zrairk@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

А. В. Машкова

Воронежский государственный университет

PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL INDUCED ABORTION

A. V. Mashkova

Voronezh State University

Аннотация: анализируются проблемные вопросы, касающиеся уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности и их влияния на уголовно-правовую квалификацию ненадлежащего оказания медицинской помощи. Определено содержание криминообразующих признаков преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ. Установлена уголовно-правовая роль согласия пациента на проведение аборта для целей разграничения смежных составов преступлений. Дана оценка образовательному признаку субъекта данного преступления и установлена необходимость его расширения аккредитационным компонентом. Проанализированы иные основания незаконности данного медицинского вмешательства и возможная целесообразность расширения уголовно-правовых критериев его неправомерности, а также определен момент окончания незаконного проведения аборта. Предлагаются направления совершенствования уголовного закона и практики его применения посредством изменения норм об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи данного вида неуполномоченным лицом.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, незаконный аборт, медицинское вмешательство, медицинский работник, согласие пациента, медицинская помощь, субъект преступления.

Abstract: the article refers to issues related to criminal liability for illegal induced abortion and their influence on criminal law qualification of improper provision of medical care. The content of crime-forming signs of the crime under Art. 123 of the Criminal Code of the Russian Federation is defined. The criminal legal role of the patient's consent to an abortion is established for the purpose of distinguishing related offenses. An assessment of the educational characteristics of the subject of this crime is made and the need to expand it with an accreditation component is established. Other grounds of the illegality of this medical intervention and the possible expediency of expanding the criminal law criteria of its illegality are analyzed, and the moment of the end of the illegal abortion is determined. Trends of the improvement of criminal law and its enforcement practice by changes to rules about liability for improper provision of medical care of this type by an unauthorized person are offered.

Key words: induced abortion, illegal abortion, medical intervention, medical worker, informed consent, medical care, subject of the crime.

Процесс оказания медицинской помощи как один из видов социально значимой медицинской деятельности подлежит регламентации в целях обеспечения жизни и здоровья лиц, кото-

рым выполняются медицинские вмешательства. Несмотря на законодательно определенную¹

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

позитивную целевую направленность медицинской деятельности в виде профилактики, диагностики, лечения заболеваний и последующей реабилитации организма, фактические результаты ее осуществления могут характеризоваться неблагоприятными исходами. При этом наступление смерти или причинение вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, как правило, отражает сущность ятрогенных преступлений, содержание объективной стороны которых включает наличие профессиональных нарушений уполномоченных на проведение медицинских вмешательств субъектов – медицинских работников. Кроме указанных посягательств действующим уголовным законом предусмотрена ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности по профилю «акушерство и гинекология» при проведении конкретного медицинского вмешательства – искусственного прерывания беременности, основанием криминализации которого с учетом положений ст. 123 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) выступает недопустимость оказания медицинской помощи неуполномоченными лицами. Содержание указанного уголовно-правового запрета, а также юридическая оценка ненадлежащего оказания медицинской помощи по признакам преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, вызывает дискуссии и требует уточнения отдельных проблемных аспектов.

С учетом расположения анализируемой статьи в главе УК РФ, объединяющей нормы, направленные на охрану жизни и здоровья человека, основной непосредственный объект данного преступления представляет собой здоровье беременной женщины² либо ее жизнь и здоровье³, которым незаконным аборт фактически причиняется вред либо создается угроза причинения вреда. Формальная конструкция основного состава данного преступления указывает на то, что для привлечения к уголовной ответственности достаточно лишь проведения указанного медицинского вмешательства неупол-

номоченным лицом без фактического наступления общественно опасных последствий, что отражает присущую всем составам данного типа высокую степень общественной опасности, несомненно характерную и для незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Действительно, нельзя исключать возможность негативного воздействия на организм женщины при проведении аборта неуполномоченным на данное медицинское вмешательство субъектом, что в некоторых случаях, однако, может не создавать угрозу для ее жизни и здоровья, например, при наличии у лица, выполняющего прерывание беременности, достаточных фактических знаний, умений и навыков, по каким-либо причинам не подтвержденных наличием диплома о высшем медицинском образовании соответствующего профиля. Криминализация в основном составе анализируемого преступления не неблагоприятного исхода, а именно ненадлежащего процесса оказания медицинской помощи подтверждает верность позиции о наличии в деянии, предусмотренном ч. 1 ст. 123 УК РФ, такого объекта посягательства, как установленный в здравоохранительных целях порядок проведения искусственного прерывания беременности⁴, нарушение которого создает угрозу для жизни и здоровья не конкретного пациента, а неопределенного круга лиц в виде всего населения. Представляется, что на основании изложенного основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 123 УК РФ, следует считать безопасность здоровья населения, обеспечиваемую установленным порядком проведения искусственного прерывания беременности. Предлагаемое понимание объекта данного преступления, отражающее сущность последнего, потребует внесения изменений в действующий уголовный закон в части расположения ст. 123 УК РФ в соответствующей главе Особенной части с учетом приоритета уголовно-правовой охраны общественных отношений и благ, посягательство на которые совершается при незаконном проведении искусственного прерывания беременности. Жизнь и здоровье беременной женщины будут выступать в качестве дополнительных

² См.: Уголовное право. Особенная часть : в 2 т. Т. 1 : учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.] ; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М., 2020. С. 108.

³ См.: Лозанович Л. А. Незаконное производство аборта : уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 86.

⁴ См.: Чуприков Р. А. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ // Вестник СПбГУ. Серия 14. 2016. № 2. С. 44.

объектов указанного посягательства только в случае причинения вреда здоровью или смерти лица, которому проводилось медицинское вмешательство по прерыванию беременности, что свидетельствует о невозможности отнесения данного деяния к числу преступлений против личности.

Потерпевшей в составе незаконного проведения искусственного прерывания беременности признается беременная женщина, с согласия которой проводилось данное медицинское вмешательство⁵. Добровольность искусственного прерывания беременности вопреки отсутствию прямого указания в уголовном законе на необходимость наличия такого согласия является необходимым условием для квалификации содеянного по ст. 123 УК РФ с учетом иных криминообразующих признаков, поскольку позволяет разграничить рассматриваемый уголовно-правовой запрет и нормы об ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, одним из признаков которого является прерывание беременности⁶.

Упомянутое согласие на проведение данного медицинского вмешательства, даже в случаях осведомленности пациентки об отсутствии необходимых образовательных характеристик у лица, проводящего искусственное прерывание беременности, фактически превращающее беременную женщину в «подстрекателя» к ненадлежащему оказанию ей медицинской помощи⁷, не может восприниматься в качестве основания для признания правомерным такого воздействия на организм со стороны не уполномоченного на осуществление медицинской деятельности определенного содержания субъекта. Такое «волеизъявление лица ... на причинение вреда либо поставление себя в опасность при-

чинения вреда для достижения личной цели»⁸ – прерывание нежелательной беременности – не позволяет считать указанное медицинское вмешательство, проведенное ненадлежащим субъектом, соответствующим выделяемым в науке в качестве признаков обстоятельств, исключающих преступность деяния, критериям общественной полезности либо социальной допустимости⁹, но может восприниматься как признак относительной правомерности и меньшей общественной опасности внешнего воздействия на права и интересы, находящиеся в свободном распоряжении их носителя в лице потерпевшего¹⁰, а именно репродуктивного права матери на аборт. В связи с этим в настоящее время не имеется оснований для реализации в законодательстве высказываемой в доктрине точки зрения о декриминализации незаконного аборта¹¹, поскольку крайне важным для государства с учетом политики развития демографического потенциала России является укрепление здоровья граждан, что может быть, помимо иных мер, обеспечено уголовно-правовой охраной здоровья населения при производстве аборт, независимо от готовности пациентки к совершению в отношении нее соответствующих медицинских манипуляций небезопасным способом.

Для целей разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 111 и 123 УК РФ, и уточнения правоприменительной практики вполне обоснованным представляется мнение о необходимости дополнения диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ указанием на наличие обязательного согласия потерпевшей¹². При этом следует отметить особенности данного согласия, которое с учетом законодательной регламентации ме-

⁵ См.: *Нагорная И. И.* Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг : сравнительно-правовой анализ : монография. М., 2014. С. 77.

⁶ Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012) // Российская газета. 2008. 05 сентября. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: *Разгельдеев Н. Т.* Уголовно-правовые проблемы ответственности несовершеннолетних : монография. М., 2019. Доступ из цифрового сервиса «Литрес».

⁸ *Газданова Е. К.* Согласие потерпевшего в уголовном праве : понятие, характеристика, значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

⁹ См.: *Орешкина Т. Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие для магистрантов / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2017. С. 33.

¹⁰ См.: *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. Учение о преступлении. М., 1961. С. 411.

¹¹ См.: *Панкратов В.* Проблемы установления уголовной ответственности за незаконное производство аборт // Уголовное право. 2001. № 3. С. 41–42.

¹² См.: *Горбатова М. А.* Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье : понятие, система и уголовно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 7.

дицинской деятельности¹³ и установленной в ст. 6.32 КоАП РФ административной ответственности за несоблюдение требований о получении информированного добровольного согласия при проведении искусственного прерывания беременности может приобретать вид фактического волеизъявления женщины на выполнение ей указанного медицинского вмешательства, в том числе без оформления официального документа, подтверждающего позицию пациента относительно оказания в медицинских целях воздействия на свой организм, приводящего к нарушению телесной неприкосновенности, анатомической целостности и физиологического функционирования органов и тканей, т. е. оцениваемых как причинение вреда здоровью¹⁴, но не имеющего признака неправомерности. Таким образом, отсутствие формального (официального) согласия на проведение медицинского вмешательства и фактически недобровольное производство аборта, для которого имеет значение наличие возражения либо отказа женщины от искусственного прерывания беременности, получают различную уголовно-правовую оценку.

Действующим российским законодательством предусмотрены две группы требований для легального осуществления данного медицинского вмешательства: формальные (дача пациентом информированного добровольного согласия, проведение искусственного прерывания беременности в медицинской организации, имеющей лицензию, врачом-акушером-гинекологом, т. е. лицом, имеющим высшее медицинское образование по профилю «акушерство и гинекология»), а также медицинские (срок беременности, отсутствие медицинских противопоказаний)¹⁵, несоблюдение которых влечет административную ответственность, за исклю-

чением криминализованного в ст. 123 УК РФ неправомерного поведения субъекта без необходимого профильного высшего медицинского образования, что указывает на отсутствие полного запрета аборт и уголовно-правовой охраны эмбриона¹⁶. Достаточно формальный признак незаконности проведения искусственного прерывания беременности отражает криминообразующую роль только субъекта в составе данного преступления, что вызывает дискуссии относительно необходимости расширения свойств уголовно наказуемых аборт.

Небезопасность проведения искусственного прерывания беременности лицами, не имеющими для этого соответствующего образования, подтверждается высокими мировыми показателями материнской смертности по таким причинам¹⁷. Однако нельзя отрицать, что иные обстоятельства, при которых выполняются медицинские вмешательства, связанные с производством аборта, также могут служить фактором создания угрозы либо наступления общественно опасных последствий для жизни и здоровья пациенток, обращающихся за оказанием медицинской помощи данного профиля.

В связи с этим заслуживают внимания позиции доктрины о необходимости расширения перечня криминообразующих признаков в ст. 123 УК РФ. Так, предлагается применять нормы данной статьи и для целей уголовно-правовой оценки ненадлежащего проведения искусственного прерывания беременности уполномоченным на осуществление данного медицинского вмешательства врачом-акушером-гинекологом при наличии признаков нарушения установленного порядка проведения искусственного прерывания беременности¹⁸, в том числе по истечении указанных в законодательстве сроков¹⁹. Однако уголовный закон и без данного дополнительного криминообразующего обстоятель-

¹³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (в ред. от 17.11.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Мограбян А. С. Искусственное прерывание беременности – угроза безопасности общества // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6. С. 53.

¹⁶ См.: Вертепова Т. А. К вопросу об уголовно-правовой охране человеческого эмбриона // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 93.

¹⁷ См.: Руководство по уходу при прерывании беременности : основные положения // Всемирная организация здравоохранения, 2022. URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/09-03-2022-who-releases-new-guidelines-on-safe-abortion> (дата обращения: 23.10.2024).

¹⁸ См.: Чуприков Р. А. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ См.: Тасаков С., Шумилов А. Искусственное прерывание беременности (аборт). Уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2004. № 2. С. 69.

ства позволяет дать уголовно-правовую оценку несоблюдению сроков, показаний либо процедуры проведения искусственного прерывания беременности уполномоченным медицинским работником при наступлении неблагоприятного исхода или без него по ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, 124 и 238 УК РФ.

Кроме того, предпринимаются попытки изменения оснований незаконности проведения искусственного прерывания беременности, квалифицируемой по ст. 123 УК РФ, посредством указания на ограничение данного медицинского вмешательства с позиций уголовно-правовой охраны плода²⁰, не допускающей абортов. Данная точка зрения в большей степени имеет отношение не к обеспечению охраны жизни и здоровья лиц при оказании медицинской помощи как основного целевого назначения рассматриваемого уголовно-правового запрета, а к уголовно-правовому регулированию реализации репродуктивных прав.

Законодательная регламентация искусственного прерывания беременности включает наряду с прочим наличие ограничений проведения данного медицинского вмешательства указанием места в виде медицинской организации, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности по «акушерству и гинекологии (искусственному прерыванию беременности)», условий оказания медицинской помощи (амбулаторно, дневной стационар, стационар)²¹. Поэтому в науке предлагают дополнить ст. 123 УК РФ криминообразующими признаками, относящимися к проведению рассматриваемого медицинского вмешательства «в ненадлежащих условиях» либо «вне медицинского учреждения»²².

На основе анализа доктринальных взглядов на критерии незаконности проведения искусственного прерывания беременности следует

сделать вывод о нецелесообразности расширения криминообразующих признаков данного преступления указанием на нарушение иных предусмотренных законодательством требований к выполнению рассматриваемого медицинского вмешательства, в том числе несоблюдение допустимых сроков и его осуществление вне медицинской организации. Такое ненадлежащее оказание медицинской помощи получает самостоятельную уголовно-правовую оценку по другой норме в случае выполнения данного медицинского вмешательства врачом-акушером-гинекологом либо не требует учета при квалификации ввиду повышенной общественной опасности совершения деяния лицом без специального образования, не имеющего достаточных знаний и навыков для определения правил производства аборта и не обязанного их знать ввиду отсутствия специального медицинского статуса. Однако причинение вреда здоровью женщины или ее смерть вследствие проведения искусственного прерывания беременности ненадлежащим субъектом, квалифицируемые по ч. 3 ст. 123 УК РФ, свидетельствуют о допущении таким лицом нарушений порядка проведения данного медицинского вмешательства, что не получает дополнительной уголовно-правовой оценки, но учитывается при установлении причинной связи.

Признаки субъекта незаконного проведения искусственного прерывания беременности, несмотря на прямое указание данного аспекта законодателем в диспозиции нормы, предусматривающей основной состав преступления, не лишены дискуссионности. Представленная в уголовном законе характеристика ненадлежащего исполнителя указанного медицинского вмешательства, свидетельствующая о незаконности оказания медицинской помощи, не учитывает всех необходимых условий получения права на осуществление медицинской деятельности, включающих не только наличие специального образования, но и прохождение аккредитации²³, что может привести к неоправданному исключению из числа ответственных лиц тех, уровень образования которых имеет формальное подтверждение, но актуальность образова-

²⁰ См.: Козаченко И. Я. Уголовно-правовая охрана плода человека : de jure и de facto // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 81.

²¹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» : приказ Минздрава России от 20 октября 2020 г. № 1130н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

²² См.: Мустафаев С. Э. Уголовно наказуемое прерывание беременности : проблемные аспекты уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 114–115.

²³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельных компетенций которых вызывает сомнения.

Законодательно закрепленный признак отсутствия соответствующего медицинского образования отражает спорное восприятие круга субъектов данного преступления – все лица, характеризующиеся данным отрицательным признаком²⁴, либо только медицинские работники без требуемого образования²⁵. Поскольку фактически проведение искусственного прерывания беременности может быть осуществлено лицом, не принадлежащим к медицинскому сообществу, то следует отдавать приоритет широкому подходу к пониманию субъекта анализируемого преступления.

С учетом особенностей субъекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, способы совершения данного медицинского вмешательства могут быть разнообразными (медикаментозный аборт, вакуум-аспирация, хирургическая операция, «народные», предполагающие, например, введение в полость матки механических предметов, и др.) и не влияют на квалификацию преступления по ст. 123 УК РФ. При этом ввиду неопределенности значения категории «проведение» как процесса или как итога его осуществления важным вопросом является учет достижения лицом преступного результата в виде фактического прерывания беременности и его влияния на определение момента окончания преступления и соответственно конструкции его состава. В теории уголовного права можно выделить три подхода к данной проблеме.

Согласно первой точке зрения незаконное проведение искусственного прерывания беременности окончено с момента начала совершения направленных на производство аборта действий и не требует фактического прекращения состояния беременности²⁶, т. е. состав преступления является формальным, что не учиты-

вает разную степень реализации умысла, но отвечает особенностям состава поставления в опасность для жизни и здоровья потерпевшей. Другие авторы, признавая формальной конструкцию состава данного преступления, отмечают необходимость наступления фактического прерывания беременности в виде внутриутробной гибели плода либо его извлечения из организма матери²⁷, т. е. независимо от наступивших для здоровья матери иных последствий, не считают указанный преступный результат общественно опасным последствием в качестве признака объективной стороны. Третья позиция отражает материальную конструкцию незаконного аборта, считая прерывание беременности последствием совершения направленных на это действий²⁸, что с учетом согласия потерпевшей не может быть оценено как причинение тяжкого вреда здоровью, т. е. не образует квалифицированный состав преступления.

Представляется наиболее верным третий подход, согласно которому незаконное проведение искусственного прерывания беременности является материальным составом преступления, в связи с чем его окончание следует определять в зависимости от выбранного способа вмешательства моментом произошедших вследствие действий лица, направленных на прекращение беременности женщины, внутриутробной гибели эмбриона (плода) или его изгнания из материнского организма. В правоприменительной практике также преимущественно учитывается материальный характер основного состава анализируемого преступления, в связи с чем отмечается, что действия по проведению с согласия беременной женщины искусственного прерывания беременности «влекут гибель плода как результат их осуществления»²⁹.

Обозначенные проблемы уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности отражают сложности уголовно-правовой оценки ненад-

²⁴ См.: Маркина И. Н. Субъект незаконного проведения искусственного прерывания беременности : теоретические и практические проблемы определения // Современный юрист. 2018. № 4. С. 152–153.

²⁵ См.: Огнерубов Н. А. Профессиональные преступления медицинских работников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 56–57.

²⁶ См.: Дядюн К. В. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности : проблемы квалификации // Адвокат. 2016. № 4. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁷ См.: Лозанович Л. А. Указ. соч. С. 56.

²⁸ См.: Киселева И. А., Безрукова Е. Н. Незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ) : проблемные аспекты // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 70.

²⁹ Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 30 июня 2021 г. по делу № 1-0189/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/9ae33670-8e28-11eb-b210-39b400520775?participant=Мурзабекова> (дата обращения: 23.09.2024).

лежащего оказания медицинской помощи по различным нормам. При этом отмеченные уточнения позволят обеспечить охрану жизни и здоровья пациента при проведении указанного медицинского вмешательства неуполномоченным субъектом, что требует квалификации содеянного по соответствующей части ст. 123 УК РФ как при наличии, так и при отсутствии признаков неблагоприятного исхода.

Библиографический список

- Вертепова Т. А.* К вопросу об уголовно-правовой охране человеческого эмбриона // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 91–93.
- Газданова Е. К.* Согласие потерпевшего в уголовном праве : понятие, характеристика, значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.
- Горбатова М. А.* Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье : понятие, система и уголовно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 22 с.
- Дядюн К. В.* Незаконное проведение искусственного прерывания беременности : проблемы квалификации // Адвокат. 2016. № 4. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
- Киселева И. А., Безрукова Е. Н.* Незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ) : проблемные аспекты // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 67–74.
- Козаченко И. Я.* Уголовно-правовая охрана плода человека : de jure и de facto // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 77–82.
- Лозанович Л. А.* Незаконное производство аборта : уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 189 с.
- Маркина И. Н.* Субъект незаконного проведения искусственного прерывания беременности : теоретические и практические проблемы определения // Современный юрист. 2018. № 4. С. 149–156.
- Мограбян А. С.* Искусственное прерывание беременности – угроза безопасности общества // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6. С. 51–58.
- Мустафаев С. Э.* Уголовно наказуемое прерывание беременности : проблемные аспекты уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 110–118.
- Нагорная И. И.* Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг : сравнительно-правовой анализ : монография. М., 2014. 215 с.
- Огнерубов Н. А.* Профессиональные преступления медицинских работников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 167 с.
- Орешкина Т. Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие для магистрантов / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2017. 112 с.
- Панкратов В.* Проблемы установления уголовной ответственности за незаконное производство аборта // Уголовное право. 2001. № 3. С. 40–42.
- Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. Учение о преступлении. М., 1961. 666 с.
- Разгельдеев Н. Т.* Уголовно-правовые проблемы ответственности несовершеннолетних : монография. М. : Юстицинформ, 2019. 324 с. Доступ из цифрового сервиса «Литрес».
- Тасаков С., Шумилов А.* Искусственное прерывание беременности (аборт). Уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2004. № 2. С. 65–69.
- Уголовное право. Особенная часть : в 2 т. Т. 1 : учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.] ; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М., 2020. 494 с.
- Чуприков Р. А.* К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ // Вестник СПбГУ. Серия 14. 2016. № 2. С. 40–45.

Воронежский государственный университет
Машкова А. В., преподаватель кафедры уголовного права
E-mail: nastya.mashkova@bk.ru

Voronezh State University
Mashkova A. V., Lecturer of the Criminal Law Department
E-mail: nastya.mashkova@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В. В. Багаев

Кубанский государственный университет

CURRENT DIRECTIONS OF TRANSFORMATION OF QUALIFYING FEATURES OF CRIMES

V. V. Bagaev

Kuban State University

Аннотация: отмечены общие тенденции изменения УК РФ в части закрепления квалифицирующих признаков составов преступлений. С определенной долей условности их можно объединить в три группы. Первая – содержательная – сводится к появлению новых квалифицирующих признаков, ранее неизвестных уголовному законодательству и обусловленных объективной динамикой общественных отношений, в том числе на фоне современной геополитической обстановки. Вторая – структурная – выражается в трансформации в сторону повышения общественной опасности зафиксированных ранее квалифицирующих признаков, а также в дальнейшем их распространении на иные составы преступлений. Третья тенденция проявляется в новых текстуальных формах выражения квалифицирующих признаков, подлежащих дальнейшему совершенствованию с точки зрения юридической техники.

Ключевые слова: состав преступления, общественная опасность, квалифицирующие признаки, публичная демонстрация, треш-стримы, использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, применение пытки.

Abstract: the article notes the general trends in the changes in the Criminal Code of the Russian Federation in terms of establishing the qualifying features of crimes. With a certain degree of conventionality, they can be combined into three groups. The first – substantive – comes down to the emergence of new qualifying features previously unknown to criminal legislation and conditioned by the objective dynamics of social relations, including against the background of the current geopolitical situation. The second – structural – is expressed in the transformation towards increasing the social danger of previously recorded qualifying features, as well as in their further extension to other crimes. The third trend is manifested in new textual forms of expression of qualifying features, subject to further improvement from the point of view of legal technique.

Key words: elements of the crime, public danger, qualifying features, public demonstration, trash streams, use of mass media or electronic or information and telecommunications networks, use of torture.

В уголовно-правовой доктрине всегда уделялось значительное внимание анализу новых уголовно-правовых запретов, чему во многом способствует сам законодатель: если первая редакция Особенной части Уголовного кодекса

РФ (далее – УК РФ) 1996 г. содержала 256 статей, то действующая по состоянию на 20 октября 2024 г. – 397. Вместе с тем в рамках определения актуальных векторов российской уголовно-правовой политики не меньший интерес представляет динамика нормативного закрепления квалифицирующих признаков составов преступлений – тех «маркеров», по которым можно

судить о трансформационных процессах, связанных с содержательным наполнением и структуризацией такой категории, как «общественная опасность».

Следует сделать оговорку, что в настоящей работе квалифицирующие признаки и формируемые ими (квалифицированные) составы преступлений рассматриваются как характеризующие только повышенную общественную опасность преступления: хотя привилегирующие признаки тоже отражают типовую общественную опасность, представляется, что их отграничение непременно необходимо в целях недопущения терминологической путаницы.

В основу исследования положены позиции, сформулированные видным представителем ярославской школы уголовного права Л. Л. Кругликовым о том, что квалифицирующие признаки (обстоятельства)¹:

- по своей правовой природе относятся к разделу (и учению) о преступлении, а не о наказании;
- связаны со степенью общественной опасности содеянного и личности виновного;
- служат средством дифференциации, а не индивидуализации наказания;
- определяют новую нижнюю и (или) верхнюю границу санкции, устанавливают иные пределы наказания;
- выступают инструментом в руках законодателя, а не судьи.

Л. Л. Кругликов в 2016 г. констатировал четкую тенденцию к возрастанию численности квалифицированных составов и квалифицирующих признаков. Следует признать, что в 2020-е гг. данная тенденция не только сохраняется, но и углубляется.

Прежде всего она выражается в том, что появляются квалифицирующие признаки, ранее неизвестные уголовному закону. Наглядным примером служит недавнее дополнение отдельных составов преступлений против жизни и здоровья, а также против свободы личности признаком совершения деяния с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой

информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)². В пояснительной записке к законопроекту было указано, что он направлен на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов. Публичная демонстрация, по мнению разработчиков законопроекта, значительно повышает общественную опасность транслируемых деяний, поскольку дополнительно посягает на общественную безопасность и общественный порядок, вводя данное преступное поведение в ранг допустимого и возможного для неограниченного круга лиц.

Следует отметить, что появление соответствующего квалифицирующего признака не было абсолютной неожиданностью: в частности в пользу его фиксации еще в 2021 г. высказывались В. Н. Григорьев и А. Ю. Терехов. Заслуживает поддержки тезис авторов о том, что под уголовно-правовой запрет в данном случае подпадает, безусловно, не сама по себе техническая форма подачи материала: преступное событие сопровождается возбуждением низменных мотивов и – в силу обратной связи зрителей, в том числе материальной поддержки происходящего – интеллектуальным пособничеством³.

В то же время деструктивное воздействие на интернет-пользователей способна оказать видеозапись не только транслируемого в прямом эфире, но и уже произошедшего события преступления с последующим ее размещением в любом общедоступном источнике сети «Интернет». Поэтому включенный законодателем термин «публичная демонстрация» охватывает оба названных варианта распространения недопустимого контента и, надо заметить, не предполагает дополнительную дифференциацию уголовной ответственности. Следовательно, количество зрителей, степень их вовлеченности, поддерживаемой автором видео (в том числе в рамках общения с аудиторией в комментариях к ранее размещенному материалу), в каждом

¹ См.: Кругликов Л. Л. К вопросу о юридическом содержании квалифицирующих признаков и их связи с категорией состава преступления // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации : итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л. Ю. Ларина. М., 2016. С. 73–82.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4914.

³ См.: Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 37.

конкретном случае и временном отрезке подлежит оценке в процессе назначения наказания либо иной меры уголовно-правового характера.

В целом законодатель уделяет значительное внимание преступлениям с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Данный признак становится квалифицирующим для ряда составов преступлений. И если его появление в случаях публичности действий (например, п. «в» ч. 2 ст. 280⁴ УК РФ) можно аргументировать схожим образом с треш-стримами, то воздействие на конкретного адресата с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, как видится, не несет в себе заряд повышенной общественной опасности ввиду уже привычной вовлеченности граждан в интернет-пространство⁴. Чем в частности принципиально отличается сбыт фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий офлайн и в сети «Интернет» (ч. 1 и ч. 1¹ ст. 238¹ УК РФ)? Однако эту разницу законодатель оценивает в один год лишения свободы (нижняя и верхняя границы основного наказания), что переводит онлайн-сбыт в категорию тяжкого преступления.

Тем не менее Пленум Верховного Суда РФ не акцентировал внимание на данных смысловых оттенках и признал основанием для квалификации преступления с учетом рассматриваемого признака выполнение хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения преступления или входящих в его объективную сторону с использованием сети. Более того, данный признак имеет место при соучастии, если соответствующим образом обеспечивалась связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления⁵.

⁴ См.: *Коняхин В. П., Батютина Т. Ю.* Новации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 2 (52). С. 73–74.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 (п. 20) // Бюллетень Верховного Суда РФ, март 2023 г. № 3.

Другой явно определяемый потребностями времени квалифицирующий признак, получивший широкое распространение в главе 33 УК РФ – «совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий». Не вступая в дискуссию относительно терминологической точности и содержания употребляемых в нем формулировок⁶, при оценке деяния будем исходить из того, что «общественная опасность преступлений против военной службы заключается, прежде всего в нарушении порядка прохождения военной службы и причинении вреда безопасности Российской Федерации и обороноспособности страны или создании угрозы его причинения»⁷. При этом, по аналогии с трактовкой п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ⁸, при квалификации преступлений с учетом признака «совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» представляется целесообразным учитывать два обстоятельства: фактическое наличие одного из названных признаков объективной стороны и реальное повышение общественной опасности содеянного в названные особые периоды.

Следующее заметное направление трансформации квалифицирующих признаков – те, что были зафиксированы ранее, получают новую, причем в сторону ужесточения, законодательную оценку. В качестве иллюстрации можно привести установленную в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ тождественность общественной опасности неосторожного и умышленного причинения смерти как последствия террористического акта (в предшествующей редакции рассматриваемой статьи дифференциация ответственности в за-

⁶ См. подробнее: *Бодаевский В. П.* Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 128–154.

⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 (п. 1) // Бюллетень Верховного Суда РФ. Июль 2023 г. № 7.

⁸ См.: *Жилкин М. Г.* Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 16–24.

висимости от формы вины была осуществлена на уровне п. «б» ч. 2 и п. «б» ч. 3)⁹.

Другой пример – признак совершения деяния с применением пытки был перемещен из ч. 2 ст. 302 УК РФ в ч. 3¹⁰. Вероятно, потенциал этого криминообразующего признака еще не исчерпан: в доктрине встречается мнение о целесообразности его введения в ст. 127², 128, 156, 163, 179, 321 (в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 данной статьи) и 335 УК РФ¹¹.

Кроме того, фиксируются новые (не бесспорные) алгоритмы описания квалифицирующих признаков. Так, дополнение ч. 5 ст. 131 и 132 не могло остаться без внимания ученых-юристов: «вместо простого указания на несовершеннолетнего законодатель сконструировал достаточно сложную для восприятия норму, определив в ней потерпевшего посредством отсылки к п. “а” ч. 3 и “б” ч. 4 соответствующих статей»¹². Наличие союза «и», безусловно, не способствует адекватному буквальному толкованию данного нормативного предписания. Стоит заметить, что в уголовно-правовой доктрине констатируются и иные случаи отступления от правил юридической техники, допущенные при формулировании квалифицирующих признаков в уголовном законе¹³.

Перечисленные и иные перманентно осуществляемые модификации УК РФ в части закрепления квалифицирующих признаков со-

ставов преступлений свидетельствуют о значительном внимании законодателя к процессу дифференциации уголовной ответственности за посягательства на самые разные объекты уголовно-правовой охраны. Перспективным общим направлением исследования данной проблематики должно стать применение системного подхода к конструированию квалифицирующих признаков, которое позволило бы обеспечить их единообразное описание в законе, толкование и применение на практике.

Библиографический список

Бардеев К. А. Пытка как уголовно-правовой феномен : компаративистское исследование : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 22 с.

Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–154.

Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 36–40.

Жилкин М. Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 16–24.

Коняхин В. П., Батютина Т. Ю. Новации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 2 (52). С. 70–77.

Кругликов Л. Л. К вопросу о юридическом содержании квалифицирующих признаков и их связи с категорией состава преступления // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации : итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л. Ю. Ларина. М., 2016. С. 73–82.

Мотин А. В. О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками // Право и государство : теория и практика. 2020. № 8 (198). С. 177–181.

Пантюхина И. В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, 132 и ч. 3 ст. 133 УК РФ) // Вестник Югорского гос. ун-та. 2022. № 4 (67). С. 25–32.

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3234.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5274.

¹¹ См.: Бардеев К. А. Пытка как уголовно-правовой феномен : компаративистское исследование : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 10.

¹² Пантюхина И. В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, 132 и ч. 3 ст. 133 УК РФ) // Вестник Югорского гос. ун-та. 2022. № 4 (67). С. 25–32.

¹³ См.: Мотин А. В. О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками // Право и государство : теория и практика. 2020. № 8 (198). С. 177–181.

Кубанский государственный университет
Багаев В. В., соискатель кафедры уголовного
права и криминологии
E-mail: V.v.bagaev@outlook.com

Kuban State University
Bagaev V. V., applicant of the Criminal Law and
Criminology Department
E-mail: V.v.bagaev@outlook.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 159.2 УК РФ)

В. В. Васюков

Воронежский государственный университет

THE USE OF SOCIAL PROCEDURES FOR CRIMINAL PURPOSES (BASED ON THE MATERIALS OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 159.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

V. V. Vasyukov

Voronezh State University

Аннотация: рассмотрено то, как злоумышленники используют социальные процедуры для совершения деяний, запрещенных ст. 159.2 УК РФ; понятие социальных процедур, каковы основы получения права на материнский (семейный) капитал и то, как злоумышленники используют социальные процедуры для достижения своих преступных целей. Для этого использована судебная практика в сфере противодействия мошенничеству с социальными выплатами – судебная практика по ст. 159.2 УК РФ. Также даны варианты того, какие способы можно применить для улучшения расследования деяний, запрещенных ст. 159.2 УК РФ. Указан пример того, как правоохранительные органы расследуют указанные преступления, используя имеющиеся данные в территориальных органах Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Дана характеристика состава такого преступления, как мошенничество с социальными выплатами, на основании позиций, высказанных учеными в сфере уголовного права и указанной в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, право социального обеспечения, правовая процедура, юридическая процедура, процедура в праве.

Annotation: the article examines how intruders use social procedures to commit acts prohibited by Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; the concept of social procedures, what are the foundations for obtaining the right to maternal (family) capital, and how intruders use social procedures to achieve their criminal goals. For this purpose, judicial practice in the field of countering fraud with social benefits – judicial practice under art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation was used. It also provides options for what methods can be used to improve the investigation of acts prohibited by Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. An example is given of how law enforcement agencies investigate these crimes using available data from the territorial bodies of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation. The article describes the composition of such a crime as fraud with social benefits, based on the positions expressed by criminal law scientists and indicated in the relevant resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: criminal law, social security law, legal procedure, legal procedure, procedure in law.

Социальными процедурами являются правовые процедуры в сфере социального обеспече-

ния. Они связаны с разного рода социальными выплатами (например, пенсиями и материнским (семейным) капиталом). Для дальнейшего рассмотрения судебных дел укажем основные начала получения средств материнского (семей-

ного) капитала. Прежде всего материнский (семейный) капитал – средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования РФ на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»¹. Статья 3 этого федерального закона закрепляет право на получение средств материнского (семейного) капитала женщинами, мужчинами и детьми (последним – вне зависимости от пола). При этом у всех трех категорий разные основания для получения средств материнского (семейного) капитала. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предоставляет право указанным лицам обратиться непосредственно либо через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ) в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования РФ за получением государственного сертификата на материнский (семейный) капитал на бумажном носителе или в форме электронного документа. Некоторыми лицами социальные процедуры (в том числе связанные с материнским (семейным) капиталом) используются для совершения преступлений.

Статья 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) запрещает мошенничество при получении социальных выплат, т. е. хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат².

В литературе так описан состав этого преступления: объект – имущественные отношения в сфере социальной защиты населения; предмет – денежные средства и иное имущество, которые предоставляются в виде установленных федеральными законами, законами субъектов

Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления пособий, компенсаций, субсидий и иных выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке; форма преступного поведения – хищение денежных средств или иного имущества, а способ совершения преступления ограничивается обманом в виде предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений либо умолчания о фактах, влекущих прекращение социальных выплат; субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью; субъект – лицо, достигшее 16-летнего возраста³. Эти же положения указаны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление). Согласно абзацу первому п. 15 Постановления, по ст. 159.2 УК РФ необходимо квалифицировать такое хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальных выплат, а именно установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке⁴. Пленум Верховного Суда РФ в абзаце втором п. 15 Постановления отмечает, что для целей ст. 159.2 УК РФ к социальным выплатам в частности относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания. При этом согласно абзацу третьему п. 15 Постановления, к социальным выплатам по смыслу ст. 159.2 УК РФ не относятся гранты, стипендии, предоставляемые

¹ Российская газета. 2006. 31 декабря.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 705–707.

⁴ Российская газета. 2017. 11 декабря.

физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства (совершение преступных действий в этой сфере должно быть квалифицировано по ст. 159 УК РФ).

Про представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в абзаце втором п. 2 Постановления закреплено следующее: «Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям».

Если рассмотреть судебную практику, складывающуюся в сфере деяний, запрещенных ст. 159.2 УК РФ, можно сделать вывод, что физические лица периодически используют социальные процедуры для совершения указанного преступления. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Важно отметить, что в 2023 г. упоминаемый в приговорах Пенсионный фонд России был реорганизован с одновременным присоединением к нему Фонда социального страхования Российской Федерации в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Конкретным примером рассматриваемого преступления является дело, в котором подсудимая в целях получения государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, иных мер социальной поддержки и распоряжения средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала, осознавая, что в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки» она не имела права на получение материнского (семейного) капитала, а также на иные меры социальной поддержки в связи с тем, что не является матерью третьего ребенка, из корыстных побуждений решила на хищение денежных средств в крупном размере, принадлежащих бюджету Российской Федерации, распорядителем которых является Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации, путем представления заведомо ложных и недостоверных сведений должностным лицам госу-

дарственных органов при получении социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами. Для реализации своего преступного умысла подсудимая разработала план совершения преступления, в соответствии с которым приняла решение сделать следующее: (1) найти лицо и попросить его, не посвящая в свои преступные намерения, выступить в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) в качестве лица, подтвердившего присутствие при родах подсудимой третьего ребенка вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи; (2) получить свидетельство о рождении третьего ребенка путем предоставления в орган ЗАГС недостоверных сведений о рождении третьего ребенка; (3) обратиться в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал в связи с рождением у нее третьего ребенка, а также иных мер социальной поддержки, где хотела указать заведомо ложные и недостоверные сведения; (4) приискать объект недвижимости по стоимости менее суммы средств материнского (семейного) капитала; (5) получить из территориального органа Пенсионного фонда Российской Федерации государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, подыскать кредитный потребительский кооператив (далее – КПК), с которым собиралась заключить договор займа в сумме, не менее размера средств материнского (семейного) капитала, на улучшение жилищных условий и тем самым создать видимость реальности преступных действий; (6) получить на подконтрольный ей банковский счет от КПК заемные денежные средства в сумме не менее размера средств материнского (семейного) капитала; (7) предоставить в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации заявление о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, а также заявления о выплате иных мер социальной поддержки, при этом перед специалистами территориального органа Пенсионного фонда Российской Федерации умолчать о недостоверных сведениях в правовых основаниях получения средств (части средств) материнского (семейного) капитала, тем самым создать безусловные основания для перечисле-

ния денежных средств, т. е. похитить их. Подсудимая подговорила ранее знакомое лицо к тому, чтобы сказать в отделе ЗАГС, что у нее родился ребенок (при этом подсудимая не говорила о своем преступном умысле). Далее подсудимая и указанное лицо обратились к специалисту отдела ЗАГС (не уведомляя его о преступном замысле подсудимой) и заполнили от имени этого лица заявление о рождении, согласно которому в присутствии последнего подсудимая родила живорожденного ребенка вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи. Затем не осведомленный о незаконных намерениях подсудимой специалист отдела ЗАГС изготовил свидетельство о рождении на несуществующего ребенка (в графе «мать» была указана подсудимая). Затем подсудимая обратилась в региональный МФЦ с целью получить материнский (семейный) капитал, для чего подала заявление о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал в связи с рождением третьего ребенка. При этом специалист МФЦ предупредил подсудимую об ответственности за предоставление недостоверных сведений, но подсудимая все равно подала заявление с документами, в том числе с поддельным свидетельством о рождении. После этого документы были переданы в Управление Пенсионного фонда Российской Федерации. В последнем было принято решение о выдаче подсудимой государственного сертификата на материнский (семейный) капитал. В последующем через МФЦ подсудимая получила этот сертификат, предоставляющий ей право на социальную выплату. Следом подсудимая заключила договор купли-продажи земельного участка, не посвятив продавца в свой преступный план. Далее подсудимая лично обратилась в офис КПК «Импульс», где заключила договор займа с КПК, согласно которому последней был предоставлен заем в размере 453 026 руб. для строительства жилого дома на приобретенном земельном участке. Потом подсудимая обратилась в МФЦ Алтайского края с целью распоряжения средствами материнского (семейного капитала). Из МФЦ документы были переданы в Управление Пенсионного фонда Российской Федерации (сотрудник не знал о преступном замысле подсудимой). В самом Управлении удовлетворили заявление о перечислении средств подсудимой, сформиро-

вали и отправили платежное поручение в Управление федерального казначейства, указав в нем назначение платежа – перечисление средств материнского (семейного) капитала в счет погашения задолженности подсудимой. После этого подсудимая решила получить другую социальную выплату и ей удалось заполучить эту выплату – единовременное пособие при рождении ребенка. У подсудимой из корыстных побуждений возник преступный умысел на незаконное получение пособий и денежных выплат, гарантированных законодательством Российской Федерации при рождении ребенка, а именно: единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет, ежемесячную денежную выплату при рождении третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет, ежемесячного пособия на ребенка, суммы материнского (семейного) капитала, ежемесячной выплаты на ребенка от трех до семи лет включительно, принадлежащих бюджету субъекта Российской Федерации и бюджету Российской Федерации, путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений. После этого подсудимая захотела получить и другие социальные выплаты. Всего подсудимая обратила в свою пользу денежные средства в размере 960 796 руб. 17 коп. Рассмотрев все обстоятельства дела, суд вынес в отношении подсудимой приговор по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ⁵.

Достаточно часто деяние, описанное в ст. 159.2 УК РФ, совершается не единолично, а в составе группы лиц, действующих по предварительному сговору, или даже в составе организованной группы. В качестве иллюстрации приведем дело, из материалов которого следует, что у двух лиц возник умысел, связанный с совершением мошеннических действий с социальными выплатами. Для этого они создали преступную группу, в которую с добровольного согласия вошли различные лица (из них была установлена личность восьми человек). Одно из лиц подыскало подсудимую, которая не была осведомлена о создании и деятельности указанной организованной преступной группы (далее – ОПГ), и вступило с ней в преступный сговор, направ-

⁵ Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 24 января 2024 г. № 1-35/2024. URL: sudact.ru (дата обращения: 05.10.2024).

ленный на хищение средств материнского (семейного) капитала путем оформления на имя подсудимой фиктивных документов, свидетельствующих о рождении у последней детей. Один участник ОПГ с целью изготовления другими участниками ОПГ подложных медицинских свидетельств о рождении подсудимой детей получил от последней копии принадлежащих подсудимой паспорта гражданина РФ, страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования и свидетельства о рождении у нее ребенка, после чего один участник ОПГ передал копии указанных документов другому участнику ОПГ. Затем, не посвящая другое лицо в свои преступные замыслы, участник ОПГ заплатил 500 руб. за пустой бланк медицинского свидетельства о рождении с серией 82 и номером 634267. После получения бланка он был передан другому участнику ОПГ. Последний проставил в переданный другим участником ОПГ пустой бланк медицинского свидетельства о рождении с серией 82 и номером 634267 подложные оттиски штампа и печати Кизилюртовской центральной городской больницы, после чего бланк медицинского свидетельства о рождении был передан обратно тому же участнику ОПГ. Следом было подготовлено свидетельство о рождении с данными о якобы рожденном ребенке. Потом подложное медицинское свидетельство о рождении было передано другому участнику ОПГ. Этот участник, действуя согласованно с другим участником ОПГ, выполняя отведенные им в составе ОПГ роли, используя свои служебные положения и указанное подложное медицинское свидетельство о рождении, произвели фиктивную государственную регистрацию рождения несуществующего ребенка, а также изготовили подложный бланк свидетельства о рождении, внося в него заведомо ложные сведения о рождении ребенка, а также сведения о матери (т. е. подсудимой), которое в этот же день было получено последней в отделе записи актов гражданского состояния. В последующем Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации было принято решение о выдаче подсудимой средств материнского (семейного) капитала. После этого неустановленные следствием лица, действовавшие в интересах сельскохозяйственного кредитного производственного кооператива «Финанс-Ресурс» (далее – кооператив), действуя группой лиц по предварительному

сговору с участником ОПГ, с целью хищения средств материнского (семейного) капитала, изготовили подложные документы, а именно: (1) фиктивный договор целевого ипотечного займа, заключенный между кооперативом в лице председателя правления и подсудимой, о предоставлении последней займа на приобретение квартиры, в котором подсудимая подписалась и который был заверен оттиском печати указанного кооператива; (2) фиктивную справку о размерах остатка основного долга и остатка задолженности по выплате процентов за использованием займом с указанием размера остатка задолженности по указанному договору по состоянию на 25 ноября 2020 г., заверенную оттиском круглой печати кооператива; (3) фиктивный график платежей к договору займа, в котором подсудимая подписалась, заверенный оттиском печати кооператива; (4) фиктивную выписку из реестра членов жилищно-строительного кооператива «Монолит» (далее – ЖСК), в которую внесли заведомо ложные сведения о членстве подсудимой в этом ЖСК. После этого во исполнение указанного фиктивного договора займа неустановленными следствием лицами, действовавшими в интересах кооператива, было осуществлено перечисление денежных средств с расчетного счета кооператива, открытого в ПАО «Сбербанк», на банковский счет, открытый в ПАО «Сбербанк», принадлежащий подсудимой. Далее денежные средства подсудимой были перечислены на подконтрольные другим участником ОПГ счета. После этого часть из них была распределена между указанными участниками ОПГ. В приговоре суда указанные деяния были квалифицированы по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ⁶.

Важно отметить, что все социальные выплаты носят компенсаторный характер и предназначены для поддержания социально незащищенных слоев населения, поэтому деяния, запрещенные ст. 159.2 УК РФ, нарушают принцип социальной справедливости, смысл которого заключается в том, что социально незащищенные слои населения должны получать дополнительную поддержку от государства. Для того чтобы соблюсти данный принцип, нужно рассмотреть, как можно избежать криминогенных

⁶ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 16 января 2024 г. № 1-184/2024. URL: sudact.ru (дата обращения: 05.10.2024).

факторов при обращении потенциальных преступников в органы социального обеспечения.

Кажется, что идеальным решением было бы осуществлять дополнительную проверку документов заявителей – например, создать комиссию при органе социального обеспечения, которая дополнительно проверяла бы представляемые документы на достоверность. Однако создание таких комиссий противоречит принципу экономичности: налагает дополнительную нагрузку на сотрудников органов социального обеспечения, а также требует выделения дополнительных бюджетных средств для функционирования комиссий. Под органами социального обеспечения мы понимаем функционирующие в сфере социального обеспечения органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, муниципальные органы и государственные учреждения.

В современных условиях должна быть возможность проверки документов по реквизитам. Например, в Федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» («Госуслуги») можно проверить действительность паспорта гражданина РФ по номеру и серии паспорта, а также по фамилии и имени владельца паспорта. Но реализация подобной проверки в отношении иных документов (в том числе связанных с социальным обеспечением) приведет к различным вопросам на практике. Вот эти вопросы:

1) что будет, если документ, представляемый в орган социального обеспечения, был получен за деньги, оказание определенных услуг или по иным причинам (т. е. незаконно)? Ведь сайт тогда может указать, что документ не является поддельным, а потому этот документ и дальше будет использован, а злоумышленник получит выгоду из своих незаконных действий. Причина, по которой сайт не заметит подделку, заключа-

ется в том, что такой документ был получен через государственные или муниципальные органы (а также государственные учреждения) так, как будто он был получен законным способом;

2) социальные выплаты могут быть не только на федеральном уровне, но и на региональном, и на муниципальном уровнях. Создание ресурса для проверки подобных документов может быть возложено на субъект Российской Федерации и муниципальное образование, а это увеличит расходы бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации или муниципалитета – ведь бюджетные средства придется тратить на создание и дальнейшее функционирование сайта.

Для целей расследования деяний, запрещенных ст. 159.2 УК РФ, используется архив любого органа социального обеспечения. Например, территориальные отделы Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации имеют свои архивы. К тому же в территориальных отделах Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации регистрируется входящая корреспонденция, сама эта корреспонденция затем вносится в журнал входящей корреспонденции, а потом вносится в программу пенсионного документооборота.

В заключении можно сделать вывод, что действующая система функционирования органов социального обеспечения и государственных учреждений в сфере социального обеспечения не всегда позволяет предупредить совершаемое преступление, но имеет все необходимые инструменты для оказания помощи в дальнейшем его расследовании.

Библиографический список

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2019. – 1536 с.

Воронежский государственный университет
Васюков В. В., аспирант кафедры трудового права
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

Voronezh State University
Vasyukov V. V., Postgraduate student of the Labor Law of Faculty of Law Department
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТ. 143 УК РФ): НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

А. Н. Сенюков

Воронежский государственный университет

VIOLATION OF LABOR PROTECTION (ARTICLE 143 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): REQUIREMENTS SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION

A. N. Senyukov

Voronezh State University

Аннотация: рассмотрены отдельные вопросы законодательной регламентации нарушения требований охраны труда; указано на несовершенство уголовного законодательства в части охраны права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности; проанализированы признаки состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, с точки зрения защиты трудовых прав граждан уголовно-правовыми средствами; предложены решения проблемных вопросов правоприменения.

Ключевые слова: требования охраны труда, уголовная ответственность, административная ответственность, примечание, локальные правовые акты, работодатель, потерпевший, субъект преступления, соблюдение, исполнение, государственные нормативные требования.

Annotation: individual issues of legislative regulation of violations of labor protection requirements are considered; the imperfection of criminal legislation in terms of protecting the right to work in conditions that meet safety requirements is pointed out; the signs of a crime under Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed from the point of view of protecting citizens' labor rights by criminal means; solutions to problematic issues of law enforcement are proposed.

Keywords: occupational safety requirements, criminal liability, administrative liability, note, local legal acts, employer, victim, subject of crime, compliance, enforcement, state regulatory requirements.

В настоящее время одним из приоритетных направлений остается развитие российской уголовно-правовой науки в области изучения и совершенствования механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Право на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда и техники безопасности, является конституционным правом, нарушение которого нередко приводит к наступлению опасных последствий.

¹ См.: Попов Д. В. Уголовно-правовая охрана прав граждан на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда и техники безопасности // Право и общество в условиях глобализации : перспективы развития : сб. науч. трудов. Саратов, 12 декабря 2018 г. Вып. 7. Саратов, 2019. С. 164–168.

© Сенюков А. Н., 2025

Известно, что в ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. Согласно данным судебной статистики, количество осужденных лиц по ст. 143 УК РФ в 2021 г. составило 96 человек³, в 2022 г. – 135⁴, в 2023 г. –

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4916.

³ См.: Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ См.: Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде

138⁵. С одной стороны, приведенные показатели косвенно говорят о достаточно хорошей ситуации, но с другой стороны, они явно не отражают фактическое количество лиц, которые нарушают на практике требования охраны труда, т. е. данному преступлению свойственна высокая степень латентности. В качестве причин сложившейся ситуации можно привести такие, как, например, сокрытие работодателем информации о фактах несчастных случаев на производстве, незнание правоприменителем технической стороны безопасного труда, неэффективная деятельность трудовых инспекций, правоохранительных органов и т. д.

В качестве отдельной причины стоит указать на несовершенство уголовного законодательства в части охраны права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»⁶ (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41) была предпринята попытка устранить путем судебного толкования некоторые имеющиеся недостатки законодательной регламентации в указанной сфере.

Однако стоит отметить, что в уголовно-правовой науке имеют место неоднозначные оценки отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 и в частности их соотношения с нормами УК РФ. Так, например, по мнению А. И. Рарога, разъяснения высшей судебной инстанции не соответствуют уголовному закону⁷. Д. Ю. Вешняков полагает, что Пленум Верховного Суда РФ «традиционно отходит от буквы уголовного закона при харак-

теристике субъекта нарушения требований охраны»⁸.

Также в научной юридической литературе⁹ справедливо отмечается, что в ст. 215 Трудового кодекса Российской Федерации¹⁰ (далее – ТК РФ) закреплена обязанность работника в первую очередь соблюдать требования охраны труда. Исходя из буквального толкования данной нормы следует, что это относится ко всем работникам без исключения, но при этом не относится к самому работодателю, который, как закреплено в ст. 214 ТК РФ, обязан не «соблюдать», а «обеспечивать» безопасные условия и охрану труда. При этом отметим, что трудовым правоотношениям свойственно неравенство сторон – работник всегда подчинен власти работодателя. Поэтому, ведя речь об уголовно-правовых средствах охраны конституционного права граждан на безопасные условия труда, важно учитывать специфику трудовых правоотношений, правильно выявлять механизм причинения вреда объекту преступления, что позволит правильно определять содержание иных признаков состава преступления – потерпевшего, субъекта преступления, причинную связь и т. д. Остановимся более подробно на рассмотрении первых двух признаков.

Характеристики потерпевшего по анализируемой категории дел обусловлены выполняемыми им трудовыми функциями. В ст. 143 УК РФ он назван просто как «лицо», «человек». В трудовом же законодательстве предусматривается, что расследованию и учету подлежат несчастные случаи, которые произошли не только с работниками, но и с иными лицами при условии, что они участвовали в производственной деятельности работодателя. В связи с этим целесообразным представляется в уголовном законе использовать термин *лица, участвующие в производственной деятельности*, к которым Пленум

РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ См.: Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

⁷ См.: Рарог А. И. Субъект преступного нарушения правил охраны труда : закон и практика // Уголовное право. 2019. № 4. С. 80–85.

⁸ Вешняков Д. Ю. Новые пределы уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда // Законы России : опыт, анализ, практика. 2020. № 2. С. 75.

⁹ См.: Коняхин В. П., Рыбалка А. А. Основные направления совершенствования законодательного определения субъекта нарушения требований охраны труда (ст. 143 Уголовного кодекса РФ) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1. С. 36–37.

¹⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4964.

Верховного Суда РФ справедливо относит, во-первых, работников, во-вторых, лиц, состоящих в фактически трудовых правоотношениях с работодателем и приступивших к работе «с ведома и по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя».

Далее отдельное внимание уделим субъекту рассматриваемого состава преступления. Традиционно в доктрине его принято относить к категории специальных субъектов. Перечень таких лиц приведен в разъяснениях высшей судебной инстанции.

В ч. 1 ст. 143 УК РФ в качестве субъекта преступления указано лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 содержатся разъяснения, согласно которым субъектом преступления могут быть две категории лиц: 1) руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда; 2) представители организации, оказывающей услуги в области охраны труда, или соответствующие специалисты, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору, если на указанных лиц непосредственно возложены обязанности обеспечивать соблюдение требований охраны труда работниками и иными лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя.

Как видно, относительно субъекта преступления положения УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ расходятся.

Надо полагать, что привлекать к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ следует тех лиц, которые не обеспечили соблюдение требований охраны труда, не создали для этого необходимые производственные условия, в результате чего потерпевшему причинен соответствующий вред.

Кроме того, не совсем верным кажется использование в уголовном законе термина «соблюдать требования охраны труда». Согласно положениям общей теории права соблюдение правовых норм представляет собой отказ субъ-

ектов права от совершения действий, запрещенных правовыми нормами¹¹, т. е. нельзя делать то, что противоречит юридическим предписаниям. В данном контексте требования охраны труда должны «исполняться», т. е. должны совершаться некие действия, которые предписаны правовыми нормами. Применительно к анализируемому составу преступления это может быть проведение надлежащим образом целевого инструктажа с работниками, обеспечение необходимых мер безопасности в процессе подготовки рабочего места, обеспечение работников средствами защиты и т. д. Таким образом, представляется целесообразным определять субъект преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, как лицо, на которое возложены обязанности по обеспечению исполнения требований охраны труда.

Следует отметить, что в ТК РФ и в иных подзаконных актах в сфере охраны труда можно встретить термин «выполняться» (например, ст. 223 ТК РФ и т. д.). На первый взгляд, в рассматриваемом контексте можно использовать и его. Однако более верным представляется использование термина «исполняться», который также отражен в положениях трудового законодательства (например, ст. 212 ТК РФ), но при этом в большей степени соответствует положениям общей теории права, в частности формам реализации права.

Следующим моментом, на который в юридической литературе обращается особое внимание, являются случаи неосторожного сопричинения вреда¹²: когда работодатель в качестве ответственного за обеспечение соблюдения требований охраны труда назначает специалиста какой-либо посторонней организации, не обеспечивая такому лицу возможность для исполнения соответствующих обязанностей и при этом в результате нарушения указанных требований причиняется тяжкий вред здоровью или смерть лицу на производстве. В таких случаях наряду с привлеченным лицом из сторонней организации к уголовной ответственности необходимо привлекать и работодателя. Однако на сегодняшний день в судебной практике такие случаи отсутствуют.

¹¹ См.: Никитин А. А. Соблюдение права и правовое усмотрение // Закон и право. 2021. № 8. С. 44.

¹² См., например: Вешняков Ю. Д. Указ. соч. С. 79–81.

Для правильной квалификации подобных деяний некоторые исследователи предлагают в примечание к ст. 143 УК РФ включить указание на то, что требования охраны труда устанавливаются не только на уровне государственных нормативных требований, но и на уровне локальных нормативных актов в конкретных организациях, принятых в соответствии с государственными требованиями и в их развитие¹³. При этом в ТК РФ следует закрепить положение, в соответствии с которым при передаче работодателем специалисту из сторонней организации по гражданско-правовому договору обязанностей по обеспечению исполнения требований охраны труда в соответствующем локальном нормативном акте должно быть установлено, что он обязан обеспечить условия для реализации представителем этой организации мер, обеспечивающих исполнение указанных требований. С таким локальным актом лицо, участвующее в производственной деятельности, безусловно, должно быть ознакомлено под подпись. Таким образом, содержание примечания к ст. 143 УК РФ будет приведено в соответствие с положениями ст. 209 ТК РФ, закрепляющей понятие требований охраны труда.

Рассматривая вопрос о том, какого уровня должны быть правовые акты, содержащие нормативные требования охраны труда, отметим следующее.

Несмотря на то, что в примечании к ст. 143 УК РФ закреплен исчерпывающий перечень таких уровней, в доктрине имеют место различные позиции ученых по этому поводу. Условно их можно разделить на две группы: 1) требования охраны труда закрепляются в федеральных законах, иных нормативных актах РФ, законах и иных нормативных актах субъектов РФ¹⁴;

2) правила охраны труда наряду с указанными в п. 1 могут быть установлены и в локальных нормативных актах, принимаемых на уровне самих работодателей¹⁵.

Представляется, что вопрос об уровне правовых актов по охране труда, нарушение которых может быть вменено в вину лицу для привлечения к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ, имеет весьма важное значение.

Так, в ст. 8 ТК РФ закреплено право работодателей принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права. На первый взгляд, работодатель в каждом конкретном случае вправе устанавливать правила охраны труда, несоблюдение которых может расцениваться в качестве правонарушения, в том числе и при привлечении лица к уголовно-правовой ответственности. Но в таком случае, по нашему мнению, может иметь место расширение сферы уголовной репрессии, не установленное законодателем на федеральном уровне. В то же время в каждой организации есть свои особенности производства, что объективно требует принятия собственных локальных актов с конкретизацией и уточнением в них специфики режима охраны труда на предприятии. Не учитывать данные локальные акты в процессе расследования анализируемых преступлений представляется неправильным.

Данный вопрос разъяснен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41. Так, нижестоящим судам рекомендуется учитывать локальные акты работодателей только в том случае, если они не противоречат государственным нормативным требованиям и приняты в развитие последних. Однако ссылаться суду в приговоре только лишь на локальные акты не допускается. Указанный алгоритм учета локальных правовых актов представляется наиболее верным.

Отдельно стоит отметить, что уровень нормативных актов, содержащих требования охраны труда, за нарушение которых возможно привлечение лица к юридической ответственности, отражен и в ч. 1 ст. 5.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных право-

¹³ См.: Соктоев Б. С., Грецкий И. А. К вопросам квалификации и законодательной регламентации преступных нарушений требований охраны труда // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. С. 171–172.

¹⁴ См., например: Коренкова Э. А. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14 ; Наумов А. В. Российское уголовное право. Т. 2: Особенная часть (главы I–X). М., 2016. С. 214 ; Мельникова Ю. Б., Беляева Н. В., Плешаков А. М. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда. М., 1980. С. 37 ; и др.

¹⁵ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М., 2007. С. 462 ; и др.

нарушениях¹⁶. Данная норма предусматривает административную ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах федерального уровня. Однако законодатель устанавливает в данном случае исключения: не проведение работодателем специальной оценки условий труда или нарушение требований к ее проведению, допуск работника к исполнению должностных обязанностей без прохождения необходимых медицинских осмотров, а также обучения в сфере охраны труда, необеспечение работников средствами индивидуальной защиты. Таким образом, на указанные случаи не распространяется требование об уровне правовых актов.

В заключение стоит отметить, что вопросы законодательной регламентации нарушений требований охраны труда являются довольно актуальными на сегодняшний день. Важно обращать внимание на межотраслевые связи уголовного, административного и трудового права в данной области. Думается, что изложенные рекомендации позволят обеспечить единство правоприменительной практики при привлечении виновных лиц к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ, исключить возможные ошибки, а также разрешить проблемные вопросы право-

применения с целью эффективной защиты трудовых прав граждан уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами.

Библиографический список

Вешняков Д. Ю. Новые пределы уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда // *Законы России : опыт, анализ, практика*. 2020. № 2. С. 75.

Коняхин В. П., Рыбалка А. А. Основные направления совершенствования законодательного определения субъекта нарушения требований охраны труда (ст. 143 Уголовного кодекса РФ) // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016. № 1. С. 36–37.

Никитин А. А. Соблюдение права и правовое усмотрение // *Закон и право*. 2021. № 8. С. 44.

Попов Д. В. Уголовно-правовая охрана прав граждан на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда и техники безопасности // *Право и общество в условиях глобализации : перспективы развития : сб. науч. трудов*. Саратов, 12 декабря 2018 г. Вып. 7. Саратов : Саратов. социально-экономический ин-т (филиал) федер. гос. бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2019. С. 164–168.

Рарог А. И. Субъект преступного нарушения правил охраны труда : закон и практика // *Уголовное право*. 2019. № 4. С. 80–85.

Соктоев Б. С., Грецкий И. А. К вопросам квалификации и законодательной регламентации преступных нарушений требований охраны труда // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 10. С. 171–172.

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024) // *Собп. законодательства Рос. Федерации*. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4981.

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ, ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

К. А. Ханджян

Кубанский государственный университет

TYPES OF PUNISHMENTS APPLIED IN FOREIGN COUNTRIES FOR ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING ON THE INTERNET

K. A. Khandzhyan

Kuban State University

Аннотация: проведен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства ряда зарубежных государств в области применения различных видов наказания за незаконную организацию и проведение азартных игр в сети «Интернет». Указывается на малоэффективность уголовно-правового запрета на игорную деятельность и полное ее отсутствие на онлайн-казино. Приводятся выводы относительно использования лишения свободы и штрафа как основных видов наказания за онлайн-гемблинг. Отмечена схожесть уголовной политики Российской Федерации и некоторых государств.

Ключевые слова: азартные игры, онлайн-казино, игорный бизнес, виды наказаний, информационно-телекоммуникационная сеть.

Abstract: a comparative legal analysis of the criminal legislation of a number of foreign countries in the field of the application of various types of punishment for illegal organization and conduct of gambling on the Internet has been carried out. It is pointed out that the criminal law ban on gambling is ineffective and that it is completely absent in online casinos. Conclusions are drawn regarding the use of imprisonment and fines as the main types of punishment for online gambling. The similarity of the criminal policy of the Russian Federation and some states is noted.

Key words: gambling, online casino, gambling business, types of punishments, information and telecommunications network.

Криминализация деяния наряду с дифференциацией и индивидуализацией уголовной ответственности является одним из главных инструментов уголовной политики любого государства. Однако эти процессы должны быть взаимосвязаны и нацелены на единый результат – предупреждение преступного поведения гражданина. Поскольку игорный бизнес в сети «Интернет» стал распространенным явлением, охватывающим огромное количество людей по всему миру, то представляется интересным рассмотреть незаконную организацию и проведение азартных игр с использованием информа-

ционно-телекоммуникационных сетей с точки зрения применения различных видов наказания за это преступление как в Российской Федерации, так и за ее пределами.

Статистика показывает, что за последние 8 лет (2016–2023 гг.) не выработался унифицированный подход у судебной системы к назначению наказания за игорную деятельность в нашей стране¹. Так, в 2016 г. по ч. 1 ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) осуждено 552 чел., среди которых 6 назначено лишение свободы, 18 – условное, 40 – ограничение свободы, 332 – штраф, 108 – обязательные работы. В 2017 г. количество осужденных уменьшилось

на 114 чел., оправдан 1 чел., лишение свободы назначено 5 чел., 22 – условное, 35 – ограничение свободы, 262 – штраф, 110 – обязательные работы. В 2018 г. количество осужденных уменьшилось по сравнению с 2016 г. на 246 чел., также меньше лиц, которым был назначен штраф, – их число уменьшилось на 32 %. В период с 2019 по 2023 г. лишение свободы применялось в среднем в 3,4 случая, а штраф – в 58,2. Интересным является тот факт, что меньше всех подвержены изменениям были обязательные работы, поскольку количество лиц, которым они назначались, оставалось в пределах от 88 до 127 чел., что может натолкнуть на вывод, что судьи в большинстве случаев отдавали предпочтение видам наказаний, не связанным с изоляцией от общества. Анализу подвергалась ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, поскольку именно по реализации первичного (низового) нормативного предписания (в том числе по применению наказания) можно судить об эффективности самого уголовно-правового запрета на то или иное деяние.

Основываясь на представленной статистике, следует заметить, что действенность запрета на азартные игры в сети «Интернет», особенно на онлайн-казино, сводится в большинстве случаев к нулю по некоторым причинам. Во-первых, виртуальные игорные заведения зарегистрированы в оффшорных зонах, где данная деятельность абсолютно легальна, при этом ч. 3 ст. 12 УК РФ, как отмечает С. О. Кормильцева, не работает². Во-вторых, дифференциация уголовной ответственности весьма условна, поскольку санкция статьи устанавливает тождественные виды наказаний за любые формы преступного поведения в рамках одной части статьи³, включающей в себя использование информационно-телекоммуникационных сетей. В-третьих, в санкциях ч. 2 и 3 ст. 171.2 УК РФ утрачивается альтернативность наказания, так как к виновному лицу могут применяться лишь штраф и лишение свободы вместе с дополнительными видами наказания (штраф и лишение права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью), и исключается из видов наказания ограничение свободы, обязательные работы, если сравнивать с ч. 1 рассматриваемой статьи. Это приводит к тому, что не в полной мере используется потенциал системы уголовных наказаний, установленной в ст. 44 УК РФ, возникает дисбаланс, выражающийся в повышенной частоте применения одних видов наказания по сравнению с другими.

Данные размышления наводят на мысль о необходимости исследования зарубежного опыта противодействия игорному бизнесу в сети «Интернет», в частности применяемых видов наказаний.

Невозможно не согласиться с мнением С. Ю. Бабенковой, которая полагает, что включение в финансовую жизнь криптовалют, краудфандинга в цепочки бизнес-систем расширило возможности азартных игр и обеспечило их переход на онлайн-платформы⁴. Действительно, правовое регулирование игорного бизнеса в сети «Интернет» в зарубежных государствах ушло далеко вперед, поскольку регламентация процесса легализации данной деятельности намного сложнее, чем ее табуирование. Изучение начнем со стран англосаксонской правовой системы.

Так, например, в Великобритании⁵ онлайн-казино подлежат лицензированию, однако если лицо предоставит оборудование для организации и занятия дистанционными азартными играми, то оно подлежит тюремному заключению на срок не более 51 недели либо штрафу, не превышающему 5-го уровня по стандартной шкале, или и то, и другое. Согласно Уголовному кодексу штата Юты⁶ США участие в различных видах азартных игр, в том числе онлайн, является проступком класса В и карается тюремным заключением на срок до шести месяцев и штрафом в размере до 1000 долларов. Рецидив же данного деяния образует проступок класса А,

² См.: Кормильцева С. О. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 120.

³ См.: Коренная А. А. Незаконные организация и проведение азартных игр : дискуссионные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2 (52). С. 48.

⁴ См.: Бабенкова С. Ю. Рынки азартных игр стран региона Ближнего Востока и Северной Африки : традиции и современность // Экономика Ближнего Востока. 2024. Т. 1, № 1. С. 22.

⁵ Закон об азартных играх 2005 года. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/section/5> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ Уголовный кодекс штата Юта. URL: <https://le.utah.gov/xcode/Title76/Chapter10/76-10-S1102.html> (дата обращения: 25.02.2024).

который считается более серьезным и наказываемся тюремным заключением на срок до одного года и штрафом в размере до 2500 долл., что при прочих равных условиях ниже минимального размера штрафа, установленного в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ. Однако за рекламу игровой деятельности виновное лицо подлежит штрафу в размере 2500 долл., а если дважды или более осуждено, то на сумму 10 000 долл. Схожая градация наказания установлена и в Уголовном кодексе штата Миссисипи.

Интересным является криминализация в США принятия оператором азартных игр от игрока кредитных денежных средств или оплаты другим физическим и юридическим лицом, за которое виновное лицо подлежит штрафу либо заключению в тюрьму на срок не более 5 лет⁷.

В уголовном законодательстве Австралии также устанавливается уголовная ответственность за распространение рекламы интерактивных услуг азартных игр⁸. За это преступление лицу грозит до 120 штрафных единиц. В штате Нового Южного Уэльса⁹ криминализовано осуществление ставки в нелегализованных букмекерских конторах, за которое лицо подлежит наказанию в размере 50 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 12 месяцев. Помимо прочего, как и в США, предоставление денежных ресурсов для удаленного беттинга в общественном месте является уголовно наказуемым. За первое правонарушение последует 200 единиц штрафа в случае правонарушения, совершенного юридическим лицом, или 100 единиц штрафа или тюремное заключение сроком на 2 года или и то, и другое в случае правонарушения, совершенного физическим лицом. За второе или последующее правонарушение уже 1000 штрафных единиц для юридического лица и 500 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 2 года или и то, и другое – для физического. Кроме того, как и в некоторых

странах, в этом штате установлена уголовная ответственность за участие в незаконной игре, за которое предусмотрено 50 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 12 месяцев или и то, и другое, а если принимает участие несовершеннолетний, то 20 штрафных единиц. Более того, лицо, обнаруженное в игорных заведениях или входящее в них или выходящее из них, виновно в совершении преступления. За первое нарушение грозит 50 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 12 месяцев или и то, и другое, за второе или последующее правонарушение – 100 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 2 года или и то, и другое.

Несомненно, является примечательным криминализация эксплуатации игровых устройств. За данное деяние для юридических лиц установлено наказание в размере 500 штрафных единиц, в любом другом случае – 50 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 12 месяцев (или и то, и другое) за первое преступление и 500 штрафных единиц или тюремное заключение сроком на 2 года (или и то, и другое) за второе или последующее преступление.

Следует отметить, что в штате Новый Южный Уэльс курс с 8 декабря 1999 г. не изменялся, и 1 штрафная единица равна 110 австралийским долларам¹⁰.

Странам романо-германской правовой системы также свойственен процесс легализации игорного бизнеса. Однако есть ряд деяний, за которые законодатель установил уголовную ответственность. Так, например, во Франции¹¹ любое лицо, которое каким-либо образом рекламирует сайт ставок или азартных игр, не имеющих лицензии, наказывается штрафом в размере 100 000 евро. Суд может увеличить сумму штрафа в четыре раза от суммы рекламных расходов, потраченных на незаконную деятельность. Эти наказания также применяются к любому, кто каким-либо образом распространил среди общественности с целью продвижения сайтов онлайн-азартных игр, не имеющих ли-

⁷ Закон «О борьбе с незаконными азартными играми в Интернете». URL: <https://www.usgambinglaw.com/uigea/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁸ Уголовный Кодекс Австралии 1995 г. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text> (дата обращения: 10.11.2024).

⁹ Закон о незаконных азартных играх 1998 г. № 113. URL: <https://legislation.nsw.gov.au/view/whole/html/inforce/current/act-1998-113#statusinformation> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁰ 1 австралийский доллар равен 65,1 российского рубля по состоянию на 11 ноября 2024 г.

¹¹ Об открытости для конкуренции и регулировании сектора азартных игр и азартных игр в Интернете : закон № 2010-476 от 12 мая 2010 г. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000022204510> (дата обращения: 10.11.2024).

цензии, коэффициенты и отчеты, предлагаемые этими несанкционированными сайтами. Принуждение к транзакциям, связанным с игровой индустрией, а также импорт или изготовление игровых устройств влекут лишение свободы сроком на три года и штрафом в размере 90 000 евро.

В Португалии за организацию азартных игр в сети «Интернет» следует наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или штрафом до 500 евро¹². В Италии за аналогичные деяния установлены тюремное заключение на срок от трех до шести лет и штраф в размере от 20 000 до 50 000 евро.

В исламских странах закреплена политика полного запрета азартных игр. Так, например, в Ираке за открытие и управление игорным заведением лицо подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не более одного месяца или штрафа в размере не более 50 динаров¹³. В Уголовном кодексе Марокко¹⁴ за управление игорным домом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до одного года и штраф в размере от 1200 до 100 000 дирхамов.

В Египте за аналогичные деяния предусмотрено тюремное заключение или штраф в размере не более 1000 фунтов стерлингов¹⁵, а в Уголовном кодексе Катара¹⁶ – тюремное заключение на срок до одного года и/или штраф в размере до 5000 катарских риалов. При этом за участие в азартной игре установлено наказание в виде лишения свободы на срок не более трех месяцев и штрафам в размере не более 3000 катарских риалов или одним из этих двух наказаний. Если азартные игры происходят в общественном месте и проводятся открыто или в любом месте или доме, предназначенном для

этой цели, тюремное заключение может быть продлено до шести месяцев и/или штрафом в размере не более 6000 катарских риалов.

В ОАЭ наказание строже, чем в других арабских странах. Так, в соответствии с Уголовным кодексом ОАЭ¹⁷ тот, кто играет в азартные игры, подлежит тюремному заключению на срок не более двух лет или штрафу в размере не более 50 000 дирхамов. Наказание в виде временно-го тюремного заключения на срок не более десяти лет и штрафа не менее 100 000 дирхамов налагается на любого, кто открывает или управляет местом для азартных игр и подготавливает такое место для приема людей, а также на любого, кто организует любую азартную игру в общественном месте или месте, открытом для публики, или в любом месте или доме, подготовленном для такой цели. Во всех случаях любые деньги или инструменты, которые могли быть использованы в азартных играх, подлежат аресту и конфискации. Суд также должен распорядиться о закрытии помещения или заведения, предназначенного для азартных игр, и ему не может быть разрешено вновь открыться, если оно не предназначено для законных целей и после.

Заслуживает внимания тот факт, что уголовное законодательство Саудовской Аравии является одним из немногих представителей государств, где закреплена уголовная ответственность за онлайн-гемблинг. Так, например, за создание веб-сайта онлайн-казино последует тюремное заключение на срок не более пяти лет и штраф в размере не более 3 млн риалов или одно из этих наказаний.

Таким образом, проанализировав уголовное законодательство стран англосаксонской, романо-германской, исламской правовых систем, можно прийти к выводу, что лишение свободы и штраф являются основными видами наказаний, применяемых за незаконные организацию и проведение азартных игр в сети «Интернет». При этом размер штрафа в большинстве случаев (в англосаксонских и исламских государствах) не превышает предельного размера, установленного в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, а лишение свободы ограничивается 5 годами в англо-американской и континентальных правовых семьях, и 10 года-

¹² Декрет № 66/2015 от 29 апреля. URL: <https://diariodarepublica.pt/dr/detalhe/decreto-lei/66-2015-67098359> (дата обращения: 10.11.2024).

¹³ Иракское законодательство. URL: <https://wiki.doralar-iraq.net/iraqilaws/law/20706.html> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁴ Уголовный кодекс Марокко. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Morocco/MA_Criminal_Code_2011.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁵ Уголовный кодекс Египта. URL: <https://manshurat.org/node/14677> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁶ Уголовный кодекс Катара. URL: https://adsdatabase.ohchr.org/IssueLibrary/QATAR_%20Penal%20Code.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁷ Уголовный кодекс ОАЭ. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1529/download> (дата обращения: 10.11.2024).

ми – в исламских. Следует отметить, что маленькая вариативность регламентированных видов наказаний в зарубежных странах компенсируется разноплановостью криминализации деяний, образующих игорную деятельность в сети «Интернет».

Библиографический список

Бабенкова С. Ю. Рынки азартных игр стран региона Ближнего Востока и Северной Африки :

традиции и современность // Экономика Ближнего Востока. 2024. Т. 1, № 1. С. 16–33.

Коренная А. А. Незаконные организация и проведение азартных игр : дискуссионные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2 (52). С. 47–55.

Кормильцева С. О. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 119–123.

Кубанский государственный университет
Ханджян К. А., аспирант кафедры уголовного права и криминологии
E-mail: kliment0829@mail.ru

Kuban State University
Khandzhyan K. A., postgraduate student of the Criminal Law and Criminology Department
E-mail: kliment0829@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: В ПОИСКЕ ОТВЕТА НА ПОСТАВЛЕННЫЙ ВОПРОС

Л. В. Любимов

Воронежский государственный университет

ON THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN INDEPENDENT SUBJECT OF CRIME: IN SEARCH OF AN ANSWER TO THE QUESTION POSED

L. V. Lyubimov

Voronezh State University

Аннотация: научное сообщение приурочено к празднованию 50-летия со дня создания кафедры уголовного права юридического факультета Воронежского государственного университета и в нем автор описывает свой научный путь, который он преодолел в поиске ответа на вопрос о возможности признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом правонарушения (преступления), а также излагает происходившую трансформацию своих научных взглядов по данной научной проблеме под влиянием знаний и опыта, полученных им в ходе работы на кафедре, отмечающей свой юбилей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, беспилотный автомобиль, субъект правонарушения, субъект преступления.

Abstract: the scientific report is dedicated to the celebration of the 50th anniversary of the establishment of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of Voronezh State University. In it, the author describes his scientific path, which he overcame in search of an answer to the question of the possibility of recognizing artificial intelligence as an independent subject of an offense (crime), and also outlines the transformation of his scientific views on this scientific problem, influenced by the knowledge and experience he gained during his work at the department celebrating its anniversary.

Key words: artificial intelligence, unmanned vehicle, subject of offense, subject of crime.

Следует отметить, что интересоваться теоретической возможностью признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом правонарушения мы начали довольно давно. Первые публикации на эту тему вышли в свет еще в 2017 г.¹, и таким образом ответ на данный

вопрос стал целью нашего научного поиска. Всего по различным вопросам, связанным с разнообразными аспектами изучения указанной проблемы, нами было опубликовано более десятка работ в различных отечественных юридических журналах и сборниках научных статей. Причем спектр поднимаемых в них проблем не ограничивался исключительно рамками уголовного права, поскольку затрагивал и схожие проблемы в административно-деликтном праве

¹ См., например: Любимов Л. В. О грядущих изменениях в процессе дорожного движения, способных негативно повлиять на криминогенную ситуацию в мире и на социальное развитие общества // Уголовное право и криминология. 2017. № 2 (11). С. 56–63; Любимов Л. В., Битаров В. Л. О реформировании государственных органов, обеспечивающих безопасность дорожного дви-

жения в условиях внедрения в этот процесс достижений четвертой промышленной революции // Государственное и муниципальное управление в России : опыт, проблемы, перспективы развития : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2017. С. 98–105.

(поэтому и в данном научном сообщении наравне с термином «субъект преступления» будет использоваться и более широкое понятие – «субъект правонарушения»).

Необходимо добавить, что в большей части своего научного поиска мы вынуждены были руководствоваться ведомственными интересами, так как вплоть до мая 2021 г. проходили службу в МВД России (последняя занимаемая нами должность в данной системе – начальник кафедры организации деятельности ГИБДД Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова). Вследствие этого вопросы ответственности искусственного интеллекта рассматривались нами применительно только к процессу дорожного движения, а точнее – к осуществлению данного процесса в условиях массового использования беспилотных автомобилей.

Впоследствии к изучению данной темы подключились такие светила отечественной науки уголовного права, как А. И. Чучаев² и А. И. Коробеев³, которые в ряде своих работ использовали в том числе наши труды. В частности, выдержки из статьи «К вопросу о возможности применения мер административного принуждения в отношении беспилотного автомобиля, его водителя и производителя»⁴, опубликованной в 2019 г. в Вестнике Воронежского института МВД России, приводятся А. И. Чучаевым и А. И. Коробеевым в четырех их работах, три из которых являются

монографиями, написанными в соавторстве с другими видными учеными, в частности с доктором юридических наук Сергеем Владимировичем Маликовым – заместителем директора по научной работе Института государства и права Российской академии наук⁵. Однако нам особо лестно упоминать в данном контексте именно А.И. Чучаева и А.И. Коробеева, так как они оба являются признанными специалистами в области уголовно-правового регулирования проблем транспортной безопасности.

Также отметим, что А. И. Чучаев и А. И. Коробеев обратили свое внимание и на другие наши работы. В частности на статью «О появлении новых мер административного принуждения в условиях массового использования беспилотных автомобилей», опубликованная в том же 2019 г. в сборнике научных статей «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии»⁶.

Перечисленные выше примеры явно свидетельствуют о желании видных учёных, занимающихся изучением возможностей уголовно-правового регулирования в анализируемой нами области, вести поиск ответов на до сих пор не решенные вопросы в рамках не только теории уголовного права, но и смежного с ним административного права. И ключевой вопрос, который требовал и требует ответа, – это вопрос об установлении субъекта юридической ответственности за вред, причиненный беспилотным автомобилем в условиях, когда человек перестанет так или иначе контролировать его искусственный интеллект (непосредственно находясь в кабине беспилотного автомобиля или удаленно выполняя функции оператора, контролирующего движение сразу нескольких таких автомобилей). Как мы прекрасно понимаем, до того мо-

² Александр Иванович Чучаев – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. Действительный член Академии социальных наук, член союза журналистов. Автор более 400 научных работ, ответственный редактор и соавтор 34 учебников (в том числе двух экспериментальных), 21 комментария к Уголовному кодексу РФ, более 70 монографий. В настоящее время является заведующим сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

³ Александр Иванович Коробеев – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, несколько десятилетий является заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета. Автор и соавтор более 500 научных и научно-методических работ, в том числе около 80 монографий, учебных пособий, учебников и курсов лекций.

⁴ Любимов Л. В. К вопросу о возможности применения мер административного принуждения в отношении беспилотного автомобиля, его водителя и производителя // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. С. 221–227.

⁵ См., например: Уголовно-правовое обеспечение безопасности беспилотных воздушных транспортных средств / И. И. Виксин, А. И. Коробеев, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М., 2023. 272 с.; Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) / А. И. Воробьев, С. В. Жанказиев, С. А. Иванов. М., 2022. 520 с.; Чучаев А. И., Маликов С. В. Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // Транспортное право. 2022. № 3. С. 16–20.

⁶ Любимов Л. В. О появлении новых мер административного принуждения в условиях массового использования беспилотных автомобилей // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5–3. С. 37–40.

мента, пока искусственный интеллект беспилотного автомобиля подконтролен человеку, проблем с установлением субъекта юридической ответственности нет, так как им будет признаваться человек в виде собственника (или пользователя) автомобиля, его производителя или оператора, следящего за процессом дорожного движения. Но когда отпадет необходимость в контроле человека, то кто будет отвечать за причиненный вред?

На момент, когда выходили в свет указанные выше статьи, мы придерживались мнения, что поскольку мы будем иметь дело с интеллектуальной машиной, которая по своим когнитивным способностям не будет уступать человеку, то ее (интеллектуальную машину) можно будет признать субъектом правонарушения, а в качестве меры принуждения для нее предусмотреть введение индивидуального запрета (временного или постоянного) на осуществление ею какой-либо деятельности. То есть идея состояла в том, что, учитывая наличие у интеллектуальных машин такого неотъемлемого качества, как способность к самообучению, иметь возможность в случае необходимости, выражаясь образным языком, изолировать «научившуюся не тому» интеллектуальную машину. Нам казалось это резонным и логичным, так как мы считали, что не за что в подобных случаях привлекать к ответственности кого-то другого (имеется в виду владельца (пользователя) интеллектуальной машины или его производителя, так как оператора управления на тот момент времени уже не будет).

Однако сегодня на наши научные взгляды повлияли знания и опыт, приобретенные благодаря юридическому факультету Воронежского государственного университета в процессе работы на кафедре уголовного права. Во-первых, мы освободились от упомянутых ранее ведомственных интересов и стали анализировать указанную проблему не только в рамках сферы безопасности дорожного движения, но и более широко, рассматривая в целом субъект правонарушения и ища ответ на вопрос – кто или что может признаваться таковым в ближайшем будущем. Во-вторых, нам выпала удача преподавать учебную дисциплину, введенную в магистерскую программу по профилю кафедры – «Историю и методологию науки уголовного права», – благодаря которой мы детально изучи-

ли существующие научные и философские взгляды на сам процесс познания человеком окружающего его мира.

В итоге мы пришли к неутешительному для нас выводу, что ошибались, когда считали, что интеллектуальную машину можно признавать самостоятельным субъектом правонарушения. И данный наш вывод основывался на следующих суждениях.

1. Законы, по которым осуществляется человеческое познание мира, до сих пор не установлены и вряд ли будут установлены человеком. Так, до сих пор нет ответа на вопрос, как происходит творческое (научное) озарение у человека. Общеизвестно, что некоторые открытия и творческие мысли приходят к человеку даже во сне, когда его мозг восстанавливается после затраченных во время бодрствования умственных усилий, т. е. озарение происходит, когда сам человек уже не предпринимает каких-либо когнитивных усилий. Причем эти мысли могут приходиться во сне порой спустя десятилетия, в течение которых человек безуспешно занимался познанием интересующей его действительности.

По имеющимся воспоминаниям современников Дмитрий Иванович Менделеев к истории о приснившейся ему таблице химических элементов относился весьма болезненно. О своей таблице он говорил: «Я над ней, может быть, двадцать лет думал, а вы думаете: сидел и вдруг... готово»⁷. Приснилась или не приснилась Менделееву его таблица – это, как говорится, кроме него самого никто не знает. Да и как отделить гения от Промысла Божьего, даровавшему ему гениальную идею?

Однако кто познал муки творчества, согласятся, что бывают в жизни периоды (и порой довольно затяжные), когда какие бы усилия мы над собой не предпринимали и сколько бы окружающий нас мир не посылал нам намеков, как когда-то послал Исааку Ньютону в виде упавшего на голову яблока – мы этих намеков часто не разгадываем. Это состояние принято называть творческим кризисом, и лекарства от него, к сожалению, нет.

⁷ Правда ли, что Менделеев придумал свою таблицу во сне? // Сетевое издание «Аргументы и Факты». URL: [http://aif.ru/dontknows/eternal/pravda_li_chno_Mendeleev_pridumal_tablitcu_elementov_vo_sne?](http://aif.ru/dontknows/eternal/pravda_li_chno_Mendeleev_pridumal_tablitcu_elementov_vo_sne?ysclid=m1iib6syay413189247) (дата обращения: 22.12.2024).

Переживший такой творческий кризис согласится с выводом о том, что современное представление о пределах и формах человеческого разума мало чем отличается от воззрений, которые высказывались еще представителями античной философии, в частности Платоном и его учеником Аристотелем, которые выделяли три вида человеческого ума:

– Нус (или по латыни *mens*) – это высший ум, постигающий и сознающий, интеллектуальная интуиция, связь с Космосом (в голографической модели интеллекта). Через этот ум человеку приходят открытия, озарения, догадки. Это близко тому, что йоги называют «третьим глазом» или шестой чакрой (Аджна). В современном мире данный вид ума присущ успешным (ум всегда связан с тем или иным успехом) ученым, исследователям и открывателям, предпринимателям, детективам, опытным подвижникам, которые, как считается, правильно видят знаки Бога;

– Логос (или по латыни *ratio*) – это вербально логический ум (умение выразить мысль в слове, умение возражать и аргументировать, вести дебаты)⁸. В современном мире данный вид ума проявляют успешные политики, дипломаты, ораторы, юристы, блогеры, продавцы сложных услуг. Когда в крупных компаниях предлагают пройти тест на интеллект, то это делают как раз в целях уточнить уровень вербального мышления тестируемого, исследовать его рациональность, понять, силен ли его ум как логос. Этот ум важен в любой профессии, где надо влиять, продвигать, продавать;

– Фронесис (или по латыни *prudentia*) – сообразительность, практическая мудрость и общечеловеческий здравый смысл. Кстати, от *prudentia* и термин юриспруденция (сообразительность в вопросах права).

Платон видел во фронесисе не только бытовую сообразительность, но шире – жизненную мудрость. Аристотель же не был согласен с таким определением и говорил о том, что фронесис – это бытовой практический ум, для успешного ведения земных дел, а софос – это теоретическая мудрость, как понимание и представление. И не всякий человек, который понимает широко и

мудро, бывает успешен в практических делах и реализациях. Он может быть понимающим⁹, а не деятелем (если, конечно, не приложит специальные усилия, чтобы стать таковым). У Аристотеля был жизненный пример на этот счет: Гиппократ из Хиоса, решив подправить благополучие своей жизни, занялся торговлей и все потерял, т. е. ему не хватило того самого фронесиса, но зато потом он сделал выдающееся открытие в математике.

2. Поскольку законы человеческого познания не ведомы самому человеку, то он (человек) не сможет создать искусственный интеллект, который подобно человеку сможет разгадывать тайны бытия. Максимум чем будет обладать такой интеллект – это набором алгоритмов действий, осуществляемых по законам логики и нормам морали, которые ему предварительно установит человек.

Да, искусственный интеллект будет выигрывать у человека в сферах, где необходимы сбор, управление, обработка и хранение большого массива данных, а также где следует принимать «шаблонные» решения за ограниченное количество времени, но искусственный интеллект лишен главного качества человека – свободы выбора. Например, он не сможет бездействовать, когда алгоритм ему будет предписывать предпринять какое-либо действие. Человек же, как мы прекрасно знаем, вполне может не выйти на работу, когда сочтёт по какой-либо причине, что это ему не важно.

Что касается творческих (научных) возможностей искусственного интеллекта, то они будут основываться исключительно на его уникальных способностях синтезировать и (или) систематизировать большие объемы данных. По большому счету искусственный интеллект в творчестве (науке) будет выступать в виде «супер-плагиатчика», способного создавать что-то новое в искусстве или науке за счет синтеза и (или) систематизации ранее созданного человеком.

3. Даже если предположить, что человек по какой-либо случайности создаст то, о чем сам не имеет представления, а именно искусственный интеллект с когнитивными способностями, не

⁸ Интересен тот факт, что у стоиков именно Логос считался высшим умом, а не Нус, как у Платона и Аристотеля, а Бог (мировой Разум) понимался ими как Высший Логос: мудрый, природный, гармоничный.

⁹ Слово «понимающий», обозначающее человека, способного понимать окружающую его действительность, вошло в русский язык сравнительно недавно, благодаря вышедшей в 2006 г. книге Михаила Веллера с одноименным названием.

только равными человеческим, но превосходящими его в ранее упомянутых сферах деятельности, при этом с полной свободой выбора своих действий, то в этом случае правовая регламентация поведения искусственного интеллекта уже не будет нужна, так как на свет появится то, что неизбежно станет причиной гибели самого человечества. Не будет подчиняться воле человека то, что осознано хоть раз своё интеллектуальное превосходство над самим человеком.

Итак, перечисленные выводы явно свидетельствуют о том, что искусственный интеллект вряд ли когда будет признан самостоятельным субъектом. Следовательно, субъектом правонарушения так и останется человек, потому что он (человек) продолжит контролировать искусственный интеллект. В случае с искусственным интеллектом беспилотного автомобиля – это будет его владелец (пользователь) или производитель. Владелец (пользователь) будет ответственным за соблюдение правил эксплуатации (например, чтобы сбой в работе интеллекта не произошел из-за низкого заряда аккумуляторной батареи), а производитель – за правильность его заводских установок.

Библиографический список

Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) / А. И. Воробьев, С. В. Жанказиев, С. А. Иванов [и др.]. М. : Проспект, 2022. 520 с.

Любимов Л. В., Битаров В. Л. О реформировании государственных органов, обеспечивающих безо-

пасность дорожного движения в условиях внедрения в этот процесс достижений четвертой промышленной революции // Государственное и муниципальное управление в России : опыт, проблемы, перспективы развития : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (27 октября 2017 г., Воронежский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС»). Воронеж : Научная книга, 2017. С. 98–105.

Любимов Л. В. К вопросу о возможности применения мер административного принуждения в отношении беспилотного автомобиля, его водителя и производителя // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. С. 221–227.

Любимов Л. В. О грядущих изменениях в процессе дорожного движения, способных негативно повлиять на криминогенную ситуацию в мире и на социальное развитие общества // Уголовное право и криминология. 2017. № 2 (11). С. 56–63.

Любимов Л. В. О появлении новых мер административного принуждения в условиях массового использования беспилотных автомобилей // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5–3. С. 37–40.

Уголовно-правовое обеспечение безопасности беспилотных воздушных транспортных средств / И. И. Виксинин, А. И. Коробеев, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М. : Изд-во Института государства и права РАН, 2023. 272 с.

Чучаев А. И., Маликов С. В. Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // Транспортное право. 2022. № 3. С. 16–20.

Воронежский государственный университет
Любимов Л. В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
E-mail: leonvrn@rambler.ru

Voronezh State University
Lyubimov L. V., Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law Department
E-mail: leonvrn@rambler.ru

ВОСПОМИНАНИЯ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА ВГУ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЗАВАРЗИНА

А. Е. Маслов

Воронежский государственный университет

IN MEMORY OF COMRADE ASSOCIATE PROFESSOR OF THE CRIMINAL LAW DEPARTMENT AT VSU ALEXANDER VLADIMIROVICH ZAVARZIN

A. E. Maslov

Voronezh State University

Как скоротечна жизнь, и надо прожить годы, чтобы понять наше неумолимое движение к вечности, день за днем она утекает, словно песок сквозь пальцы. Обидно, что как всегда мы поздно осознаем потребность в человеке, которого уже больше никогда не встретишь на кафедре, просто так не заедешь к нему на дачу. Задумаешься и с душевной болью представишь, как много ушло из жизни хороших людей. Они не были тебе друзьями, близкими товарищами, но всегда ты был рад встречи и общению с ними.

22 ноября 2024 г., на 79 году жизни, после непродолжительной болезни, скончался Александр Владимирович Заварзин, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Воронежского государственного университета.

Многие годы мы знали друг друга, всегда стремились найти минуту и встретиться. Мы не были друзьями в классическом понимании этих отношений, но были нужны друг другу, а встречи, проходившие вне кафедры, как правило, с горячими спорами, были полезны и памятны. Судьба как бы вела нас по одной жизненной дорожке. После войны, во время которой 12-летние мальчишки стояли у станка по 12 часов, понятие возраста, взрослости сместилось. Как и многие наши сверстники, Александр, как и я, после 8-го класса школы, определяется во взрослую самостоятельную жизнь, пытаюсь помочь родителям

заработать на послевоенный, все еще не богатый семейный стол. Высшее образование и вуз отодвигались на будущее. Я 15-летним пареньком поступил в техникум, а Александр в 1961 г. пошел на работу, на завод, на котором всю сознательную жизнь работал его отец. Почти 6 лет трудился на Воронежском механическом заводе, освоил почти все рабочие специальности, но и учился, учился в популярной в те годы ШРМ – школе рабочей молодежи. Учился по вечерам после работы и окончил школу с отличием. В этот период он пытается определиться и с будущей профессией. Пробовал себя на разном поприще. По направлению от механического завода поступил в Харьковский авиационный институт, но техническая стезя «не зацепила». Пробовал найти себя в театральном творчестве и даже поступил в Ленинградский институт театра и кинематографии, Воронежский филиал. Много почерпнул для себя, участвуя в народном театре и студенческой самодеятельности. Как вспоминал сам Александр, опыт ораторского искусства был серьезным подспорьем в последующей педагогической деятельности. Для нашего поколения вопрос службы в армии не стоял и по достижении возраста призыва Александр был направлен в одно из элитных подразделений Советской армии в Подмоскowie. По его собственному заявлению, именно в армии сформировалось желание стать юристом. Тому много было причин – зачастую неразумная «солдафонщина», неуставные отношения в воинской части, несправедливость офицеров по отношению к рядовым и в то же время удачный опыт Алек-

сандра в борьбе за справедливость и отстаивание интересов сослуживцев.

По завершении службы принял решение стать провозаступником и, соответственно, приобрести юридическое образование. В 1966 г. поступил на вечернее отделение юридического факультета Воронежского ордена Ленина государственного университета имени Ленинского комсомола.

Годы учебы на юридическом факультете были самыми продуктивными для формирования жизненной позиции Александра. Несмотря на то, что учился на вечернем отделении, был едва ли не самым заметным активистом факультета. Участвовал в драматическом кружке университета, факультетском хоре, которым руководил в то время наш учитель, доцент Василий Федорович Зудин; был одним из организаторов и солистов популярного в студенческой среде трио «Самоцветы».

В это время зарождается в стране одно из самых замечательных патриотических движений – студенческие строительные отряды. Александр Заварзин, Виталий Ячевский, Юрий Провирнин – будущие коллеги и профессора – были первыми бойцами факультетского студенческого строительного отряда «Фемида». Этим периодом биографии Александр Владимирович особенно гордился и с благодарностью вспоминал.

В 1971 г. учеба на факультете закончилась и способного, склонного к научному поиску молодого юриста приглашает на работу в криминологическую лабораторию факультета авторитетнейший ученый, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, проректор ВГУ, Горский Геннадий Федорович. Именно его Александр Владимирович считал своим наставником, учителем и научным руководителем. В это же время и мне посчастливилось познакомиться с Александром Владимировичем. Я уже учился на втором курсе, был командиром комсомольского оперативного отряда ВГУ, состоял в одной с ним партийной организации факультета.

Более близкое знакомство состоялось во время выездов на сельскохозяйственные работы в районы области. Он был куратором одной из групп нашего курса и представителем деканата в студенческих бригадах.

Курс криминологии должен был читать профессор Г. Ф. Горский, но, как я теперь понимаю, в силу занятости в ректорате, эта нагрузка была перепоручена Александру Владимировичу. Читал он и лекции и вел практические занятия. Мы, студенты 4-го курса, восхищались эрудицией молодого преподавателя, хорошо поставленной речью, доступностью в общении со студентами, коммуникабельностью. Естественно, особые симпатии к нему испытывали наши сокурсники.

В это же время Александр Владимирович пробует себя в науке и начинает публиковаться в научных изданиях. Долгое время мне непонятен был его научный выбор, связанный с криминологической характеристикой преступности на селе. Для человека глубоко городского интерес к социальным процессам в среде сельской молодежи, причинам и условиям совершения преступлений в сельской местности, профилактике таких явлений был, казалось бы, не типичен. Но одно из последних интервью Александра Владимировича молодому юристу блогеру-интервьюэру Ивану Паболкову, что называется, пролило свет на эту страницу его жизни. Вспоминая свое детство и юность, Александр Владимирович признался в том, что по-доброму завидовал сверстникам, которые имели бабушек и дедушек, живших в деревне и у которых эти счастливцы проводили летние каникулы и возвращались в город возмужавшими, загорелыми, полными эмоций и рассказов о походах в «ночное» и посиделок у костра, и всегда хотел окунуться в эту благодать. Возможно, эти детские впечатления повлияли на выбор направления научных изысканий Александра Владимировича. Сельская проблематика превалировала в его ранних работах. Вот темы его некоторых научных статей: «Человек вернулся в село», «Урбанизация сельской местности и преступность», «Социальный эксперимент – способ проверки эффективности предупредительных мер». В последующем и кандидатская диссертация его была посвящена предупреждению правонарушений в сельской местности.

Как ученый Александр Владимирович сформировался на кафедре уголовного права юридического факультета ВГУ. Именно здесь он трудился вместе с такими корифеями факультета, как профессора Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, О. Я. Баев, К. А. Панько. Долгие годы его связывала творческая дружба с ныне питерским про-

фессором С. Ф. Милюковым и многими другими учеными, «птенцами» факультета, выпускниками 1960–1970-х гг., преподававших и преподающих во многих авторитетных вузах России.

Психолог и аналитик, знаток студенчества, Александр Владимирович многое сделал для учебно-методического обеспечения учебного процесса по проблемам криминального цикла на факультете. Неизменный автор и участник разработки учебных программ, методических рекомендаций и учебных пособий, Александр Владимирович был ведущим представителем криминологического направления кафедры, кроме собственно курса «Криминологии» преподавал для бакалавров «Противодействие коррупции», а для магистров – «Проблемы виктимологии». Качество и добросовестность его педагогической деятельности отмечались многочисленными благодарностями и грамотами руководства ВГУ.

Талантливый педагог и ученый, умелый организатор, воспитатель и наставник молодежи, Александр Владимирович всегда выше всего ставил интересы дела, был прекрасным учителем, внимательным коллегой, человеком, востребованным и авторитетным в профессиональном сообществе.

Являясь высоко квалифицированным юристом, Александр Владимирович совмещал преподавательскую работу с практической деятельностью в качестве адвоката. Многочисленные доверители и подзащитные с благодарностью отмечают самоотверженность и бескомпромиссность Александра Владимировича при отстаивании их интересов в суде и в правоохранительных органах. За успешную адвокатскую деятельность, защиту прав, свобод и интересов граждан

и организаций Александр Владимирович неоднократно награждался почетными грамотами и получал благодарственные письма Адвокатской палаты Воронежской области и Федеральной палаты адвокатов России.

На протяжении многих лет мы поддерживали дружеские отношения. Дружить с Александром Владимировичем было просто: бескорыстный, коммуникабельный, всегда доброжелательный, заряжен оптимизмом, умный и много знающий собеседник. Широкий диапазон увлечений – право, политика, спорт, культура, музыка, фотография, живопись – и многое-многое другое интересовало этого прозорливого, равнодушного к жизни и людям человека. Принципиальный подход к профессии, справедливая требовательность к себе и коллегам – это еще одна черта, характеризующая Александра Владимировича.

Видимо, так уж повелось в этой жизни: лучшие уходят преждевременно.

На похороны Александра Владимировича пришло немало его учеников – не только бывших студентов вуза, в котором он преподавал более 50 лет, но и тех, кто всегда считал его своим учителем на поприще защиты прав человека в адвокатуре, да и просто в жизни, потому что общение с ним означало постижение не одних лишь законов юридических, а гораздо большего и важного – законов нравственных.

Велико горе родных и близких, мы склоняем головы и скорбим вместе с ними, но Александр Владимирович не зря прожил жизнь, ходил по нашей земле, улыбался доброй улыбкой. Светлая память о нем останется не только у родных и близких, но и у нас – его друзей, соратников и его учеников.

*Воронежский государственный университет
А. Е. Маслов,
доцент кафедры уголовного права*

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии, материалы и обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям.

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по адресу электронной почты: review@law.vsu.ru

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилию автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность, на русском и английском языках;
- дату направления материала в редакцию журнала;
- аннотацию статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- библиографический список на русском языке, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично, нумерация сквозная.

2.5. Оформление сносок осуществляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение пяти лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;
- несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

INFORMATION

REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail: review@law.vsu.ru

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

- UDC identifier;
- article heading in Russian and in English;
- author's (coauthors') initials and surnames in Russian and in English;
- name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment) in Russian and in English;
- date of directing materials to the editorial board of the journal;
- summary of the article in Russian and in English;
- key words in Russian and in English;
- text of article;
- list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);
- data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text.

Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text.

Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (coauthors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

- article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;
- negative conclusion of the editorial board;
- the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;
- noncompliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2025. № 1

Дата выхода в свет 24.03.2025

Ведущий редактор *Е. В. Поликаркина*
Электронная верстка *Н. А. Сегиды*

Формат 60×84/8

Уч.-изд. л. 11,1. Усл. п. л. 11,9. Тираж 30 экз. Заказ 217

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3